

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
АЛАНОВ И САРМАТИИ**

Составление, вступительная статья,
комментарии и карта
С. М. Перевалова

Научное издание

Издательство
«АЛЕТЕЙ»
Санкт-Петербург
2000

СЕРИЯ

**ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ

**ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ
ПО ИСТОРИИ
АЛАНОВ И САРМАТИИ**

СЕРИЯ

ВИЗАНТИЙСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

ИССЛЕДОВАНИЯ

Редколлегия серии «Византийская библиотека»:

*Г. Г. Литаврин (председатель), О. Л. Абышко (сопредседатель), И. А. Савкин (сопредседатель),
С. С. Аверинцев, М. В. Бибииков, С. П. Карпов,
Г. Л. Курбатов, Г. Е. Лебедева, Я. Н. Любарский,
И. П. Медведев, Д. Д. Оболенский, Г. М. Прохоров,
И. С. Чичуров, А. А. Чекалова, И. И. Шевченко*

ББК Т4(2)273.122+Т4(2)432.12
УДК 906.2(47+57)
К 70

Кулаковский Ю. А.

К 70 Избранные труды по истории аланов и Сарматии / Составл., вступ. ст., коммент., карта: С. М. Перевалов. — СПб.: Алетейя, 2000. — 318 с. — (Византийская библиотека. Исследования)
ISBN 5-89329-303-7

Избранные труды известного русского ученого Ю. А. Кулаковского (1855–1919) посвящены истории аланов I–XV вв. и территории, на которой разворачивалась их история — Сарматии. Основанные на тщательном изучении письменных источников, они дают подробное изложение основных событий в истории этого народа. В сборнике читатель найдет самый полный на сегодняшний день свод письменных известий древних и средневековых авторов об аланах.

Для всех, интересующихся историей сарматов и аланов, юга нашей страны в древности и средневековье.

ISBN 5-89329-303-7

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2000 г.
© С. М. Перевалов, составление, вступительная статья, комментарии, карта, 2000 г.

Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ АЛАНОВ

Труды известного русского ученого, антиковеда и византиниста Юлиана Андреевича Кулаковского (1855–1919) по истории аланов по праву считаются классическими, на них принято ссылаться во всех серьезных публикациях — отечественных и зарубежных. Изданные в конце прошлого века, они давно стали библиографической редкостью и порой недоступны даже специалистам. Ради возвращения широкому кругу читателей отнюдь не утративших значение исследований издается сборник трудов Ю. А. Кулаковского, объединенных общей темой — историей аланов и близкой ей Сарматии.

Ю. А. Кулаковский¹ — во многом типичный представитель дореволюционной русской гуманитарной

¹ О жизни и творчестве Ю. А. Кулаковского см.: *Варнеке Б.* Записка об ученых трудах Юлиана Андреевича Кулаковского, профессора Императорского Киевского университета св. Владимира // *Известия общества археологии, истории и этнографии, состоящего при Императорском Казанском университете.* 1906. Т. XXIII. С. 1–16. Отд. отт. Казань, 1906; *** Юлиан Андреевич Кулаковский // *Гермес*, 1911, № 10. С. 252–255; *Соболевский А. И.* Ю. А. Кулаковский. Некролог // *Известия Российской академии наук.* 1919. Т. 13. Сер. 6. С. 567–568; *Деревицкий А. Ю.* А. Кулаковский (некролог) // *Известия Таври-*

культуры, «которую мы потеряли». Его жизнь, в общем небогатая внешними событиями, тесно связана с судьбой пореформенной России в переломный период ее истории между отменой крепостного права в 1861 г. и революцией 1917 г. с ее последствиями. В тот период «великих реформ», ускоренной модернизации страны, духовных исканий интеллигенции, больших надежд и неиспользованных возможностей значительных высот достигла отрасль знаний, в которой не покладая рук трудился Кулаковский — историческая наука, давшая миру С. М. Соловьева и В. О. Ключевского, В. В. Латышева и М. И. Ростовцева. Среди этих великих имен не затерялось имя Ю. А. Кулаковского, оставившего своими исследованиями глубокий след в целом ряде направлений отечественной историографии.

Родился Юлиан Андреевич в северо-западном крае тогдашней Российской империи в г. Поневеже Ковенской (г. Ковно — ныне Каунас в Литве) губернии 13 июля 1855 г. Отец его, настоятель местной православной церкви, преподававший Закон Божий в городской гимназии, был образованным человеком,

ческой ученой архивной комиссии. 1920. № 57. С. 324–336. *Маркевич А.* Памяти профессора Ю. А. Кулаковского // Там же. С. 337–340; БСЭ. Т. 35 (1937). С. 444–445; То же, 2-е изд. Т. 24 (1953). С. 8–9; СИЭ. Т. 8 (1965), стб. 262. См. также: *Kulakovskij Ju.* Istorija Vizantii. Vol. I (395–517). L., 1973 (Предисловие на англ. яз. И. Дуйчева). Список трудов Ю. А. Кулаковского до 1910 г.: *Serta Byzasthenica*: Сборник в честь заслуженного профессора Императорского университета св. Владимира Юлиана Андреевича Кулаковского. Киев, 1910. С. III–XIII. Дополнение к списку в рецензии на сборник: ЖМНП. 1911. Отд. III. Октябрь. С. 368.

окончившим Петербургскую Духовную академию и знавшим латинский, греческий, древнееврейский языки, но ему не довелось заниматься воспитанием сына — он умер (1860 г.), когда мальчику было пять лет. Семья осталась на попечении матери, дочери священника-униата, женщины умной и энергичной, которая постаралась дать детям (в семье их было пятеро: кроме Юлиана, старший его на семь лет брат Платон и три сестры) приличное образование. Платон учился в Поневежской гимназии, туда же собирались отдавать Юлиана, но события польского восстания 1863 г., захватившего частично и Ковенскую губернию, изменили планы семьи. Поневежская гимназия в то опасное время была закрыта (1864 г.), Кулаковским пришлось переехать в Вильно, где будущий историк и получил первоначальное образование в Виленской гимназии. Тревожные впечатления детства во многом повлияли на формирование взглядов Платона (известного впоследствии слависта и общественного деятеля) и Юлиана Кулаковских, ставших в дальнейшем противниками отделения Польши и сторонниками сильной имперской политики. Показателен такой факт: уже в бытность профессором Киевского университета Ю. А. Кулаковский, идя поперек общественного мнения, печатно высказывался в защиту памяти известного виленского генерал-губернатора М. Н. Муравьева, прозванного в демократических кругах «вешателем», который суровыми мерами подавил восстание в Виленском крае и активно проводил политику русификации во вверенных ему шести губерниях северозападного края (Киевлянин, 1898, № 309).

Ревностное отношение Кулаковского к науке, отмечаемое всеми знавшими его, сформировалось под

влиянием системы образования, сложившейся в России в ходе реформ 60–70-х гг. и получившей название «толстовской», по имени министра народного просвещения в 1866–1880 гг. графа Д. А. Толстого. Отличительной чертой этого образования был классицизм, т. е. изучение греко-римской античности, в особенности же — древних (греческого и латинского) языков. Классическое образование, существовавшее тогда во всех ведущих европейских странах, в России утвердилось постепенно в течение XIX века. После периода существования «уваровских» (граф С. С. Уваров — николаевский министр народного просвещения в 1833–1849 гг.) гимназий с довольно умеренным классицизмом, настало время реакции, когда из-за революционного брожения в Европе 1848–1849 гг. классицизм в глазах властей стал подозрительным: в нем увидели источник увлечений республиканскими, шедшими от античности, идеями. В 1849–1851 гг. число гимназий с обязательными двумя языками было сокращено до 12; в остальных 65 изучали одну латынь, причем только с 4-го класса (гимназии были 7-классными); часы вытесняемых древних языков передавались естественным наукам. Удар по гуманитарному среднему образованию быстро сказался на качестве образования высшего. Знание греческого языка, необходимого для овладения основами европейской науки и культуры, сделалось такой редкостью, что в 1856 г. новый, пришедший на смену С. С. Уварову, министр, князь П. А. Ширин-Шихматов, должен был разрешить, в виде исключения, прием на историко-филологический факультет Казанского университета студентов без знания греческого языка; послабления по приему были сделаны и для других университетов. Про-

бел в среднем образовании кое-как восполнялся университетами, но общий результат был удручающим. «Горестно вспоминать об этом времени, — писал позднее профессор Московского университета, кстати, один из учителей Кулаковского в годы его студенчества, филолог-классик Г. А. Иванов. — Университетским преподавателям в это тяжелое время приходилось все усилия направлять на то, как бы совсем не иссякла скудная струя изучения древних языков; как бы пополнить недостаточные у большинства слушателей сведения по элементарной грамматике и хотя мало-мальски познакомить их с содержанием наиболее выдающихся произведений древнеклассических литератур. Высшие научные интересы сменились интересами преподавания элементарного»¹.

Возврат к классицизму произошел при Александре II (1855–1881), реформы которого не обошли и народное образование. После жарких дебатов, в том числе и на страницах популярных журналов, между сторонниками классической и «реальной», т. е. приближенной к практическим запросам, школы, в 1864 г., при министре А. В. Головнине, был принят компромиссный вариант, вводивший гимназию двух типов: 1) классическую («филологическую») с одним или двумя древними языками (латынь с 3-го, греческий — с 5-го класса из семи), открывавшую путь в университет, и 2) реальную — без них и с правом поступления в высшие технические учебные заведения; выпускники реальной гимназии могли поступать в университет, досдав экзамены по курсу классической школы. Еще через несколько лет новый министр

¹ Цит. по: Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 42.

народного просвещения граф Д. А. Толстой провел, при поддержке Александра II и вопреки мнению Государственного совета, реформу средней школы. По Уставу 1871 года только 8-летняя классическая гимназия признавалась единственным общеобразовательным заведением, дававшим право поступления в университет; реальные гимназии были понижены до статуса реальных 6-классных училищ, чьи выпускники могли поступать в ограниченное число высших технических училищ. Назначение гимназий определялось как подготовка к будущим занятиям науками в университете, а лучшим средством такой подготовки признавалось усвоение классических языков, причем от учащихся требовалось умение бегло переводить в письменной форме со слуха латинские и греческие тексты (упражнения *extemporalia*). «Систематическое изучение языка — вот единственный предмет для серьезного научного занятия в том возрасте, о котором идет речь, — писал сторонник классицизма и идейный вдохновитель толстовской реформы, видный публицист, по революционно-демократической терминологии “реакционер”, М. Н. Катков. — Древние языки не науки, но они могут стать предметом серьезного учения во всяком возрасте... Гимназия занимает своих воспитанников не филологией, не лингвистикой, а методическим изучением двух исторических языков, отличающихся богатством своей организации и своих литератур, обработанных веками для педагогических целей»¹. Древние языки стали главными предметами в новых гимназиях: на преподавание латинского языка отводилось

¹ Цит. по: Греко-латинский кабинет. М., 1992. Вып. 1. С. 47.

49 часов в неделю во всех классах в течение всех восьми лет, греческого — 36, начиная с третьего класса. Практически занятия по обоим языкам проводились ежедневно.

Оценка толстовской реформы и роли классического образования была и остается неоднозначной, тем более, что она, как и оценка почти любого важного события в России, с самого начала приобрела политическую окраску. Широкие круги оппозиционно настроенного русского общества, прежде всего — разночинная интеллигенция, не приняли реформу из-за ее охранительных целей, классическую систему — из-за оторванности от действительных потребностей общества. Вот оценка либерального историка, кадета по партийной принадлежности, автора одного из лучших курсов по истории России прошлого века (первое издание — 1912–1914 гг.), А. А. Корнилова — историка, стремящегося, по его собственным словам, к максимальной объективности. В отличие от деятельности военного министра Д. А. Милютина, писал он; «совершенно обратное значение и совершенно противоположный характер имела ярко реакционная и специально направленная якобы на борьбу с нигилизмом, а в сущности — на борьбу с распространением либеральных и демократических идей вообще деятельность тогдашнего министра народного просвещения графа Д. А. Толстого... Толстой оставил память о себе как о гасителе и враге просвещения... он был... постоянным, последовательным и злостным врагом народа и, будучи министром, постоянно, настойчиво и упорно попирали права и интересы народа во имя интересов и прерогатив того правящего класса, к которому он сам принадлежал... Среди всех министров Александра II... не было другого такого завзятого и принципиального сторонника

реакции, каким был Толстой»¹. Такая оценка сделанному Д. А. Толстым в области народного образования сегодня более уязвима с учетом несомненного духовного оскудения после краха классической школы в советское время, но в годы ее существования негативное восприятие классического образования было присуще значительной части русской интеллигенции. Ю. А. Кулаковский к ней не принадлежал. Для него античность была воплощением высших идеалов человеческого духа, сам он всю жизнь являлся убежденным поборником толстовской классической школы и был в этом не одинок. Известный русский антиковед, академик С. А. Жебелев, при признании «неправильных и фальшивых установок» толстовской реформы (трудно сказать, в какой мере это суждение было искренним в сталинские годы), так обозначил самое важное из того, что давала тогдашняя школа: «толстовская гимназия приучила нас к труду, приучила не бояться труда, не отступать перед ним»². Завидная оценка для нашего времени, перекрывающая все действительные и мнимые недостатки.

Итак, Кулаковский проходил гимназический курс в годы преобразования средней школы и превращения ее в школу классическую по преимуществу. Поскольку после смерти отца семья осталась почти без средств, закончить образование Юлиан смог лишь благодаря своим способностям, упорству и существованию государственной системы обеспечения детей-сирот. В учебе он шел по стопам старшего брата. Платон после окончания Виленской

¹ Корнилов А. А. Курс истории России XIX века. М., 1993. С. 300–301.

² Жебелев С. А. Автонекролог // ВДИ, 1993, № 2. С. 193.

гимназии (1866 г.) поступил в Московский университет. Несколько лет спустя в Москве оказался и Юлиан: закончив в 1871 г. 6-й класс Виленской гимназии, он перешел в число стипендиатов незадолго до того (в 1868 г.) основанного императорского лицея цесаревича Николая. Лицей, открытый по инициативе М. Н. Каткова и П. М. Леонтьева, был призван «содействовать утверждению основательного образования русского юношества» и готовить преподавателей для классических гимназий, чем и вызывал неприязнь у радикально настроенной молодежи. В одном из весьма злобных памфлетов 70-х годов на Каткова говорилось:

*Кто основал лицей, в котором,
Классическим питая вздором,
Готовят родине сынов?
Михаил Никифорович Катков*¹.

Кулаковский, конечно же, иначе относился к лицей, ставшему для него родным и оказавшему начинающему историку действительную помощь в профессиональном росте при стесненных материальных обстоятельствах. Учился он отлично и, как первый ученик, получал высшую в своем классе стипендию (800 р.)². После окончания гимназического курса (1873 г.) Юлиан смог воспользоваться правом, установленным для питомцев лицея, пройти и университетский курс по историко-филологическому факультету, частью — в самом лицее, частью — в Московском университете на правах вольнослушателя.

¹ Кареев Н. И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 314.

² Календарь Лицея цесаревича Николая на 1872/1873 учебный год. М., 1873. С. 220. Для сравнения: жалование младшего тьютора (наставника) равнялось 900 рублей (Там же. С. XXIII).

Кулаковский успешно учился и закончил четырехлетний курс университета за три года — это была льгота для выпускников лицея — в 1876 году. Областью его особых интересов были уже тогда греко-римские древности: известно, что за сочинение «Миф об Оресте по памятникам античного искусства» в 3-м семестре Кулаковский получил серебряную медаль. Восприимчивый, живой, непосредственный Кулаковский жадно вбирал в себя впечатления бурной столичной жизни, наполненной литературными дискуссиями, общественно-политическими дебатами, борьбой журналов, находивших горячий отклик в студенческой среде. Все это сказалось на мировоззрении Кулаковского и остром чувстве современности, отличавшим его в жизни.

Важную роль в развитии профессиональных и гражданских качеств ученого сыграли его учителя, с которыми, можно сказать, Кулаковскому повезло. Еще в Виленской гимназии ему довелось учиться у будущего основателя русской школы византистики В. Г. Васильевского (1838–1899). В Москве несомненное влияние на Кулаковского оказал прежде всего П. М. Леонтьев, один из лучших знатоков античности в России, бывший директором и преподавателем учрежденного им совместно с М. Н. Катковым лицея. П. М. Леонтьев (1822–1874) в свое время усердно занимался археологическим изучением Северного Причерноморья, издал в 50-е гг. пять томов сборников «ПроPILEи» по классической древности, занимал кафедру римской словесности в Московском университете. Ко времени появления Кулаковского в Москве произошел его разрыв с университетом: не любившая Леонтьева за консервативные взгляды и нелегкий характер университетская профессура за-

баллотировала его на очередных выборах в Совете 9 сентября 1872 года. Широкую огласку получила реплика Леонтьева на итоги голосования: «Вы лизнули моей крови, но я отомщу», за которой последовали нападки Леонтьева в «Московских новостях», где он был соредактором Каткова, на университетские порядки. При всех бросавшихся в глаза недостатках Леонтьева — в конце своей профессорской карьеры он был груб со студентами, позволял себе не готовиться к лекциям, опаздывать на них и т. д. — специалист он был отменный, и Кулаковский немало позаимствовал у своего учителя в тематике и методике исследований и преподавания¹. Обучаясь в университете, Кулаковский мог слушать лекции таких знаменитостей, как С. М. Соловьев, Ф. И. Буслаев, И. С. Тихонравов; более непосредственное воздействие на него оказали профессора: латинского языка — Г. А. Иванов, греческого — Ф. Е. Корш, всеобщей истории — В. И. Герье.

По окончании университета (1876 г.) Кулаковский получил степень кандидата для приготовления к профессорскому званию. Одновременно он работал некоторое время в родном лицее в должности тьютора (наставника), затем получил возможность продолжить свое образование за границей. Стажировка способных молодых ученых в европейских странах за казенный счет в начале их научной деятельности была вполне обычной практикой того времени, и значение ее в деле ознакомления с опытом передовых в науке стран трудно переоценить для эпохи, когда средства коммуникации и передачи информации были еще слабо развиты в сравнении с концом XX века. Кан-

¹ См. об этом: Варнеке Б. Указ. соч. С. 2–3.

дидат на поездку получал на руки довольно крупную сумму денег, коей свободно распоряжался, самостоятельно составлял программу своих научных занятий, определял маршрут своего путешествия сроком, как правило, на 1,5–2 года. Поскольку ведущей страной в антиковедении была в ту пору Германия, ее и выбрал Кулаковский для своей командировки. С января 1878 г. по осень 1880 г. он работал в крупнейших научных центрах: Бонне, Тюбингене, Берлине. В Берлине ему довелось попасть в число слушателей к крупнейшему ученому Теодору Моммзену (1817–1903), у которого он прослушал курс римской эпиграфики в зимнем семестре 1878/79 гг. и в том же семестре и летнем 1879 г. участвовал в семинаре великого эпиграфиста. К Моммзену у Кулаковского навсегда осталось чувство, близкое к благоговению, что он и выразил, в частности, в некрологе на смерть своего учителя 20 с лишним лет спустя (Памяти Моммзена. Киев, 1904). Влияние Моммзена было огромно не только в выборе тем и методов исследования — оно проявлялось и на, так сказать, методологическом уровне. Кулаковский, как и его учитель, до конца дней оставался приверженцем историко-филологического подхода к своей науке. «История, как частное, входит в обширное понятие филологии, дух которой — исследование и уразумение памятника. Углубление анализа, изощрение метода исследования, живое и развивающееся знание памятников прошлого — вот что такое филология» (Там же. С. 23). Формулируя таким образом свое понимание истории, Кулаковский ссылался на знаменитый тост Моммзена: *Lebe hoch unsere deutsche Philologie! Nicht Geschichte, nein: Philologie soll leben!* [Да здравствует наша немецкая филология! Не история, нет: филология пусть здравствует!]

Из других немецких ученых, с которыми Кулаковский встречался в ходе заграничной командировки, ему запомнился тюбингенский профессор Альфред фон Гутшмид, известный своими разносторонними интересами (см. заметку Кулаковского «К вопросу о пеласагах» // Филологическое обозрение, 1891. Т. I. С. 110–118).

Осенью 1880 г. Кулаковский возвращается в Россию и некоторое время пребывает в Москве. К этому времени относится его первая печатная работа «Критическая разработка источников древнейшей римской истории» — рецензия на книгу К. Петера «Zur Kritik der Quellen der älteren Römischen Geschichte. Halle, 1879 (Критическое обозрение, 1880, № 1). Готовя себя к дальнейшей ученой карьере, Кулаковский сдает магистерский экзамен в 1881 г. В том же году он получает приглашение на службу в Киевский университет св. Владимира и после защиты диссертации *pro venia legendi* [на право чтения лекций] «Надел ветеранов землей и военные поселения в римской империи» (опубликована в «Киевских университетских известиях», 1881, № 8) начинает вести свой первый университетский курс по кафедре римской словесности. С Киевским университетом связана вся последующая педагогическая и научная деятельность Кулаковского. С 20 ноября 1881 г. он приват-доцент, с 1 октября 1884 г. — экстраординарный профессор (перед этим Кулаковский защитил в Москве в 1883 г. магистерскую диссертацию «Коллегии в древнем Риме», опубликованную в КУИ в 1882 г.), наконец, после защиты докторской диссертации в Петербурге «К вопросу о начале Рима» (КУИ, 1887–1888, отд. отт.), стал ординарным (штатным) профессором с 24 октября 1888 г. Помимо университета

Кулаковский преподавал в гимназии и на высших женских курсах, выступая горячим поборником распространения классического образования в России. Свои педагогические взгляды Кулаковский неоднократно пропагандировал в печати: «Современное состояние английских университетов» (Русский вестник, 1886. Кн. 9), «Классические языки в русских гимназиях» (Русская школа, 1890. Кн. 1, 3), «Школьное дело на нашем юге» (Киевлянин, 1894, № 8), «Пolemика по поводу церковно-приходских школ» (Там же, № 325, 327), «Настоятельный вопрос учебной практики в наших гимназиях» (Русская школа, 1895. Кн. 1), «К вопросу о новых учительских экзаменах» (Киевлянин, 1896, № 107), «Гимназия и учительство» (Там же, № 121, 122), серия статей «К вопросу о реформе средней школы» (Киевлянин, 1900, № 339, 340, 342, 344; 1901, № 322, 327, 329, 333), «Проект нового устава гимназий» (Там же, 1904, № 335, 337, 339, 341, 343, 345, 348 и отд. отт.).

Что касается научной деятельности Кулаковского, то первое ее десятилетие было отведено, в основном, проблемам римской истории; при этом сказывалось влияние Моммзена в подходе и тематике исследований. Сам историк позднее так объяснял это: «Мои первые ученые работы относились к области римской древности и вращались в сфере вопросов по истории римских учреждений — преимущественно императорского периода, для изучения которого представляют обильный материал эпиграфические тексты, широко введенные под эгидой Моммзена в ученый оборот европейской науки. Университетское преподавание, которое открылось для меня в университете св. Владимира, направляло затем мои занятия и ученые интересы в круге установившегося цик-

ла предметов, обнимаемых кафедрой римской словесности, причем факультет поручал мне вначале и преподавание римской истории за неимением особого преподавателя. Так в течение первого десятилетия я оставался в области римской истории»¹. Помимо упомянутых выше диссертационных работ, Кулаковским в 80-е годы были опубликованы ряд статей и критических рецензий по классическим римским, а также греческим древностям в «Киевских университетских известиях», «Журнале министерства народного просвещения» и некоторых других периодических изданиях. Большой не столько научный, сколько общественный резонанс имела публичная лекция «Христианская церковь и римский закон», прочитанная в декабре 1891 г. в пользу голодающих (опубликована дважды — в КУИ, 1891, № 12 и Русском обозрении, 1892. Кн. 1), вызвавшая резкую критику ортодоксально настроенных богословов за стремление объективно оценить нейтральность римского права по отношению к новой религии — Кулаковский при этом был объявлен «новым Юлианом Отступником». Ответ горячего по характеру ученого не замедлил себя ждать и отличался высокой степенью едкой полемичности и язвительности («Христианская церковь и римский закон. Ответ на критику, помещенную в известиях Киевской Духовной Академии» — КУИ, 1892, № 7).

Постепенно круг научных интересов Кулаковско-го расширялся, что было вполне естественно при его кипучей натуре и живом интересе к культурным запросам современного ему общества. Для русских ученых того времени занятия классической антично-

¹ *Kulakovskij Ju. Op. cit. P. VI.*

стью затруднялись тем, что основные собрания источников и центры антиковедения находились за границей, получение командировок туда было делом хлопотным, тем более для сотрудников провинциальных университетов. П. Н. Милюков, сам стоявший в 70-е годы перед выбором, какой истории — отечественной или всеобщей — отдать предпочтение, так объяснял проблему: «работать в России по истории иностранных государств значило “таскать воду в колодезь”, тем более что диссертации на ученую степень писались по-русски и до иностранцев не доходили; а дальнейшая работа, после получения степени, по воле тормозилась за недостатком материала и трудностью сноситься с заграницей»¹. Лучшие представители науки об античности — один из учителей Кулаковского П. М. Леонтьев, академики В. В. Латышев, М. И. Ростовцев, восполняли этот объективно существующий недостаток материала систематическим изучением древностей южной России — Северного Причерноморья и, в меньшей степени, Кавказа. По этому пути неизбежно должен был пойти и Кулаковский. По приглашению Императорской археологической комиссии он принял участие в сезоне 1890 года в раскопках в Крыму. Уже первый год работы ознаменовался интересным открытием христианской пещеры 788 г. боспорской эры (491 г. н. э.) (публикация Кулаковского «Керченская христианская катакомба 491 года» в «Материалах по археологии России, издаваемых Императорской Археологической Комиссией». Вып. 6, СПб., 1891). За первым самостоятельным исследованием в области древностей нашей страны не замедлили последовать

¹ Милюков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. I. С. 117.

другие, причем особое внимание Кулаковского привлекали Крым и Кавказ. Археологические и исторические изыскания по древней истории Крыма завершились изданием научно-популярного очерка с привлечением большого фактического материала «Прошлое Тавриды» (Киев, 1906), о котором знаменитый византист Карл Крумбахер написал, что книга заслуживает перевода на западноевропейский язык¹. Свою лепту Кулаковский внес и в изучение истории Кавказа, в частности — вопроса о распространении христианства среди его народов (статья «К объяснению надписи с именем императора Юстиниана, найденной на Таманском полуострове» в «Византийском Временнике», 1895, II, 1/2; «Где была Вичинская епархия Константинопольского патриархата?» — Там же. 1897, IV, 3/4; дополнение «Еще к вопросу о Вичине» — Там же. 1898, V, 3/4; «Где был построен имп. Юстинианом храм для авазгов?» — Археологические известия и заметки, 1897, V, 2). В рамках историко-филологических исследований прошлого России Кулаковским были написаны работы по сармато-аланской тематике, предлагаемые в этом сборнике, речь о которых пойдет впереди. Один археологический сезон (1900 г.) Кулаковский провел в Ольвии, передав затем дело ведения раскопок молодому тогда ученому, впоследствии прославившемуся именно многолетним систематическим исследованием древнего города — Б. В. Фармаковскому. Несколько статей были посвящены ранней истории славянства и началу Руси. Вся эта разнообразная научная продукция Кулаковского находила отражение в работе существовавших тогда научных обществ

¹ Byzantinische Zeitschrift. XVI. 1907. S. 363.

и археологических съездов. Особенно активное участие Кулаковский принимал в деятельности «Киевского исторического общества Нестора-летописца», постоянным членом которого он был с 23 января 1883 года, а после смерти Н. П. Дашкевича, с 1906 по 1911 г., был председателем общества. В Обществе Нестора-летописца были подготовлены многие работы Кулаковского и среди них — «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (1899).

Особое направление научной работы Кулаковского, в чем проявилась его натура филолога — переводы с древних языков. Кроме представленного в настоящем сборнике «Аланского послания (епископа) Феодора», значительным достижением Кулаковского стал перевод с латинского, совместно с киевским профессором А. И. Сонни, «Истории» Аммиана Марцеллина в трех выпусках (Киев, 1906–1908), единственный полный перевод на русский язык этого сложного в языковом отношении памятника¹. В труде Аммиана Марцеллина есть значительный экскурс об аланах, который не воспроизведен в настоящем издании во избежании фрагментарного восприятия автора.

Еще одна разновидность научной деятельности Кулаковского, ставшая ведущей в последний период его творчества и принесшая, пожалуй, наибольшую известность разностороннему ученому — история и культура Византии. Отдельные работы, выходящие на византийскую тематику, были опубликованы еще в 90-е гг. XIX в. — к числу их относится и исследова-

¹ См. благожелательную рецензию С. А. Жебелева: ЖМНП. Нов. сер. Часть V. 1906. Сентябрь. Отд. III. Критика и библиография. С. 185–190.

ния о христианстве у аланов и других кавказских народов. Дополнительный импульс к византиноведческим исследованиям принес учебный курс, порученный Кулаковскому с 1906/1907 учебного года. Сам Кулаковский рассматривал византийскую историю как прямое продолжение римской, так что переход к более целенаправленному изучению Византии был вполне естественным. Но было еще одно обстоятельство, связанное с пониманием Кулаковским значения истории Византии для судеб России. Свое устроение Кулаковский выразил так: «Наше русское прошлое связало нас нерасторжимыми узами с Византией, и на этой основе определилось наше русское национальное самосознание. Теперь, когда ввиду совершившегося перелома в нашем политическом строе (Кулаковский писал это в 1906 г., после учреждения Государственной Думы. — С. П.), наше народное самосознание особенно нуждается в просветлении своих основ, принесена неведомо зачем тяжелая жертва в ущерб народного дела. Те люди, которым было вверено верховное руководство делом русского просвещения, отказались в системе высшего образования от того элемента, который дает ему силу и мощь в Западной Европе. Устранение греческого языка из программы среднеобразовательной школы (сделано министром народного просвещения П. С. Ванновским, вступившим на пост после убийства Боголепова в 1901 г. — С. П.) является добровольным принижением нашего просвещения пред тем его идеалом, который живет и действует в Западной Европе. Ущерб, принесенный делу просвещения, ставит печальную перспективу для нашего будущего. Хотелось бы надеяться, что рост русского самосознания и просвещения, а также более глубокое ознакомление

с историей просвещения на Западе, вызовут в русском обществе сознание потребности восстановить на нашей родине то первенство греческого гения в системе высшего образования, которое возродила у себя Западная Европа. Быть может, поймем и мы, русские, как понимают в западной Европе, что не в последнем слове современника, а в первом слове эллинов заключено творческое начало высокой европейской науки и культуры. Что же до системы образования, то здесь желательна и возможна дифференциация, а не нивелировка и опрощение»¹. В позиции Кулаковского видна неприкрытая тревога честного гражданина и педагога за крайне опасную тенденцию в русской культуре — уравниловки, утверждения господства невежества и нигилизма. Эта тенденция, реально воплотившаяся в XX веке, и не только в нашей послеоктябрьской стране, но и — в иной форме и в иных масштабах — в Европе (вспомним «Восстание масс» Х. Ортеги-и-Гассета), беспокоила многих образованных людей тогдашней России и была осмыслена в образе «грядущего хама». В 1914 году, когда процесс зашел уже слишком далеко, Д. С. Мережковский писал: «Не бойтесь никаких соблазнов, никаких искушений, никакой свободы, не только внешней, общественной, но и внутренней, личной, потому что без второй невозможна и первая. Одного бойтесь — рабства и худшего из всех рабств — мещанства и худшего из всех мещанств — хамства, ибо воцарившийся раб и есть хам, а воцарившийся хам и есть черт — уже не старый, фантастический, а новый, реальный черт, действительно страшный, страшнее, чем его малюют, — грядущий Князь мира

¹ *Kulakovskij Ju.* Op. cit. P. VII–VIII.

сего, Грядущий Хам»¹. Этот страх перед грядущим ставил большой для всей русской интеллигенции, так и не смогшей преодолеть глубокий разрыв между властью и народом, вопрос: что делать? Ответ Кулаковского — развивать просвещение на основе классических наук — совпадает с мнением известного адвоката и знатока русской жизни Ф. Н. Плевако («классическое образование и понимание римского права — это крепости против грядущего хама»²) и многих представителей «серебряного века» русской культуры. Но мнение культурного слоя, не имевшего глубоких социальных корней, осталось невостребованным — история, как известно, пошла другим путем...

Как бы то ни было, Кулаковский предавался ученым занятиям далеким прошлым с сознанием вящей необходимости своего дела для судеб России. В конце своей научной карьеры он создает самый крупный свой труд, оставшийся незаконченным, но по сей день непревзойденным описанием византийской истории с 395 по 717 г. — «Историю Византии» (Киев, 1910–1915. Т. I–III). Кулаковский работал над этим произведением уединенно, не афишируя своего замысла, и выход первого тома был неожиданностью для научной общественности и даже для близкого и давнего корреспондента Кулаковского, питерского профессора Ф. И. Успенского, работавшего над той же темой и вскоре издавшего собственную «Историю Византийской империи» (СПб., 1913. Т. I). Изолированность от других центров византиноведения, келейность в работе над главным своим трудом, конечно,

¹ *Мережковский Д.* Грядущий Хам // Вестник высшей школы, 1991, № 2. С. 86.

² Родина, 1992, № 5. С. 106.

сказались на содержании книги Кулаковского. Многочисленные рецензенты отмечали узость источниковой базы (книга построена на использовании исключительно литературных источников), ограничение темы в основном политической и церковной историей, недостаток проблемности, в частности, по отношению к истокам византийской цивилизации и т. д. Но и в том виде, в котором книга увидела свет, она стала заметным событием в византиноведении, и влияние ее ощущается и поныне. Признанием ее значимости явилось переиздание книги в 1973 г. в Лондоне в серии монографий, составивших эпоху в историографии Византии. Как отмечал в предисловии И. Дуйчев: «Написанная с объективных позиций, с критическим чутьем, основанная на скрупулезном анализе всех известных сколько-нибудь значимых источников, его “История Византии” остается одним из главных инструментов византиноведческих исследований»¹. В годы работы над трехтомником Кулаковский опубликовал ряд статей по отдельным вопросам византийской истории и издал «Стратегику» императора Никифора (X в.) по рукописи Московской Синодальной библиотеки (Записки Императорской Академии Наук (Историко-филологическое отделение), 1908, т. VIII, № 9).

Последние годы ученого были печальны. По своим убеждениям он был русский националист и государственный и грозные события начала XX века: революционное брожение, война с Японией и все углубляющийся кризис власти, угроза распада России тягостно сказались на его душевном состоянии. Находившийся с Кулаковским в длительной переписке

¹ *Kulakovskij Ju. Op. cit. (Preface).*

А. И. Маркевич оставил свидетельства того угнетенного состояния, в котором находился Кулаковский с начала века. «Я падаю духом и с ужасом жду того, что еще суждено нам переносить и какое наследие оставим мы нашим детям вместо единой, могущественной и грозной для внешнего врага России, покоившейся на национальных русских устоях» (1902 г.). Обычно активный в научной и общественной жизни, он все более сужал поле своей деятельности. Не вполне удачное в смысле результатов участие в работе Государственной комиссии по обсуждению проекта устава средней школы охладило его желание реформ в учебном деле («Как будто в уставе дело, а не в нравах. Ведь и с гимназией то же: все поставили под вопрос, и дело так и застыло, и даже не слышно, есть ли проект нового устава среднего образования, который бы дал сознание прочности дела и нормального порядка» — из письма 5 апреля 1909 г.). Начиная с Екатеринославского (1902 г.) всероссийского археологического съезда, Кулаковский уже в них не участвовал, изредка выезжал за границу — на исторические конгрессы в Риме (1902 г.), Берлине (1908 г.), все более уединялся в кругу своей семьи, лето предпочитал проводить не на раскопках, а на собственном хуторе Красная Поляна (ныне Краснодарский край). Он все более замыкался в себе, болезненно переживал удары судьбы. Надвигались старость и одиночество. В 1913 году Кулаковский понес тяжелую утрату — смерть брата Платона, за которой последовали смерть его собственной жены и спутницы, Любови Николаевны, затем — жены брата, Екатерины Федоровны, урожденной Миллер (сестра академика В. Ф. Миллера, автора «Осетинских этюдов»). После нескольких тяжелых лет Первой мировой войны грянула

революция 1917 года и последовавшая за ней гражданская война. Потрясения личной жизни и приближение ясно понимаемой им общероссийской катастрофы подкосили его здоровье; особую обеспокоенность причиняла усиливавшаяся болезнь легких. Тяжелая депрессия прорывается в письмах к А. Маркевичу¹. «Уныние и безнадежность, одолевшие меня, и все усиливавшиеся, превратили меня в живой труп, убили всякую волю и энергию... Я страшно томлюсь и страдаю от невозможности чем-нибудь заняться. Налегла на Русь черная полоса, в которой нет просвета... Идет развал великой единой Руси, которая имела свои великие мировые задачи и мощь для их выполнения. Перебили спинной хребет живого существа, и оно трепещет конвульсивно всеми своими членами. Страшно до ужаса и жить нечем. От худшего идем к худшему... Что выйдет из этого хаоса? У меня нет сил переживать это страшное настоящее» (письмо от 4 июня 1917 г.). «Страшная темная туча налегла на Русь и в этой беспросветной тьме в тревоге за грядущий день приходится не жить, а прозябать и томиться... В тумане этих событий гаснет и мысль, и сознание» (27 декабря 1917 г.). Последние месяцы жизни крупного русского ученого плохо известны. «Нашей культуре конец» — одни из последних слов, дошедшие до нас. Вскоре его не стало. Частые болезни ускорили конец и 8/21 февраля 1919 года он скончался — безусловно, вовремя, посреди разрухи и гибели всего, что было ему дорого. Можно сказать, что он не пережил мир, которому был предан. Память его почтили в нескольких появившихся вскоре некрологах, отразивших скорбь по утрате его друзей и

¹ Цитаты даны по: Маркевич А. Указ. соч. С. 339–340.

коллег. В одном из них говорилось: «Оглядываясь теперь на пройденное Ю. А. Кулаковским жизненное поприще, нельзя не сказать, что в его лице русская наука утратила крупную, деятельную силу, нелегко возместимую. Одушевленный знаток античного мира, его языка и литератур, большой мастер слова, идеалист, проникнутый возвышенным гуманитарным настроением, неутомимый и вдумчивый научный работник, добросовестный и преданный своему делу профессор, носитель лучших университетских традиций, велицемерный друг учащейся молодежи, — Ю. А. Кулаковский не внес в оборот человеческой мысли каких-либо ярких и новых идей и не создал школы, — это дано не каждому, — но он обогатил русскую научную литературу многими ценными исследованиями, отмеченными печатью ясного ума, глубокого и широкого знания, тонкой наблюдательности и неоспоримой талантливости... куда бы ни долетела весть о том, что его не стало, везде найдутся люди, — его друзья, его корреспонденты, его бывшие ученики, его почитатели, — которые отнесутся к этой горестной вести с чувством искренней, сердечной печали»¹.

* * *

В разнообразном историографическом наследии Кулаковского, насчитывающим более полутора сот печатных работ, труды по истории аланов и Сарматии занимают небольшое, но важное как для него самого², так и для научной дисциплины место. Пять

¹ Дерезицкий А. Указ. соч. С. 335.

² О значимости этих работ и их месте в творчестве Кулаковского: Варнеке Б. Указ. соч. С. 10; Дуйчев И. в: Kula-kovskij Ju. Op. cit. (Preface).

работ, представленных в настоящем сборнике, принадлежат к разным жанрам; в совокупности они дают представление о многогранном таланте ученого и разных сторонах его творчества. Наиболее ценным исследованием по алано-сарматской проблематике является большой очерк, а по сути сжатая монография «Аланы по сведениям классических и византийских писателей» (Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1899. Кн. XIII и отд. отт.) (далее — «Аланы») — подробная и до сего дня наиболее полная обобщающая сводка материала древних и средневековых авторов, писавших на греческом и латинском языках, об аланах, с необходимой критикой, комментариями и историческими выводами. Тематически к этой работе примыкает более ранняя исследовательская статья «Христианство у алан» (Византийский временник, 1898. Т. V. Вып. 1) и перевод с греческого весьма любопытного памятника византийской прозы XIII века «Аланского послания епископа Феодора» (Записки Императорского Одесского общества истории и древностей, 1898. Т. XXI и отд. отт.). Совершенно особый характер имеет работа Кулаковского над составлением карты европейской Сарматии по «Географии» знаменитого ученого древности Клавдия Птолемея и комментариев к ней (Карта европейской Сарматии по Птолемею. Приветствие XI археологическому съезду. Киев, 1899). На публикацию немедленно откликнулся крупнейший знаток древностей юга России академик В. В. Латышев подробной рецензией в «Филологическом обозрении» (1899. Т. XVI, 2). Ответ Кулаковского в том же журнале (1899. Т. XVII, 1) проясняет многие вопросы, поднятые его оппонентом, и знакомит с самим методом, «кухней» исследователя и одно-

временно с его приемами в научной полемике — жанре, часто встречающемся в творчестве историка, обладавшего повышенной горячностью и весьма обидчивого, пожалуй, даже легкоранимого человека.

Разные по жанру, работы, сведенные в настоящем сборнике, так или иначе объединяет общая тема — история аланов, а с учетом мнения Кулаковского об осетинах, как «потомках и остатку древних алан», история ближайших предков осетинского народа. Именно эти работы позволяют определить по достоинству место Кулаковского в историографии аланов.

Предмет алановедения имеет ряд особенностей. Одна из них в том, что аланы не оставили собственной письменной истории. Они появляются впервые на страницах античных книг в I в. н. э. и исчезают из восточных, русских, западных летописей в XV в. Изучение их истории в новое время возможно было в рамках развития европейской науки, сохранившей связь с греко-латинской исторической традицией, в которой наиболее полно отразились события с участием аланов.

Труды Кулаковского по алано-сарматской тематике появились под самый конец XIX века. Для исторической науки это был век собирания, систематизации и критического толкования материала в духе позитивизма. Призыв Леопольда Ранке писать в исторических исследованиях о том, «как это происходило в действительности» (*wie es eigentlich gewesen*) хорошо выражал господствующую методологию того времени, а методология отражалась и на конкретных методах познания, главным из которых был доведенный до совершенства метод критического анализа текста. В XIX век, век бурной экспансии европейской цивилизации, история значительно расширила круг

своих интересов, введя в орбиту исследований «неклассические» народы, считавшиеся ранее как бы «неисторическими». Но естественно, что в эпоху образования и расцвета национальных государств и формирования национальных культур главные силы историков во всех странах Европы направлялись на изучение собственного прошлого. Аланы же были народом Востока, пришельцами, сыгравшими, правда, заметную роль в эпоху Великого переселения народов и падения Римской империи, но затем растворившимися, как иногда казалось, бесследно, среди многочисленного населения Франции, Испании, Северной Африки. Европейских ученых привлекали, преимущественно, эпизоды взаимодействия аланов с западной цивилизацией и предками современных наций — римлян, галлов, германцев¹, а не собственно аланская история. Как писал Кулаковский в предисловии к своим «Аланам» (см. с. 44 настоящего издания): «В специальных исследованиях немецких ученых по истории переселения народов аланам уделяется вообще очень мало внимания. Нам, русским, естественно отнестись к ним иначе, так как судьбы алан составляют часть дорусской, если можно так выразиться, истории нашей родины».

В России аланы попали в поле зрения уже первых русских историков XVIII века. Присоединение Кав-

¹ См., например, пятитомный труд Карла Мюлленгофа «Германские древности» (*Müllenhoff K. Deutsche Altertumskunde. В., 1887–1908. Bd. 1–5*), часто упоминаемый Кулаковским, в III томе которого приведены извлечения из древних источников, касающихся алано-германских связей, и статью В. Томашека «Аланы» в «Реальной энциклопедии классических древностей» Паули-Виссова (*RE. Bd. I/2. 1893. Col. 1282–1285*).

каза в XIX веке оживило интерес к прошлому его народов, включая аланов. Но их история привязывалась к истории России — либо государства, либо народа: к примеру, М. В. Ломоносов рассматривал аланов как часть русского (славянского) этноса. Научная догадка графа Я. Потоцкого об аланском (иранском) происхождении осетин, ставшая после доклада Г.-Ю. Клапрота (1822)¹ научной гипотезой, а после работ Вс. Миллера общепринятой теорией, в общем, способствовала выделению аланских исследований в самостоятельное направление в науке. Тем не менее, в предисловии к своим «Аланам» Кулаковский мог назвать только одну серьезную работу по этой теме в целом: «В русской ученой литературе есть одна работа, аналогичная выпускаемой ныне в свет моей. Разумею исторические отделы в третьем томе “Осетинских этюдов” проф. Всеv. Миллера (Москва, 1887). Различие в количестве материала, проверке его, освещении исторической перспективой дают мне смелость рассчитывать на внимание русских историков к моей работе по тому же вопросу» (см. с. 44 настоящего издания). Сопоставление трудов Миллера и Кулаковского поможет и нам лучше уяснить их различие и новизну подхода Кулаковского.

Кому и как следует заниматься аланскими исследованиями? До Кулаковского наиболее существенные результаты принесла новая отрасль науки — осетиноведение, связанная с изучением языка, фольклора и обычаев осетин. Как осетиновед, ретро-

¹ Русский перевод Т. Т. Камболова: *Клапрот Г.-Ю. Доклад, в котором доказывается идентичность осетин, народности Кавказа, и средневековых алан // Аланы и Кавказ. Владикавказ: Цхинвал, 1992. С. 233–238.*

спективно, подходил к проблеме аланов и Миллер. Аланская тема у него подчинена доказательствам и исследованию иранских корней осетин. Отсюда ограничение предмета исследования только кавказскими аланами, и только той ее частью, что участвовала в этногенезе осетин (по Миллеру, аланы вбирали в себя и предков других народов Кавказа); отсюда — приоритет грузинским источникам об аланах — «осах», источникам сравнительно поздним и менее точным, чем греко-латинские; отсюда же — те конкретные вопросы, которые ставит перед собой Миллер: о соотношении наименований «аланы» и «осетины», об их территории, основных фактах истории и т. д. Такой подход препятствовал целостному восприятию истории народа.

Это одно ограничение, свойственное вышеназанному подходу к аланской проблеме. Другое касается метода ее изучения. Аланы — народ прошлого, а прошлое изучают по его остаткам — историческим (прежде всего письменным) источникам. Источники, имеющиеся в нашем распоряжении, составлены не на аланском или осетинском, а на языках других народов, и с ними работают узкие специалисты: антиковеды, арабисты, синологи и т. д. Осетиновед непосредственно изучает язык, фольклор, этнографию современных ему людей; для того чтобы окунуться в прошлое, ему надо вступать в область других научных дисциплин, прежде всего истории. Конечно, ученый такого уровня, как В. М. Миллер, обладал обширными знаниями в смежных отраслях: скажем, его филологическая подготовка позволяла использовать греческие и латинские тексты в оригинале. Но Миллеру все же недоставало профессиональной выучки филолога-классика, что сказывалось, прежде всего, на работе с источниками. Грузинские тек-

сты, стоящие у Миллера «на первом плане», берутся в переводах, как и восточные; греческие и латинские — иногда в оригинале, иногда — в переводах (не всегда надежных) И. Штриттера или К. Гана. Зависимость от посредников в изложении литературных источников сужала возможности самостоятельного их анализа. Для частных целей, поставленных в «Осетинских этюдах», этого было достаточно, для подлинно научного исследования самих алан — мало.

Иной подход к проблеме у Кулаковского — подход историка. Аланы его интересуют не с точки зрения их участия в этногенезе осетин (этот факт признается ученым безоговорочно), а сами по себе, как народ, сыгравший немаловажную роль в истории поздней древности и средневековья, в том числе — в «дорусский» период отечественной истории. Поэтому Кулаковский использует не выборочные, а все доступные и сколько-нибудь важные сведения, касающиеся судеб народа в целом (в «Аланах») или конкретного сюжета христианизации (в статье «Христианство у алан») — в зависимости от поставленной задачи. Профессиональный подход к решению этих задач обеспечил ему место первопроходца. «Аланы» Кулаковского — не только первый и единственный до сего дня свод — хотя и неполный — источников по аланам (строго придерживаясь требований научной акрибии, автор указывает в качестве первостепенных источников только произведения «классических и византийских» писателей, в отношении которых он чувствовал себя специалистом, хотя на деле их круг значительно шире: Кулаковский привлекает и восточные, и древнерусские памятники), но и первый опыт создания целостной истории этого народа через самостоятельное прочтение оригиналь-

ных источников. Единственный, не освещенный у Кулаковского отрезок истории алан — пребывание значительной их орды на службе у монгольских ханов, что специально оговорено в предисловии.

Отношение Кулаковского к занятиям историей — отношение истинного ученого, где главное — безоговорочно честное служение истине, на пути к которой не следует останавливаться ни перед каким трудом, не скрывать ничего сомнительного, не замалчивать пробелы в историческом предании или в собственном знании, ничего не придумывать, но беспристрастно излагать действительные основания тех выводов, к которым приходит историк. Высок уровень научной акрибии исследователя: основные источники используются в оригинале, по лучшим на то время изданиям, недоступность некоторых важных трудов специально оговаривается, привлекается литература на главных европейских языках (читатель может сам по ссылкам проверить, насколько оперативно откликался Кулаковский на новые издания), нет никакого плагиата: автор всегда называет имена людей, чьи идеи появляются на страницах его работ. Прекрасный стилист, Кулаковский ясно выражал свои мысли языком литератора, не понаслышке знакомого с великой русской культурой XIX века.

Метод работы Кулаковского, продемонстрированный в аланских штудиях, это метод установления фактов через историко-филологическую критику текстов, основанную на знании языка и исторических реалий. Скрупулезный анализ при этом, безусловно, преобладает над синтезом, обобщениями. Этот метод имеет серьезнейшие достоинства, поскольку выдвигает требование дорожить каждой строчкой античной или средневековой традиции об аланах в условиях крайней скудости известий о них.

Именно этот метод позволил заложить фактическую основу для всех последующих интерпретаций аланской истории.

Но достоинства любого свойства — одновременно продолжение тех же недостатков. С позиций сегодняшних Кулаковскому недостает проблемности, концептуальности, внимания к теории. Это общая черта многих русских (и не только) историков того времени. Младший современник Кулаковского, всемирно известный ученый М. И. Ростовцев объяснял это особенностями «славянского ума»¹. Для Кулаковского нелюбовь ко всякого рода обобщениям и теоретическим построениям, выходящими за рамки точного знания, связана и с особой требовательностью к себе, сознанием тех трудностей, которые ставит перед ученым сам предмет истории и условия работы в известном, но все же провинциальном, по европейским меркам, Киевском университете.

Говоря о том, что работы Кулаковского фактографичны, нужно иметь в виду то, что понятие исторического факта было в его время излишне прямолинейным. Факты прошлого и факты науки считались явлениями одного уровня, отражающими саму действительность. Субъективный момент, согласно мнению позитивистски настроенных историков, исключался из научного исследования: только факты имеют значение, факты же берутся из документов («тексты, все тексты, ничего, кроме текстов», — провозглашал Фюстель де Куланж). Поэтому историческая наука есть повествование о том, что говорят прошедшие горнило исторической критики письменные источники, а поскольку они говорят преимущественно

¹ *Марконе А.* Петербург—Рим: встреча М. И. Ростовцева с немецким антиковедением // ВДИ, 1992, № 1. С. 218.

о фактах событийного ряда, о них и пишет историк. Так работал и Кулаковский. Событийная канва аланской истории изложена им великолепно, но вне связи с общественными структурами, этническими процессами, хозяйственным развитием: непосредственно в источниках эти факты не отражены и их как бы не было. Современная наука, много занимающаяся гносеологией исторического знания, вправе упрекнуть его за это. «Факты говорят сами за себя», — считали историки прошлого века. «Факты говорят лишь тогда, когда их спрашивает историк», — откликаются историки века нынешнего. Если нам больше нравится позиция последних, стоит все же сказать, что по сути позитивисты-«фактопоклонники» правы. Стоять на твердой почве фактов надо. Другое дело, что этого недостаточно. К сожалению, в современной отечественной аланистике слишком много людей, чрезвычайно смело обращающихся с фактами, и недавняя реплика об «убывании знаний» от Кулаковского до наших дней, брошенная вскользь С. А. Яценко¹, увы — справедлива.

Чтобы закончить с вопросом о недостатках или, лучше сказать, особенностях творческой манеры Кулаковского, отметим односторонность источниковой базы его трудов. Она представлена главным образом литературными свидетельствами. Это отнюдь не говорит о том, что Кулаковский не мог работать с источниками археологическими или эпиграфическими: уже шла речь о его самостоятельных раскопках склепов в районе Керчи, анализе греческих и римских надписей по методу Моммзена. Но подлинно комплексного подхода к историческим источникам Кулаковский не продемонст-

¹ Яценко С. А. Аланы в Восточной Европе в середине I — середине IV вв. н. э. (локализация и политическая история) // ПАВ, 1993, № 6. С. 85.

рировал ни в главном своем труде — «История Византии», ни в статьях по алано-сарматской тематике, что обусловлено, в частности, и детским состоянием сарматской археологии того времени.

Ввиду описательного характера работ Кулаковского, о его целостной концепции аланской проблемы говорить трудно, а пересказывать отдельные сюжеты нет смысла — они гораздо лучше изложены самим автором. Выделим лишь некоторые его трактовки этнической древней истории, столь актуальной сегодня, особенно в кавказских республиках¹. Кулаковский был сторонником сарматского происхождения аланов и скептически относился к теории миграций в иранском мире: смена скифов сарматами, а последних аланами была, на его взгляд, больше «сменой номенклатуры», чем населения. Аланы, по его представлениям, составляли не группу разнородных племен, но один народ с «общим племенным типом», распространивший свое влияние на другие народы в ходе

¹ *Абрамова М. П.* Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1993, особ. с. 191 слл. (о проблеме в целом); *Лайпанов К. Т., Мизиев И. М.* О происхождении тюркских народов. Черкесск, 1993; *Байрамкулов А. М.* К истории аланской ономастики и топонимики. Черкесск, 1995 (теория тюркоязычности аланов в обеих книгах); *Исаенко А. В., Кучиев В. Д.* Некоторые проблемы древней истории осетин // Аланы: история и культура. Владикавказ, 1995. С. 10–33 (радикально иранская теория). См. также: *Марковин В. И.* Современные проблемы в изучении этнической истории Северного Кавказа // РА, 1994, № 1. С. 51–66; *Он же.* Северный Кавказ: историко-археологическое изучение и современность // РА, 1996, № 3. С. 90–105; *Кузнецов В. А., Чеченов И. М.* История и национальное самосознание (проблемы современной историографии Северного Кавказа). Пятигорск, 1998.

внешней экспансии. Принадлежность аланов к иранскому миру была для него бесспорна, как и преемственная связь аланов и позднейших осетин.

Поскольку работы Кулаковского наиболее ценны с точки зрения собрания фактического материала по аланам, укажем на пробелы в нем. Их не так много. Помимо пропусков мелких (хотя и многочисленных), подчас единичных упоминаний в хрониках и литературных произведениях поздней античности и средневековья, Кулаковский оставил без внимания историю знатного аланского рода Ардабуридов/Аспаридов в Византии V века: по-видимому, ученый считал их готами (готом называл Аспара Иордан, а этимология имени не была учтена Кулаковским). Часть не использованных Кулаковским данных об аланах в Западной Европе привлек в своих работах американский исследователь Б. Бахрах¹. Не касаюсь восточных источников, сбор которых не входил в задачу Кулаковского, отмечавшего, что есть «возможность значительного пополнения сведений о древних судьбах алан из грузинских, армянских и арабских источников». Уже после Кулаковского Д. Моравчиком был открыт текст эпилога «Теогонии» Иоанна Цеца с аланскими фразами, читаемыми по-осетински². Встречаются у Кулаковского и некоторые не-

¹ *Bachrach Bernard S.* The Alans in Gaul // *Traditio*. 23. 1967; *A History of the Alans in the West*. Minneapolis, 1973. Русский перевод: *Бахрах Бернард С.* Аланы на Западе (от первого упоминания в античных источниках до периода раннего средневековья) / Пер. с англ. М. Санакоева. М.: Ард, 1993.

² *Moravcsik J.* Barbarische Sprachreste in der Theogonie des Johannes Tzetzes // *Byzantinisch-Neugriechische Jahrbücher*. 7. 1929. 1930. S. 352–365; *Абаев В. И.* Осетинский язык и фольклор. М., 1949. С. 252–255.

точности: Гордиан III был убит не в 242 г. под Филиппополем аланами, а в 244 г. во время персидского похода Филиппом Арабом; аланские вожди Гоар и Эохар, судя по всему — одно и то же лицо. Но их, повторюсь, немного.

Впрочем, критиковать маститого ученого в целом и по отдельным конкретным вопросам сто лет спустя — неблагоприятное дело (если критика и прозвучала на этих страницах, то только с целью лучше показать научную индивидуальность Кулаковского). Сильные стороны его очень быстро написанных работ, обеспечившие им долгую жизнь, много весомее недостатков. «Аланы» до сего дня остаются лучшим собранием античных и средневековых текстов по теме¹ и потому являются настольной книгой любого исследователя. Многие конкретные вопросы аланской истории, впервые разработанные Кулаковским, сохраняют его трактовку². Выход в свет его трудов — это и шаг на пути восстановления разорванных советским периодом традиций русской исторической

¹ Рядом с ним можно поставить только хрестоматию В. В. Латышева *Scythica et Caucasica* (Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1893–1906. Т. I–II), чьи разделы по аланам ограничены территориально (в основном юг тогдашней России) и хронологически (до V–VI вв.). Анализ источников у Латышева практически отсутствует.

² К примеру, по словам полемизирующего с ним современного исследователя, точка зрения Кулаковского о месторасположении Аланской епархии «фактически без изменения вошла в современное отечественное кавказоведение» (*Малахов С. Н. К вопросу о локализации епархиального центра в Алании в XII–XVI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992. С. 150*).

науки, не скованной никакими идеологическими установками и приверженной одной только истине. В последние годы в России изданы произведения ученых, без которых невозможно представить мировую аланистику: В. Ф. Миллера, В. И. Абаева, Б. Бахраха¹. Теперь рядом с ними вдумчивый читатель может поставить на полку Юлиана Кулаковского.

При подготовке текста избранных трудов Ю. А. Кулаковского к изданию в основном сохранен стиль подлинника: проведена лишь минимальная орфографическая правка. Иноязычные тексты выверены по доступным изданиям, замеченные опечатки исправлены, тексты переведены на русский язык, перевод помещен в квадратные скобки. Составление, подготовка к печати, сверка источников, перевод иноязычных текстов выполнены мною.

С. М. Первалов

г. Владикавказ

¹ Абаев В. И. Избранные труды: Религия, фольклор, литература. Владикавказ, 1990; Он же. Избранные труды. Т. II. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ, 1995; Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992 (репринт); Бахрах Бернард С. Указ. соч.

АЛАНЫ ПО СВЕДЕНИЯМ КЛАССИЧЕСКИХ И ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателя очерк был задуман как предисловие к переводу на русский язык одного произведения византийской литературы XIII века, а именно: «Аланское послание епископа Феодора». Но так как, по мере обработки свидетельств об аланах, он приобретал вид самостоятельного исследования, и для меня выяснилось, что собранные мною данные не могут служить комментарием к названному памятнику, а, напротив, свидетельства последнего легко укладываются в связь с другими, извлеченными из разных источников, то я отказался от мысли связать перевод с составленным мною сводом свидетельств об аланах и о судьбе этого народа в истории древних и средних веков. Перевод «Аланского послания» был помещен мною в XXI томе *Записок Императорского Одесского Общества Истории и Древностей* (Одесса, 1898) в отделе «материалов», а составленный мною очерк является ныне на страницах *Чтений Исторического Общества Нестора-летописца*. Другим поводом к тому, чтобы придать этому очерку самостоятельный вид, было желание предоставить в общее пользова-

ние лиц, интересующихся русской историей, свидетельства классических и византийских писателей по вопросу об аланах в возможной полноте и надлежащей критической проверке, и тем самым устранить посредство не всегда надежного и уже устаревшего труда *Stritter'a*: *Memoriae populorum*.

Аланы принимали участие в событиях эпохи переселения народов и также имели свою историю в жизни южнорусских степей. В специальных исследованиях немецких ученых по истории переселения народов аланам уделяется вообще очень мало внимания. Нам, русским, естественно отнестись к ним иначе, так как судьбы алан составляют часть дорусской, если можно так выразиться, истории нашей родины. Натолкнувшись на вопрос об аланах в разработке частных вопросов по истории Крыма, я поставил себе целью собрать данные о судьбах этого племени в возможной полноте и закончить для себя этот вопрос. Так возник этот очерк. В русской ученой литературе есть одна работа, аналогичная выпускаемой ныне в свет моей. Разумею исторические отделы в третьем томе «Осетинских этюдов» проф. Всева Миллера (Москва, 1887). Различие в количестве материала, проверке его, освещении исторической перспективой дают мне смелость рассчитывать на внимание русских историков к моей работе по тому же вопросу.

Так как ближайшим предметом моего изучения были свидетельства классических и византийских писателей, что отмечено в самом заглавии моей работы, то я привлекал свидетельства других источников не столько в дополнение, сколько в разъяснение разбираемого мною материала, а потому предвижу возможность значительного пополнения сведений о древних судьбах алан из грузинских, армянских

и арабских источников. Я вовсе не упомянул в своем тексте о том, что в недавнее время привлечены к выяснению вопроса об аланах и китайские источники. Разумею работу английского ученого *Brettschneider*'а по средневековой географии, из которой извлечены свидетельства об аланах в переводе на русский язык в журнале *Живая Старина* за 1894 год: «Русь и асы в Китае, на Балканском полуострове, в Румынии и Угорщине» (Т. IV, вып. I, стр. 65–77). В столицу Небесной империи аланы попали в пору господства татар в южной России. Аланы имели отношение к Азии не только в XIII–XIV веках, но и в древнее время. Быть может, они были тем арийским народом средней Азии, который подвергся тюркскому влиянию, усвоил себе тюркский язык и вошел в состав тюркских племен, как признают то специалисты по востоковедению о киргизах. Этого вопроса я не считал себя в праве даже касаться. Не считал я также нужным останавливаться на вопросе о доказательствах принадлежности алан к арийской расе и притом иранской ее ветви, считая этот вопрос окончательно порешенным в трудах языковедов и между ними — проф. Всев. Миллера в его «Осетинских этюдах».

Что касается до внешнего вида моей работы, то я должен заметить, что, разбирая самый материал свидетельств классических и византийских писателей, я не считал для себя обязательным делать ссылки на общие сочинения по истории средних веков и приводил в своих примечаниях только указания на специальные работы, какие побывали у меня в руках во время обработки собранных мною данных.

В заключение мне остается выразить сердечную признательность моему товарищу и другу Н. П. Дашкевичу за многие полезные указания и добрые сове-

ты. Его ученому усмотрению предоставляю я связать вопрос об аланах в южнорусских степях с другим, а именно: о возникновении казачества. Быть может, присутствие среди степняков тюркской расы этого христианского кавказского народа, конного и дикого, сохранявшего однако свои связи с культурным миром, не лишнее звено в цепи тех фактов, которые создали «черкас» на среднем Днепре.

Ю. К.

Киев. 25 марта 1899 г.

I

Савроматы у Геродота.

Противоречия в его сведениях относительно их территории.

Сведения Страбона о населении южнорусских степей.

Судьба наименований «скифы» и «сарматы»

Население крайнего северо-востока европейского материка в пору первого знакомства с ним греков является на свет истории под именем савроматов, Σαυρομάται. По сведениям Геродота, этот кочевой народ обитал на восток от течения реки Танаиса и близости от Меотиды (IV, 116). Геродот определенно отличает савроматов от скифов; но в легенде об их происхождении от амазонок и скифов он утверждает близкое родство этих народов и констатирует близость их языков. У младшего современника Геродота, Евдокса, имя Σαυρομάται является в сокращенной форме Συρμάται [сирматы]¹, а у Полибия, т. е. в половине II века до Р. Х., впервые встречается форма

¹ *Stephan. Byz.* s. v. Συρμάται· οἱ Σαυρομάται, ὡς Εὐδοξὸς πρῶτον· «πλησίον τοῦ Τανάιδος Συρμάτας κατοικεῖν» [Стефан

Σαρμάτης [сармат]¹. Эта последняя форма имени возобладала в позднейшие времена. Около времени Р. Х., когда культурный мир имел возможность близко узнать этих далеких некогда варваров, в древней науке обращалось мнение, что сарматы находятся в ближайшем родстве с мидянами. Первый писатель, сохранивший для нас это сведение, Диодор Сицилийский, сообщает, что сарматы — потомки пленных мидян, которых будто бы вывели на север во время своих набегов на южные страны скифы и поселили на реке Танаис (II, 43, 6). То же самое сведение повторено у Плиния в более простой форме: *Tanaim amnem ... incolunt Sarmatae, Medorum, ut ferunt, suboles* [У реки Танаис ... обитают сарматы, потомки, как передают, мидян] (IV, 19). Принадлежность тех племен, которые носили у древних название сарматов, к иранской ветви арийской расы возведено в современной науке на степень прочно установленного факта.

В свидетельствах Геродота о сарматах есть данные, которые вынуждают усомниться в правильно-

Виз(антийский). П(од) с(ловом) Сирматы: Савроматы, как передает Евдокс, «вблизи Танаиса обитают сирматы». О хронологии Евдокса: *Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde*. III. S. 43, прим. 1, который, следуя Беку, оставляет принадлежность сочинения γῆς περίοδος [Описание земли] знаменитому астроному Евдоксу, современнику философа Платона. Ср. *Christ. Geschichte der griechischen Literatur*. 1889. § 308 (Евдокс-географ отделен от Евдокса-астронома и помещен в середину III века до Р. Х., ок. 260 г.).

¹ *Polyb.* 25, 2, 13 (p. 1146 Hulsch): τῶν δὲ κατὰ Εὐρώπην Γάταλος ὁ Σαρμάτης [из тех, что в Европе, сармат Гатал] (в описании событий ок. 179 г. до Р. Х.).

сти его утверждения касательно того, что западной границей сарматов было течение реки Танаиса. Разумеется их участие в войне Дария со скифами. Заслуженный исследователь древнейшей истории нашего юга, Брун, в своем исследовании: «Опыт соглашения противоречивых мнений о Геродотовой Скифии и смежных с нею земель» (Черноморье, II, 1–104) задавался, между прочим, целью дать вероятную топографию похода царя Дария и полагал необходимым сделать существенную поправку в показания Геродота о территории сарматов. По его предположению, сарматы во время Геродота жили на правом берегу Танаиса; их южная граница лежала на пространстве «между реками Молочной и Кальмиусом», а на север их область простиралась «по левому берегу Волчьей и нижней Самары до Днепра, который отделял их от Меланхленов». Мы, со своей стороны, считали бы более правильным держаться в отношении Геродота иного метода, а именно: никоим образом не поправлять его, а лишь стараться наглядно представить себе его карту. Эта карта совершенно не сходится с действительными географическими условиями местности, которая соответствует его «Скифии», и всякая попытка согласовать эти данные, по нашему мнению, совершенно беспредельна. Мы думаем также, что нельзя рассматривать показания Геродота о походе Дария, как точные исторические свидетельства об историческом событии, а потому считаем невозможным прикидывать на карте расстояния в днях пути персидского войска и вести Дария в приазовские степи, как делает это Брун. Отсутствие упоминания у Геродота о переходе персов через реки южной России является слишком существенным возражением против карты похода Дария, как рисует ее

Брун. Местожительство сарматов в приазовских степях (хотя бы и на западном берегу Меотиды) является все-таки слишком отдаленным для того, чтобы до них мог дойти царь Дарий со своими полчищами. Если давать веру показанию Геродота о том, что сарматы участвовали в войне Дария со скифами, то их пришлось бы переместить на правый берег Днепра, а, быть может, даже и Днестра¹. — Оставляя Геродота с его противоречиями, мы можем однако констатировать тот факт, что в свидетельствах об исторических событиях конца II века до Р. Х. сарматы являются туземным населением той территории, которую Геродот отводил скифам. В ученой литературе по древнейшей этнографии черноморских степей еще со времени Нибура, по-видимому, общепринято положение, что сарматы подвигались на запад постепенно, истребляя и вытесняя древнейшее население, т. е. прежде всего скифов. Почти в тех же словах, как некогда Нибур², выражается об этом Мюлленгофф³. Мы бы полагали, что дело стоит несколько

¹ В журнале *Classical Review*, XI (1897), № 6. P. 277–282 — проф. *Bury* поместил статью под заглавием: *The European Expedition of Darius*, в которой он локализует поход Дария за Дунай в направлении нынешнего Семиградья и названную у Геродота р. *Ἰστρος* [Ἰστρο] отождествляет с притоком Серета — Бузео; на ней *Bury* помещает города, названные у Геродота в IV, 124. — За отсутствием этого журнала в нашей библиотеке, пользуюсь сведением о статье *Bury*, помещенным в *Филологическом Обозрении* XIV (1898), кн. I. С. 103.

² *Niebuhr*. Kleine Schriften, I. 388; 395.

³ *Müllenhoff*. Deutsche Altertumskunde, III, 35: Eine grosse Umwälzung hat sich vollzogen, die Sauromaten oder Sarmaten sind jetzt über den Tanais vorgedrungen und

проще. Уже Геродот признавал скифов и сарматов племенами родственными и близкими по языку. Если новые исследователи не всегда решаются признать в «скифах» Геродота племена иранской ветви арийской расы, то во всяком случае в настоящее время никто не отрицает присутствия иранского элемента в скелетах Геродота. Замена скифов сарматами на территории южнорусских степей могла быть в значительной степени изменением номенклатуры, а не следствием вытеснения одной народности другою. Мы не станем однако настаивать на указанной возможности и перейдем к сопоставлению сведений о сарматах в хронологической последовательности наших источников.

В самом конце II века до Р. Х. все северное побережье Черного моря, от Кавказских гор и до нижнего Дуная, было объединено под властью и верховенством понтийского царя Митридата Евпатора (*Appian. Mithrid. Cap. 15*). Надпись в честь полководца Диофанта, найденная в 1878 году, является современным свидетельством об относящихся сюда событиях¹. Враги, с которыми имел дело Диофант, названы здесь «скифами»; на помощь к враждовавшему с Херсонесом царю скифов Скилуру приходили с севера ревкиналы, Ῥεϋξίναλοι. Походы Диофанта имели своим театром Крымский полуостров и хронологически

beherrschen die Steppe... fehlt bei Strabo jede sichere Spur der Skolotischen Scythen [Свершился великий переворот, савроматы или сарматы теперь продвинулись за Танаис и господствовали над степью ... у Страбона нет каких-либо явных следов скелотских скифов]. — Того же мнения придерживается г. *Латышев*. Исследования об истории и государственном строе Ольвии. Спб, 1887. С. 89.

¹ *Latyshev. Inscr. Ponti Eux. I, № 185.*

датируются приблизительно 109 годом¹. Позднее между 98 и 90 гг. до Р. Х. сам Митридат предпринимал походы против разных племен, занимавших степные пространства по степному побережью Понта². Аппиан, в своем описании деяний Митридата, обозначает эти народности именами: савроматы и бастарны, различая среди первых племена: басилевы, Βασίλειοι, языгов, Ἰάζυγες и Кораллов, κοράλλοι, (Сар. 69). Если сообщения Аппиана и не содержат в себе точной локализации названных племен на карте, то во всяком случае театром войн Митридата он представляет себе местности в западной части южнорусских степей.

Страбон в своих сообщениях о населении припонтских степей пользуется данными, которые вошли в обиход греческой науки в пору войн Митридата. Он локализует сарматов на широком пространстве от западного берега Меотиды и Танаиса (II, 5, 31) до Кавказских гор (XI, 2, 16), сообщает также, что они кочуют в степях между Танаисом и Днестром (Τύρας) и проникают дальше до нижнего течения Истра, т. е. Дуная (VII, 3, 13). Распределяя между отдельными народами территорию на северо-восток от Истра до Борисфена (т. е. Буга, а не Днепра), Страбон размещает их в такой последовательности: геты, тирегеты, Τυρεῖται, сарматы-языги, так называемые басилеи, οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι, урги, Οὔργοι³. К северу

¹ Reinach. Mithridat Eupator. S. 60 нем. пер.; Латышев. Исслед. об ист. Ольвии. С. 130 и сл.

² Plutarch. De fort. Roman. P. 11.

³ Что касается до имени Οὔργοι [урги], то в нем нельзя не узнать Γεωργοί [земледельцы] Геродота, которых он помещает на Днепре. За такое отождествление высказывается и Müllenhoff. D. A. — К. III, 35. — Страбон делает

от тирегетов живут бастарны, пределы которых простираются до германских народов (VII, 3, 17). Бастарны вместе с сарматами проникали на Дунай и заняли острова по нижнему его течению (VII, 3, 13), между прочим остров Певку, от имени которого произошло этническое имя для части этого племени, певкины (VII, 3, 15)¹. Среди бастарнов, которых Стра-

как бы поправку к сообщению Геродота следующим замечанием: Οὐργοὶ τὸ μὲν πλεον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιτελοῦμενοι [Урги большей частью кочевники, немногие же занимаются и земледелием]. Что до сарматов — οἱ Βασίλειοι λεγόμενοι [так называемые царские], то в нем нельзя видеть геродотовых «царских скифов», т. е. сколотов, а следует признать скорее роксолан, если принять в соображение свидетельство Аппиана о войнах Митридата (Mithr. 69). — *Потоцкий*. Hist. primitive des peuples de la Russie (1829). P. 33 и 230, и за ним *Vivien de Saint Martin*. Recherches sur les populations primitives du Caucase, Paris. 1847. P. 146–149 — приводили в связь с Βασίλειοι [басилеи, царские] имя родины хазар — Βερζιλία [Берзилия] (*Theoph.* P. 358) и создавали, таким образом, мнимое дополнение к истории хазар, которая началась не ранее V века по Р. Х.

¹ У *Птолемея* певкины передвинуты на север, и восточная часть Карпат является у него под именем Певкинских гор, Πευκινὴ ὄρη (III, 5, 9). *Тацит*. Germ. P. 46 — употребляет имя *Peucini*, как тождественного с *Bastarnae* (Peucini, quos quidam Bastarnas vocant [певкины, которых некоторые называют бастарнами]) и причисляя их к германцам (sermone cultu sede ac domiciliis ut Germani agunt [в отношении речи, образа жизни, мест обитания и жилищ ведут себя как германцы]), отмечает большое влияние на них сарматов (Peucinorum ora conubiis mixtis non nihil in Sarmatarum habitum foedantur [обличье певкинов вследствие смешанных браков становится безобразным, почти как у сарматов]). Ср. о бастарнах: *Zeuss*. Die Deutschen. 127–130;

бон причисляет к германцам, он помещает роксолан, Ῥωξολανοί; определенно отличая их от бастарнов и даже взаимно противопоставляя в одном месте (VII, 2, 4), он их словно причисляет к бастарнам в другом (VII, 4, 7). Роксоланы — «самый северный народ из всех поныне известных» (II, 5, 7), — занимали степи между Танаисом и Борисфеном, т. е. Бугом (VII, 3, 17), и жили к северу от сарматов-языгов. Удаляя роксолан от побережья Понта, Страбон сообщает однако об их участии в войне Диофанта с Палаком, сыном Скилура, и о нанесенных им поражениях, которые помрачили славу их воинской отваги (ib.). Страбон не называет роксолан савроматами; но в сообщениях других древних писателей (о чем ниже) к ним прилагается это общее этническое имя. Но как бы ни стояло дело в отношении роксолан, на карте северо-восточной Европы, как ее рисует Страбон, сарматы занимают южнорусские степи, и западной их границей является уже Истр, т. е. нижний Дунай.

Овидий, проживший долгие годы своего изгнания на чуждом ему севере и непосредственно знакомый с варварами, заходившими для грабежа и торговых целей в пределы империи, называет своими соседями языгов, гетов, бастарнов и савроматов (*Trist.* II)¹

Müllenhoff. D. A. — К. II, 106–112; Латышев. Иссл. etc. 79 сл., 151.

¹ *Jasiges et Colchi Metereaue turba Getaeque
Danubii mediis vix prohibentur aquis*

[Языгов, колхов, метерейские толпы и гетов с трудом удерживают разделяющие нас воды Данубия] (191–192).

*Hactenus Euxini pars est Romana sinistra,
Proxima Bastarnae Sauromataeque tenent*

[До этого места часть левого Эвксина — римская, близлежащей землей владеют бастарны и савроматы] (197–198).

и в живых чертах описывает, как сарматы переходят зимою по льду через Истр и скитаются на своих скрипящих телегах по римской территории (*Trist.* III, 10)¹.

Если сарматы и распространили область своих кочевий на огромные пространства и охватывали все побережье Меотиды и Понта до Дуная, то в представлениях римлян исконным их местом оставалось течение реки Танаиса. Император Август, упоминая в отчете о своем правлении о посольствах к нему от этого народа, выражается так: *Nostram amicitiam petierunt per legatos... Sarmatarum qui sunt citra fluvium Tanain et ultra reges* [Нашей дружбы домогались через послов ... цари сарматов, которые живут по эту сторону реки Танаис и за ней] (*Mon. Anc.* 5, 51–53)².

¹ *At cum tristis hiems squalentia protulit ora,
Terraque marmoreo candida facta gelu est,
Dum vetat et boreas et nix habitare sub Arcto,
Tum liquet, has gentes axe tremente premi*

[Когда же печальная зима покажет жесткое лицо и земля делается белой от мраморного льда, когда бореи и снег не дают жить под Арктом, тогда становится ясным, что эти народы придавлены содрогающимся от холода полюсом] (9–12).

*Quaque rates ierant, pedibus nunc iter, et undas,
Frigore concretas ungula pulsat equi:
Perque novos pontes subter labentibus undis
Ducunt Sarmatici barbara plaustra boves*

[И там, где проходили суда, теперь ходят ногами, и крепко скованные морозом волны топчет копыто коня: и по новым мостам над колыхающимися волнами тянут сарматские быки варварские телеги] (31–34).

О грабежах — см. ст. 55 и сл.

² С этим упоминанием Августа о сношениях с сарматами можно привести в связь свидетельство одной надписи о некоем боспорце Аспурге, который был послом от Фана-

В первой половине I в. по Р. Х. мы встречаем часть сарматского племени на среднем Дунае по соседству от римской провинции Паннонии и в ближайшем общении с племенами германскими. То были языги. Тацит под 50-м годом сообщает, что сарматы-языги оказывали своей конницей помощь царю свевов, Ванию, в его неудачной войне с северными германскими племенами, которые сделали нашествие на его царство (Апп. 12, 29–30)¹. На основании одного сообщения Страбона можно, как мы полагаем, догадываться о том, когда совершилось это передвижение сарматов на дальний запад. Страбон замечает, что могущественные некогда даки, располагавшие военной силой в 200 тысяч человек, могли в его время, т. е. первые годы I столетия, выставить только 40 тысяч воинов и готовы были даже подчиниться Риму (VII, 3, 13). Такое ослабление могущественного племени, вызвавшего опасения Цезаря, стояло, по всему вероятно, в связи с нашествием варваров с востока, которые прошли через их землю и водворились к западу от их пределов в степях Тиссы и ее притоков².

На той карте «круга земель», которую имел перед глазами Плиний, когда составлял свой географический обзор, сарматы-языги занимали степные про-

гории и состоял «переводчиком сарматов», ἑρμηνεύς Σαρματῶν. Он умер в Риме и погребен в одном из колумбариев, принадлежавшем рабам императора. *Willmanns. Exempla inscr. lat.* n. 555.

¹ Ср.: *Dio Cassius*, 67, 5.

² *Müllenhoff*. D. A. — К., III, 35, прим. 1 — сопоставляя свидетельства о языгах Овидия и Страбона, с одной стороны, и Тацита и Плиния, с другой, полагал, что они переселились на запад между 30–40 годами.

странства по соседству от паннонских легионов¹. Память о том, что языги не были здесь исконным населением, сохранилась в том имени, какое давал им Птолемей на своей карте Европы: он их назвал — языги-переселенцы, Ἰάζυγες Μεταβάται.

Распространение сарматов на широкое пространство к западу от их исконной территории, совершившееся отчасти на памяти истории, отразилось на судьбе терминов: «Скифия» и «скифы». Уже Страбон употреблял имя «Скифия» в смысле общего обозначения северо-восточной части европейского материка, следуя лишь литературной традиции, как он сам определенно указывает на это (VII, 6, 2). Точно также и Плиний не связывает с термином *Scythicae gentes* [скифские народы] понятие национальности. Так, он перечисляет под этим термином следующие народы: *Daci, Sarmatae, Hamaxobii, Aorsi, Troglodytae, Alani, Rhoxolani* [даки, сарматы, гамаксобии, аорсы, троглодиты, аланы, роксоланы] и делает в той же связи такое замечание: *Scytharum nomen usquequaque transit in Sarmatas atque Germanos. Nec aliis prisca illa duravit appellatio quam qui extremi gentium harum ignoti prope ceteris mortalibus degunt* [Имя скифов повсюду переходит на сарматов и германцев.

¹ *Plin.* H. N. IV, 80. Superiora autem inter Danubium et Hercynium saltum usque ad Pannonica hiberna Carnunti Germanorumque ibi confinium campos et plana Jazyges Sarmatae, montis vero et saltus pulsus ab his Daci ad Pathissum amnem [Расположенные же выше страны между Данубием и Герцинским лесом вплоть до Паннонских зимних стоянок в Карнунте и полей и равнин, смежных с германцами, занимают языги-сарматы, а горы и лесистые ущелья до реки Патисса — изгнанные ими даки].

И то старое наименование сохранилось только у самых дальних из этих племен, которые живут, будучи почти неизвестными остальным смертным] (IV, 81). Для Тацита имя *Sarmatae* служит общим обозначением всех народов, живших к востоку от германцев¹. Птолемей, сводивший в своей «Географии» этнические данные, собранные Марином Тирским, т. е. ставшие достоянием науки во второй половине I века, — применяет термин «скифы» для обозначения дальнего азиатского востока, стран неведомых. В пределах Европы Птолемей не знает уже народа «скифы» и употребляет это слово только один раз в виде приложения к имени алан (III, 8, 7). Для обозначения восьмой карты Европы и второй карты Азии он пользуется термином «Сарматия», *Σαρματία*. Таким образом, у него две Сарматии: европейская и азиатская, границы которых он обозначил с достаточной точностью (III, 5, 1; V, 8, 1). Самый термин «сарматы» не служит у Птолемея для обозначения одного какого-нибудь народа в отдельности; он употребляет его в виде приложения к именам многих народов: *Τυραγέται Σαρμάται* [тирагеты-сарматы] (III, 10, 7) в европейской Сарматии, *Ἰπερβόρειοι Σαρμάται*, *Βασιλικοί Σαρμάται*, *Ἰπποφάγοι Σαρμάται* [гипербореи-сарматы, царские сарматы, гиппофаги-сарматы] — в азиатской (V, 8, 16); проход через Кавказский хребет носит также название «Сарматских ворот» (V, 8, 11; 15). — Таким образом, термин «сарматы» был

¹ Germ. P. 46. *Hic Suebiae finis. Peucinatorum Venetorumque et Fennorum nationes Germanis an Sarmatis adscribam, dubito* [Здесь граница Свебии. Я колеблюсь, причислять ли племена певкинов, венетов и феннов к германцам или сарматам].

уже на границе перехода из этнического в географический. Что же до старых имен «скифы» и «Скифия», то литературная традиция была слишком сильна, чтобы устранение их из научного оборота могло оказать воздействие на литературу. Имя «скифы» осталось жить как в поэзии, так и в беллетристике (Лукиан), а впоследствии византийские писатели дали ему новую жизнь в смысле этнического термина, который они последовательно применяли к разным народам, сменявшим друг друга на северо-восточном горизонте византийской политики.

II

Первое упоминание имени алан.

Свидетельство Иосифа Флавия о территории этого племени.

Ворота Каспийские и Кавказские. Нашествие 135 года.

Аланы на карте Птолемея

Имя алан появляется для нас впервые во время Нерона; первое по времени упоминание принадлежит двум современникам: Сенеке Младшему и Лукану. Сенека называет алан как врагов Империи на нижнем Дунае¹, Лукан помещает их в странах прикавказских². Если Лукан, быть может, допустил смешение имен *Alani* и *Alani*, то во всяком случае в его время римляне знали уже алан, как народ прикавказский. Доказательство тому можно видеть в упо-

¹ *Trag. «Thyest»*. v. 629... *an feris Hister fugam praebens Alanis* [или Истр, допускающий бегство диким аланам].

² *Lucan. Phars.* VIII, 222 (Помпей говорит о себе) *peterem cum Caspia claustra et sequeror duos aeterni Martis Alanos* [когда я стремился к Каспийским запорам и последовал суровых, вечно воинственных аланов]; X, 454: *Quem non violasset Alanus* [на кого не посягал алан].

минании имени алан, как народа кавказского, у поэта Валерия Флакка в его поэме *Argonautica*¹. Тацит в сохранившихся частях своего исторического труда нигде не называет имени алан и пользуется термином «сарматы» для обозначения как прикавказских кочевников, так и их собратьев на берегах Дуная. Плиний знает это имя, но локализует его без достаточной определенности в топографическом отношении². «Кавказские ворота» ведут у него из Иберии в страну «сарматов»³.

¹ *Val. Flac.* VI, 42: Miserat ardentis, mox ipse secutus, Alanos [выслал пылких аланов, вскоре последовав за ними сам].

656: Spargitur hinc miserisque venit iam notus Alanis [Оттуда бросается и устремляется к уже знавшим его жалким аланам].

Древняя ученость связала с аргонавтами и албанцев, но совершенно иначе; см.: *Tacit. Ann.* VI, 34 — о происхождении албанцев от Ясона и Медеи. — Имя «аланы» известно было также Марциалу, который, перечисляя в одной эпиграмме чужие народы, поминает и это имя: VII, 30, 6. Nec te Sarmatico transit Alanus equo [не проезжает мимо тебя алан на сарматском коне].

² *Plin.* H. N. IV, 80. Ab eo in plenum quidem omnes Scytharum sunt gentes, variae tamen litori apposita tenere, alias Getae, Daci Romanis dicti, alias Sarmatae, Graecis Sauromatae, eorumque Hamaxobii aut Aorsi, alias Scythae degeneres et a servis orti, aut Troglodytae, mox Alani et Rhoxolani [Отсюда, в целом, все племена — скифские, но близлежащие берега занимали разные народы, то геты, называемые у римлян даками, то сарматы, по-гречески савроматы, и среди них гамаксобии или аорсы, то вырожденцы и происходящие от рабов скифы, или троглодиты, затем аланы и роксоланы].

³ *Ibid.* IV, 30. quae (portae) per Iberiam in Sarmatas tendunt [которые (ворота) через Иберию ведут к сарматам].

Точное приурочение имени алан к обитателям степей переднего Кавказа дано у Иосифа Флавия, писателя несколько более ранней даты, чем Тацит. В описании событий Иудейской войны Иосиф Флавий имеет случай сообщить о страшном нашествии с севера, которому подверглись в 72 году нашей эры Армения и Мидия. Варваров, совершивших это нашествие, он называет *аланами*, прибавляя в пояснение, что это «скифы, обитающие около Танаиса и Меотийского озера» (τὸ δὲ τῶν Ἀλανῶν ἕθνος... εἰσι Σκύθαι περὶ τὸν Τάναϊν καὶ τὴν Μαίωτιν λίμνην κατοικοῦντες. Bell. Jud. VII, 7, 4). Иосиф сообщает при этом, будто варваров этих пропустил царь гирканов и они прошли чрез «железные ворота, сооруженные Александром Великим», т. е. он ведет их на юг по побережью Каспийского моря. Мы имеем однако полное основание предположить, что путь алан был иной и что прошли они не через Каспийские ворота, а Кавказские, т. е. Дарьяльское ущелье. Иосиф Флавий повинен здесь в той неточности представлений о Кавказе, против которой в свое время боролся Плиний. Хотя Кавказ еще со времен войн с Митридатом входил в сферу римской политики, и при Нероне прикавказские страны привлекали к себе усиленное внимание римлян, так как там в течение нескольких лет вел военные действия Корбулон; но точных сведений о топографии тех стран не имели даже лица, принадлежавшие к штабу этого полководца. Плиний свидетельствует, что на карте театра войны смешаны были два кавказских прохода: *portae Caspiae* [Каспийские ворота] и *Caucasiae* [Кавказские]. Эта географическая ошибка была причиной крупного недоразумения в военных замыслах имп. Нерона: он готовил поход против алан, а предполагал врагов Империи в албанцах. Осуществлению этого военного предприятия поме-

шала катастрофа 68 года. Сведение о приготовлениях Нерона к этой войне сохранил Тацит, который в данном случае не разобрал ошибки, отмеченной Плинием. Он сообщает, что отряды из отдельных армий двинуты были в путь — *ad claustra Caspiarum* [к Каспийским запорам], но их отозвали назад, когда Виндекс поднял восстание против Нерона в Галлии. О самой войне Тацит выражается так: *bellum quod in Albanos (Nero) gerabat* [война, которую (Нерон) готовил против албанов] (Hist. I, 6).

Что касается до Иосифа Флавия, то он, очевидно, знал только *один* кавказский проход. Такое заключение можно сделать из того, что в сообщении о другом, более раннем нашествии северных варваров, он указывает тот же самый путь: Каспийские ворота¹. Но о том же самом событии мы имеем подробный рассказ Тацита (Ann. VI, 33 и сл.). Иберы сами призвали «сарматов» и провели их через свою страну против Орода. Тацит называет проход, по которому прошли сарматы, — *Caspia via* [Каспийский проход], но этим именем он обозначает здесь Дарьяльское ущелье, а не Дербентский проход. Тацит знает о втором проходе, но не называет его по имени, а только описывает: *mare inter et extremos Albanorum montes* [между морем и крайними албанскими горами]. Через него должны были пройти те сарматы, которых призвал к себе на помощь Ород против Фарасмана. Но так как по случайным условиям погоды проход этот был затоплен (что, конечно, мало вероятно), то союзники Орода не успели к нему на помощь, и он оказался слабее Фарасмана, владевшего проходом через Кавказ в своей стране (*Hiberi locorum*

¹ *Joseph. Ant. Jud. XVIII, § 97 (Niese)... τὰς θύρας Κασπίας ἀνοίξαντες* [отперев Каспийские ворота].

potentes Caspia via Sarmatam in Armenios raptim effundunt [иберы, владевшие этими местами, тотчас же выпускают на армян через Каспийский проход сарматов]). — Итак, ясно, что Тацит знает оба прохода, но следует в обозначении того, через который в данном случае прошли сарматы, обычному неправильному применению термина *Caspiae portae*, против чего возражал Плиний. Иосиф Флавий, в рассказе о том же событии, ведет варваров через Каспийские ворота (τὰς θύρας Κασπίας ἀνοίξαντες [отперев Каспийские ворота]), но, очевидно, и не подозревает о существовании другого прохода. Таким образом, и в отношении к событию 72 года мы вправе предположить в его сообщении неточность и утверждать, что аланы прошли на юг не через каспийские, а кавказские ворота¹. А так как из показания Тацита ясно, что иберы соприкасались с «сарматами» в проходе через Кавказ и эти «сарматы» являются у Иосифа Флавия под именем алан, то для определения территории, которую занимали аланы, оказывается третий пограничный путь: Дарьяльское ущелье. От кавказского хребта их кочевья простирались до берегов Меотиды и реки Танаис.

Отметим в этой связи одну бытовую черту сарматов, в которых мы вправе признать алан, в сообще-

¹ Вследствие географической ошибки Иосиф Флавий утверждал участие в этом деле гиркан, будто бы открывших Каспийские ворота аланам. Не разбирая географических представлений Иосифа, *Гутшмид* в своем исследовании *Gotarses* (Kleine Schriften, III, 42 и сл.) останавливается с подробностью на этом сообщении Иосифа об участии гиркан и строит целый ряд предположений касательно мотивов их образа действий.

нии Тацита. Они не были объединены под единой властью, а дробились между отдельными державцами, *sceptuchi* [скиптродержцами], — как их называет Тацит, заимствуя этот термин, очевидно, из греческого источника, — которые действовали независимо друг от друга и вполне самостоятельно заключали союзы с государями южных стран, искавшими у них помощи во враждебных столкновениях между собою.

В связи с нашествием алан 72 года стоят сношения парфянского царя Вологеза с имп. Веспасианом о совместных военных действиях против северных варваров. Краткие сообщения об этом сохранены Дионом Кассием (66, 15) и Светонием (Domit. 2). Домициан домогался назначения в предводители этого предприятия с римской стороны. Однако Веспасиан отклонил предложение Вологеза, и поход не состоялся. В ту пору римский отряд стоял в иберийской крепости Гармозика, *Harmozica*¹. Связь этой крепости с охраной прохода через Кавказский хребет определенно засвидетельствована Плинием, который называет ее *Hermastum oppidum* [крепостью Гермастой] (и также *Hermastus* [Гермастом])². Очевидно, охрана прохода была достаточна, так как о нашествиях

¹ *Mommsen. Röm. Gesch. V. S. 395.*

² *Plin. H. N. VI, 29: Iberiae Hermastus iuxta flumen Neoris* [Иберийский Гермаст вблизи реки Неорис]; *ib. 30: ex adverso maxime Hermasti oppidi Iberum* [прямо напротив иберийской крепости Гермаста]. — *Страбон* — XI, 3, 5 — помещает крепость *Ἀρμωζική* [Гармозику] на пути из Армении в Иберию. О положении Гармозики см.: прим. *Müller'a* в его издании Страбона. S. 816. — В окончании — *zica* не трудно узнать грузинское слово *цихе*, что значит: крепость. — Плиний называет также крепость *Cumania* [Кумания] в самом проходе «над воротами» на скале.

алан нет сведений в наших источниках после события 72 года в течение 60 лет.

В 133 году аланы сделали опустошительное нашествие на Армению и Мидию и дошли до Каппадокии. Их призвал на помощь царь Иверии, Фарасман II, в своих столкновениях с парфянами. Царь последних, Вологез III, откупился от насильников щедрыми подачками, а римляне предприняли против них военные действия из Каппадокии, где в ту пору состоял пропретором Арриан. Дион Кассий, сохранивший краткое сведение об этом событии (69, 15), называет вторгшихся варваров албанцами, Ἀλβανοί..., прибавляя в пояснение: εἰσι δὲ Μασσαῖται [они же массагеты], т. е. употребляет старый термин Геродота, продолжавший существовать и в позднейшее время для обозначения кочевых народов дальнего азиатского востока. Но Дион допустил здесь очевидную ошибку. Непосредственный участник событий, Арриан, составил описание предпринятого им похода в специальном сочинении, носившем заглавие: «Аланская история», Ἀλανικὴ ἱστορία¹. К сожалению, это произведение не дошло до нас и сохранились лишь скудные фрагменты под общим обозначением: ἔκταξις κατ' Ἀλανῶν (т. е. диспозиция против алан)². С тех

¹ *Arriani Scripta minora*, ed. Herscher – Eberhard. 1885. P. 80–5. — Писатель времени Юстиниана, Иоанн Лидиец, сообщает, что Арриан подробно и на основании автопсии описал кавказские проходы как в своей Ἀλανικὴ ἱστορία [Аланская история], так и в восьмой книге своего другого сочинения, носившего заглавие: Παρθικά [Парфянские дела]. *Johan. Lyd. De mag.* III, 58. P. 246 B.

² Достоверные и точно датированные свидетельства об этих двух нашествиях алан на южнокавказские страны не поддаются соглашению с сообщениями грузинских

пор в течение нескольких столетий нет больше сведений о нападениях алан на южные страны. Быть может, правильно будет привести в связь спокойствие на этой границе с заботами имп. Адриана об упорядочении отношений к припонтийским народностям. «Перипл» того же Арриана дает нам целый ряд интересных сведений в этом отношении, которые впрочем ограничиваются территорией черноморского побережья.

Свидетельства Иосифа Флавия и Арриана дают основание приурочить имя алан к той части сарматского племени, которая занимала в первые века нашей эры северные предгорья среднего Кавказа и степные пространства к северу до берегов Меотиды и течения реки Танаис. В противоречии с такой локализацией находится Птолемей. В своем обзоре «Европейской Сарматии» Птолемей называет берег Меотиды и Танаис восточной ее границей (III, 5, 3), на $4\frac{1}{2}$ градуса западнее устья Танаиса и на $\frac{3}{4}$ градуса севернее — помещает «Аланские горы», Ἀλανὸν ὄρος (III, 5, 5) и, очевидно, по соседству с ними локализует амаксобиев и алан, οἱ Ἀμαξόβιοι καὶ οἱ Ἀλανοὶ Σκύθαι

и армянских источников. По данным грузинской летописи, Фарасману II отводится годы 113–129 и в правление его и его преемника Адама (132–146) не поминается ни о каких нашествиях с севера. — *Brosset. Hist. de la Géorgie.* I, 71–74. Война Грузии в союзе с осами, т. е. аланами, против армян приурочена к правлению грузинских царей Азорка и Армазели (87–103) — *Brosset. Op cit.* P. 65–70. В «Истории Армении» Моисея Хоренского эта последняя война отнесена к правлению царя Арташеса, причем сообщаемые автором данные восходят, как он сам сообщает, к эпической обработке сказания об этом событии. «Ист. Армении», перев. Эмина. С. 101.

[гамаксобии и аланы-скифы] (III, 5, 7). Таким образом, аланы оказываются у Птолемея на запад от течения Танаиса. Мюлленгофф, а после него Томашек¹ видят в аланских горах Птолемея южные отроги Урала, и первый из них объясняет появление этих гор на карте Птолемея на несоответственном месте комбинацией данных из различных источников, какими он пользовался. Переместив алан в угоду одному из них на запад от Танаиса, он передвинул туда же и горы, которые были указаны, как северная граница этого племени. Против этого следует возразить, что ни в одном из сохранившихся свидетельств об аланах нет указания на то, что те или иные горы составляли северный предел распространения этого этнического имени. Аланы связаны с горами, но не с севера, а с юга, а именно: с Кавказским хребтом. Но Птолемей поместил Кавказ в «Азиатскую Сарматю» и в ее пределах нашел место для «сарматов» разных наименований: царские, гипербореи, конееды (*Βασιλικοί, Ὑπερβόρειοι, Ἰπποφάγοι*), и многих других народов; проход через средний Кавказ он назвал Сарматскими воротами, *Σαρματικὰ πύλαι* (V, 8, 15). Не найдя места для алан там, где их локализовал надежный для нас свидетель Арриан, но читая в своих источниках свидетельство о связи алан с горами, Птолемей (или его источник Марин Тирский) сочинили «Аланские горы», которые остались жить в ученом предании и существовали в нем еще в XII веке².

¹ *Müllenhoff*. *Deutsche Altertumskunde*, III, 99; *Tomasek* в статье «Alani» в *Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie d. Kl. A.* — W., I, 1281.

² Евстафий Солунский в своем толковании на землеписание Дионисия в примечании к ст. 305 повторяет свиде-

Южными соседями алан Птолемей называет языгов и роксолан, Ἰάζυγες καὶ Ῥωξολανοί (III, 5, 6), которые, по его свидетельству, занимали западный берег Меотиды. Вряд ли можно допустить, чтобы в этой локализации языгов и роксолан следовало признать современное автору историческое свидетельство. Уже Овидий знает языгов на нижнем Дунае, а в первой половине I века они были соседями провинции Паннония. Птолемей также знает их на этой территории и называет их «языги-переселенцы», Ἰάζυγες Μεταβάται. В первой половине II века языги были западными соседями провинции Дакии, а роксоланы — восточными. По римским дорогам, с разрешения римских властей, общались между собою эти соплеменники¹. Таким образом, сообщение Птолемея о местожительстве языгов и роксолан, если мы вправе дать ему значение исторического свидетельства, относится ко времени гораздо более раннему, нежели то, когда составлял свою карту Птолемей. Мы бы не решились однако подвергать сомнению свидетельство Птолемея о территориальной близости алан с роксоланами и настаивать на том, что в ту пору аланы имели своей западной границей реку Танаис, как

тельство Птолемея, не называя впрочем своего источника. — «Ὅτι Ἄλανος ὄρος Σαρματίας, ἀφ' οὗ τὸ ἔθνος οἱ Ἄλανοὶ εἶοικεν ὀνομάζεσθαι, οὗς καὶ ἀλκήεντας ὁ Διονύσιος καὶ πολυίππους καλεῖ [Алан — гора Сарматии, от которой, видимо, получил свое имя народ аланы, которых Дионисий называет и сильными и многоконными]. — Ученость Евстафия допускала только комбинацию литературных сведений, а никак не проверку их живыми данными, которые он мог почерпнуть у современников. Ср. его рассуждения о Каспийском море, к ст. 718.

¹ *Dio Cass.* LXXI. 19.

делает это Мюлленгофф, и считаем вероятным, что национальное имя алан имело в ту пору очень широкое распространение и обнимало кочевые племена по обоим берегам Танаиса. Некоторое подтверждение тому, что локализация алан к западу от Танаиса, которую дает Птолемей, не есть лишь его личное недоразумение, можно видеть в свидетельстве Периегета Дионисия. Обозревая припонтийские степи в своем стихотворном землеописании, он называет здесь следующие народы (vv. 302–306):

*Τοῦ (τ. ε. Ἰστρου) μὲν πρὸς βορρῆν
 τετανυσμένα φύλα κέχυνται
 Πολλὰ μάλ' ἐξείης Μαιώτιδος ἐς στόμα λίμνης,
 Γερμανοὶ Σαρμάται τε Γέται θ' ἄμα Βαστάρναι τε,
 Δακῶν τ' ἄσπετος αἶα καὶ ἀλκίεντες Ἄλανοι,
 Ταῦροι θ', οἱ ναίουσιν Ἀχιλλῆος δρόμον αἰπὺν*

[К северу (от Истра) широко распростершись, расположились многие племена до устья озера Меотиды в таком порядке: германцы, саматы, геты с бастарнами, неизмеримая земля даков и сильные аланы, и тавры, что населяют крутой Бег Ахилла].

III

Аланы в столкновениях с империей в странах придунайских.

Появление их на территории Крыма.

**Карта припонтийских стран у Аммиана Марцеллина,
его свидетельства об аланах.**

Свидетельства древних географических карт

Этнографическая карта южнорусских степей подверглась коренным изменениям в конце II века нашей эры. Разумеем движение готов с севера на берега Понта. Ни современные этому событию, ни близкие к нему по времени писатели не сохранили о нем

свидетельств, и история готов на новых местах их жительства начинается с морских походов, которые они предпринимали из Боспора, а затем с устьев Днестра. Заняв южнорусские степи, готы потеснили племена, обитавшие там в более раннюю пору, и разорвали ту непрерывность сарматских поселений, которая могла существовать там до их прихода. Уже в пору маркоманской войны аланы поминаются, как одно из варварских племен, участвовавших в этом событии¹. Если этому свидетельству следует дать веру, то в этих аланах можно видеть кочевую орду, которая была потеснена на запад готами и примкнула к движению вместе с родственными роксоланами, восточными соседями римской Дакии. От 242 года есть уже более определенное свидетельство. Близ Филиппополя имп. Гордиан III наткнулся на аланский отряд, потерпел от него поражение и был убит. На его гробнице стояла такая эпитафия: «*Divo Gordiano victori Persarum, victori Gothorum, victori Sarmatarum, depulsori Romanarum seditionum, victori Germanorum, sed non victori Philipporum* [Божественному Гордиану, победителю персов, победителю готов, победителю сарматов, усмирителю римских мятежей, победителю германцев, но не победителю Филиппов]». В пояснение биограф прибавляет такое замечание: *Quod ideo videbatur additum, quia in campis Philippis ab Alanis tumultuario proelio victus abscesserat* [Что добавлено, по-видимому, потому, что на полях Филиппов он отступил, побежденный аланами в беспорядочной битве] (*Scr. hist. Aug.*,

¹ *Capitol. v. Marci*, 22, 1: *Sarmatae, Rhoxolani, Bastarnae, Peucini, Halani, Costoboci* [сарматы, роксоланы, бастарны, певкины, аланы, костобоки].

Gord. tres. с. 34). Позднее аланы являются в числе врагов империи, с которыми имел дело Аврелиан. В биографии этого императора сообщается, что в своем триумфе он вел в числе других варваров также и аланских пленников¹. Мы не знаем, где именно Аврелиан сражался с аланами, но самый факт подтверждается сохранным в биографии имп. Проба анекдотом о коне дивных свойств, доставшемся римским солдатам во время одной схватки с варварами². Эти скудные и разрозненные свидетельства позволяют заключить, что под влиянием переселения готов часть аланского племени придвинулась к границам империи и, сохраняя свою национальную особенность, была в тех же к ней отношениях, как и другие соседние варвары.

Под влиянием того же события, т. е. нашествия готов, аланы проникли и на территорию Крыма. Первое точное свидетельство в «Перипле» Анонима, который приурочивается к V веку. Древний греческий город Феодосия, опустевший в ту пору, назван в этом источнике Ардабда, Ἀρδάβδα, причем автор поясняет значение этого имени: ἑπτάθεος, «семибожный», при-

¹ *Scr. hist. Aug.*, v. Aurel. 33, 4.

² *Ibid.* V. Probi, 8, 3: Quin etiam cum de praedato sive ex Alanis sive ex aliqua alia gente incertum est, repperit equus non decorus neve ingens, qui, quantum captivi loquebantur, centum ad diem millia currere dicoretur, ita ut per dies octo vel decem continuaret... [Также, когда среди добычи то ли от аланов, то ли от какого другого племени — неясно, оказался конь, не красивый и не рослый, но который, как говорили пленные, мог пробегать сотню миль в день в течение восьми или десяти дней...] (далее рассказывается, как солдаты предложили этого коня Пробу, а когда тот отказался, выказав тем свое бескорыстие, разыграли коня по жребью).

бавляя, что это слово принадлежит «аланскому, т. е. таврскому языку»¹. Отождествление алан с таврами, т. е. тем народом, который дал имя полуострову и составлял древнейшее население горной его части, есть обычный ученый прием древних, благодаря которому впоследствии русские являются у византийцев под именем тавроскифов. Оно не имеет для нас поэтому никакого значения. Что же до самого имени — Ардаба, то этимологическое его толкование делает несомненным, что язык, которому оно принадлежало, был иранский²; а этот факт находится

¹ Geographi gr. min. / Müller, I. P. CXVIII. Anon. Peripl. § 77.

² Müllenhoff. Deutsche Altertumskunde, III, 113 — принимает, что в написании 'Αρδάββα допущена ошибка вместо 'Αρδάρβα или 'Αρβάρβα; ἄββα соответствует зендскому *hapta*, греч. ἑπτα [семь], ἀρβ — зенд. *eredhwa*, др.-перс. *arda*, лат. *arduus* [высокий]; таким образом получается значение: «die durch sieben (Götter) hohe, erhabene Stadt [высокий, возвышенный семью (богами) город]». — Следует прибавить, что Мюлленгофф не считает вероятным появление алан (савроматов) в Крыму и полагает, что это имя есть «туземное скифское, которое вышло на свет после гибели греческого элемента», а так как он отстаивает иранство скифов, то это имя является также одним из элементов в цепи его доказательств. — Нельзя, однако, не заметить, что греки в тех местах никогда не исчезали, а если кто исчез, то именно скифы.

Миллер *Всев.* Этнографические следы иранства на юге России (Жур. Мин. Н. Просв. 1886, октябрь. С. 240). Воспроизведя этимологию Müllenhoff 'а, не считает возможным вполне согласиться с ним: «по звукам арба соответствует точнее авест. *areda* — санскр. *ardha*, осет. ард-äg (половина) с позднейшим суффиксом — äg, так что 'Αρδάββα могло бы значить *семисторонний*». Не настаивая, впрочем, и на этой этимологии, он считает несомненным одно:

в полном соответствии с представлениями древних о национальности савроматов и установленным в современной науке положением о принадлежности к группе иранских языков того наречия, на котором ныне говорят осетины, потомки и остаток древних алан. Если, по свидетельству «Перипла» Анонима, Феодосия носила аланское имя, то отсюда следует заключить, что аланы составляли в предшествующую пору постоянное население той местности, в которой лежит этот город.

Косвенное подтверждение пребывания алан в восточной части Крыма дано также в самом имени знаменитого некогда города Судака, Сугдеи византийцев. Оно объясняется из иранского Sugä — «чистый, святой», осетинское суггär — святой¹. В свидетельствах, относящихся к истории города Судака, принадлежащих впрочем позднему времени, есть одно, которое может быть принято за хронологическое указание в смысле *terminus non post quem* [самая поздняя дата] для появления алан в Крыму. Разумеем известные заметки сугдейского синоксария, хранящегося в библиотеке на острове Халки. Жители Судака в XIII веке верили, что их город был основан в 212 году по Р. Х.² Конечно, на подобном сообщении трудно

иранский характер имени, и указывает аналогию к нему в Βαυάρδα — Птолемей (VI, 16, 5) в описании Парапамиза.

¹ Миллер Всеv. Указ. соч. III, 77; объяснение это принято проф. Васильевским — Рус. Виз. Исследования, II, CLXVII.

² Арх. Антонин. Заметки XII—XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее, приписанные на греческом синаксаре (Зап. Имп. Одес. Общ. Ист. и Др. V. С. 595—628). № 61. ἐκτίσθη τὸ κάστρον τῆς Σουδαίας τοῦ εἰρκ'. εἰσὶ ἔτι τὸ ἀπὸ κτίσεως τῆς Σουδαίας μέχρι τῆς σήμερον εἰ τοῦ ἐστὶν ἔτος ζωδ' ἔτι ἀπδ' [основана крепость Сугдея в 5720 го-

основываться, но во всяком случае конец II и начало III века являются временем, когда аланы свободно могли передвигаться в приазовских степях и занимать своими кочевьями оба берега Дона. Если же кочевой народ, каким были аланы, продвинулся к самому берегу моря в горные местности, то это заставляет предположить натиск из степей, который могли сделать готы в ту пору, когда они продвинулись к Боспору Киммерийскому. Из точных сообщений о готских морских разбоях, предпринятых ими на судах Боспора, мы знаем, что они проникли в Крым около половины III века¹.

Та этнографическая карта, которую установили готы своим водворением в южнорусских степях, подверглась новым резким изменениям лишь в конце IV века, когда на эту территорию явились с востока новые завоеватели — гунны. Писатель, переживавший начало этого периода европейской истории, Аммиан Марцеллин, вставил в свое историческое изложение целый ряд географических экскурсов, в которых много раз помянуты аланы. К сожалению, сообщаемые им сведения лишь отчасти основаны на живом современном знании, над которым преобладает «ученый» материал, собранный им из разных источников и, между прочим, из традиционной географической карты². Недостатки этой карты в связи с своеобразной манерой выражения этого автора

ду. Со времени основания Сугдеи до сегодняшнего дня или до 6804 года — 1084 года], т. е. в 1296 году город считал себе 1084 года. — № 62 под годом 6853=1345 — повторено то же самое замечание о древности города.

¹ *Zosim.* 1, 31.

² Ср.: *Miller K.* Die ältesten Weltkarten. Heft VI (1898). S. 83–89.

существенно затрудняют точное понимание его сообщений о территории, которую занимали в то время аланы. В первом своем упоминании об этой народности Аммиан называет алан в числе других племен, обитавших вокруг Меотиды (22, 8, 30); в другой раз он поминает их на линии от конца Рифейских гор, где живут мифические аримафеи, в сторону Каркинитского залива (22, 8, 38); в третий раз посредине широкой излучины (arcus), какую представлялся на карте Аммиана этот северный материк, и соседями их называет костобоков (22, 8, 42); в четвертый — он называет алан пограничным народом Европы, который почти соприкасается с «азиатскими скифами» (23, 6, 61). Аммиан утверждает, что более древнее имя этого народа было — массагеты (23, 5, 16 и 30, 2, 12), ученое отождествление, с которым мы встречались уже у Диона Кассия. — Итак, Аммиан знает алан в двух местах своей географической карты: по соседству от костобоков, т. е. неподалеку от нижнего Дуная и на восточной границе европейского материка. Такое размещение алан соответствует историческим условиям времени до появления гуннов. Но, к сожалению, Аммиан в своих географических экскурсах связан своим ученым источником. Наиболее разительное доказательство можно указать в том, что он размещает в своих перечислениях народов, занимавших припонтийские степи, мертвые имена: Melanchlaenae, Nervii, Geloni, Agathyrsi [меланхлены, нервы, гелоны, агатирсы], не задаваясь при этом вопросом о том, существуют ли действительно эти народы, не выступавшие вовсе на тогдашнюю живую историческую арену, и в то же время не находит нигде места для готов, хотя он имеет самые определенные и ясные сведения об их местожительстве, как видно из исторических частей его изложения. Оче-

видно, на карте, какую имел пред глазами Аммиан, не стояло нигде имя *готы* и потому, обозревая по ней припонтийские степи, Аммиан выражается таким образом: *Hister advenarum multitudine fluenti Sauro-matas praetermeat ad usque amnem Tanain pertinentes* [Истр, пополнившись водой притоков, протекает подле савроматов, область которых простирается до реки Танаиса] (31, 2, 13). Точно также в общем обзоре берегов Меотиды Аммиан называет те народы, какие размещены в тех местах у Птолемея: *circa haec stagna ultima extimaque plures habitant gentes, sermonum iustitutorum varietate dispariles, Jaxamatae et Maeotae et Jazuges, Rhoxolanique et Halani et Melanchlaenae et cum Gelonis Agathyrsi* [вокруг этих самых дальних озер живут многие племена, различающиеся по языку и обычаям: яksamаты, меоты, язуги, роксоланы, аланы, меланхлены, гелоны и агатирсы] (22, 8, 31). Устаревший «ученый» источник вредил автору и там, где он дает живые сведения о настоящем и современном.

Приступая к изложению о нашествии гуннов, Аммиан вставляет экскурс об аланах (31, 2, 12–25). Он помещает их к востоку от Меотиды и течения реки Танаиса, т. е. на исконной их территории. Самую страну он называет «скифскими степями» (*Scythiae solitudines*). Имя народа — *Halani* (это правописание выдержано в рукописном предании Аммиана) он производит от названия гор (*ex montium appellatione cognominati*). Из этого сообщения сделано было заключение, будто имя «аланы» значит «обитатели гор»¹. Мы бы полагали более правильным предполо-

¹ *Neumann*. Die Völker des südlichen Russland. 1855. S. 36 — предлагает этимологию из манджурского *alin* — горный хребет. Раньше Нейманна то же словопроизводство

жить, что это сведение есть не более, как ученый домысел самого Аммиана. Выше было указано, что на карте, как ее рисовал Птолемей, стояли Аланские горы в местности, где жили аланы. Отсюда-то и сделал свое заключение Аммиан.

Аланы — народ кочевой, живут они в кибитках, крытых корой. Они не знают земледелия, держат много скота и преимущественно лошадей. Необходимость иметь постоянные пастбища обуславливает их скитания с места на место, а влажный климат страны и обилие рек обеспечивает их вполне в отношении наличности корма для их стад и пастбищ. С раннего детства привыкают они к верховой езде, все они — лихие наездники и ходить пешком считается у них позором. Пределы их кочевий — с одной стороны Армения с Мидией, с другой — Боспор. Их занятие — грабеж и охота. Они любят войну и опасности. С убитых врагов снимают они скальпы и украшают ими узду своих коней. Нет у них ни храмов, ни домов, ни шалашей. Они чтут бога войны и поклоняются ему в образе меча, водруженного в землю. Все аланы считают себя благородными и не знают рабства в своей среде. В образе жизни они очень сходны с гуннами, но нравы их несколько мягче (*Hunnis per omnia suppare, vegum victu mitiores et cultu* [во всем похожи на гуннов, но несколько мягче их нравами и образом жизни]).

имени алан принимал *Сестренцевич-Богуш*. *Recherches sur l'origine des Sarmates*, I, 2, 9; III, 30, — который под именем «Ален» понимал Алтайский хребет. За отсутствием этого сочинения еп. Сестренцевича в нашей библиотеке, приводим эту цитату по: *Семенов*. Библиотека иностр. писателей о России. I. С. 114. 16-е прим. к тексту Иосафата Барбаро.

Аммиан дает также описание внешнего вида алан: «почти все они высоки ростом и красивы, волосы у них русые; они грозны свирепым взором своих глаз и быстры, благодаря легкости своего оружия»¹. Наряду с этой общей характеристикой племенного типа, Аммиан высказывает мнение, будто имя алан обнимает много соседних народностей, которые были покорены аланами и объединились в одном имени победителей².

Этому последнему замечанию Аммиана придавал большое значение авторитетный исследователь Нейманн, а за ним и Мюлленгофф. Но нельзя не заметить однако, что оно является внутренним противоречием в сообщениях Аммиана. Если аланы имели один общий племенной тип, то они представляли этническую обособленную группу, а не конгломерат племен, соединенных завоеванием. Таким образом, одно из двух неверно в показаниях Аммиана: или аланы один народ, хотя бы и разделенный на множество племен, — что вполне естественно при обширности территории, которую они занимали и той форме быта, в которой они жили, — тогда возможен общий тип; или же они — конгломерат чужих друг другу по происхождению племен, объединенных завоеванием, — тогда невозможно единство типа. Пред-

¹ Proceri autem Halani paene sunt omnes et pulchri, crinibus mediocriter flavis oculorum temperata torvitate terribiles et armorum levitate veloces.

² Paulatim nationes conterminas crebritate victoriarum adtritas ad gentilitatem sui vocabuli traxerunt, ut Persae [Мало-помалу они подчинили себе в многочисленных победах соседние народы и распространили на них свое имя, как сделали это персы].

почтительного доверия заслуживает, конечно, сообщение Аммиана о единстве типа, и прежде всего потому, что оно могло явиться результатом личного впечатления, тогда как аналогия между широким распространением имени персов и алан — есть лишь «ученое» соображение Аммиана. С аланами Аммиан мог встретиться в своих походах под командой имп. Юлиана; что же до его учености, то она далеко не всегда надежна, а в данном случае тем менее, что он имел пред глазами карту империи, по которой и делал свои заключения. По карте высказал он свое соображение о происхождении имени алан; на той же карте видел он множество имен на территории, которую отводил аланам: степи от Танаиса до Меотиды и область, соседняя с костобоками. Среди этих имен было немало таких, которые хранились ученым преданием со времен Геродота. Возможность судить об этом дает нам как сам Аммиан, так и образцы сохранившихся древних карт, а равно и сродные с картами источники, как : Julius Honorius, Aeticus, Geographus Ravennas [Юлий Гонорий, Этик, Равеннский географ]. *Nervii, Geloni, Agathyrsi* [нервы, гелоны, агатирсы], которых обязательно размещает на своей карте Аммиан среди алан (31, 2, 14), а также и специальный термин *Tanaitae* [танайты] (31, 3, 1), которым была обозначена часть аланского племени, — вот что могло навести его на предположение о том, что имя алан не было этническим, а лишь собирательным термином, распространившимся на много племен от горной гряды, которая называлась Аланскими горами. Уже в пору Тацита прикавказские аланы не представляли политического единства и отдельные их «скептухи» свободно становились на сторону того или другого из двух враждовавших между со-

бой государей южных стран. Кочевой быт содействовал их раздробленности, а готское нашествие оторвало отдельные части этого племени и отодвинуло одних на юг к морю, а других на запад в области нижнего Дуная.

Итак, на той карте империи, которую имел пред глазами Аммиан Марцеллин, значились на пространстве «скифских степей» только те народы, имена которых составляли древнюю традицию, и сам он не исправлял своей карты историческими данными, какие имел в своем распоряжении. Но вскоре после Аммиана карта империи получила некоторые исправления в отношении занимающих нас местностей. Такое заключение позволяет сделать географический обзор мира, включенный Орозием в свою историю (*Historiae adversus paganos* [Истории против язычников]), составленную в самом начале V века в Испании. Карта северных от империи стран имела далеко не точный вид: границами севера Европы Орозий называет реку Танаис с Меотийскими болотами, Дунай и Рейн; но Дунай имеет течение с юга и направляется на восток, а Рейн течет с запада (и направляется на север). Страны, прилежащие к империи по Дунаю, названы в таком порядке: *ab oriente Alania est, in medio Dacia ubi et Gothia, deinde Germania est, ubi plurimam partem Suebi tenent* [на востоке находится Алания, в середине Дакия, там же и Готия, потом Германия, где большую часть занимают свебы] (I, 2, 53). Таким образом, непосредственно за устьем и нижним течением Дуная лежит область *Alania*. В связи с этой локализацией Алании находится переименование крайнего восточного притока Дуная с севера, Пирета (*Πυρετός*). Исидор Гиспалийский в своих «*Origines*» [Началах] сохранил следующую

щее свидетельство: *Lanus fluvius fertur ultra Danubium, a quo Alani dicti sunt, sicut et populi inhabitantes iuxta Lemannum fluvium Alemanni vocantur* [Река Лан, говорят, находится по ту сторону Дуная, от нее получили имя аланы, подобно тому, как народы, живущие рядом с рекой Леманн, зовутся алеманны] (IX, 2, 94). Тот же Исидор север Европы представляет себе следующим образом: *Prima Europae regio Scythia inferior, quae a Maeotidis paludibus incipiens inter Danubium et Oceanum Septentrionalem usque ad Germaniam porrigitur; quae terra generaliter propter barbaras gentes, quibus inhabitatur, Barbaria dicitur. Huius pars prima Alania est, quae ad Maeotidas paludes pertingit. Post hanc Dacia, ubi et Gothia; deinde Germania, ubi plurimam partem Suevi incoluerunt* [Первая страна Европы — нижняя Скифия, которая, начинаясь от Меотийских болот, простирается между Данубием и Северным Океаном вплоть до Германии; вся эта земля в целом из-за варварских племен, ее населяющих, называется *Барбария*. Первая ее часть — *Алания*, которая достигает Меотийских болот. После неё — *Дакия*, там же и *Готия*; потом *Германия*, где большую часть населяют свебы] (XIV, 4, 3). — Последние слова с очевидностью доказывают, что Исидор имел пред глазами текст своего соотечественника Орозия, которым он пользовался и в других своих географических сообщениях, но отнюдь не им одним исключительно¹.

В позднейшем географическом предании Алания сохраняла свое место на нижнем Дунае. Так, на карте св. Беата (776 г.) над устьем Дуная и ближайшим

¹ Достаточно сравнить свидетельство о Фракии: *Orig. XIV, 4, 6* и *Oros. Hist. I, 2, 56*.

побережьем Черного моря значится: *Alania*. Близость некоторых данных этой карты к Орозию, выясненная ее новым издателем, Конрадом Миллером, объясняется, по его мнению, не простым заимствованием, а тем, что оба автора, св. Беат и Орозий, имели общий источник в географических картах римского мира, восходящих еще к IV веку¹.

Прибавим в заключение, что на карте бл. Иеронима, сохранившейся в кодексе XII века, за которой ее издатель, тот же Конрад Миллер, признает авторство Иеронима, значится приток Дуная *Alanus fluvius* [река Алан] и над ним надписание: *Alani scite*². Если признать вероятным положение Миллера об авторстве Иеронима, т. е. что эта карта была приложена им самим к одному из своих сочинений, то переименование р. *Пурета* (н. Прут) в Алан по имени народа, который сидел на ее берегах, придется приурочить еще к IV веку нашей эры. Прибавим в заключение, что на картах XIII века, восходящих к древним оригиналам и составляющих их переработку, Алания сохраняла свое старое место. Так, на карте Ричарда Гольдингамского самый восточный приток Дуная с левой стороны носит название *Alanus fluvius*³, а на другой сродной с нею, носящей дату 1284 года, которая сохранилась в Эрбсторфском монастыре в Ганновере, в местности нижнего Дуная на левой стороне читается написание: *Alani Schite* (очевидное искажение имени *Scite*, как писал средневековый человек вместо *Scythae* [скифы])⁴.

¹ *Miller K.* Die ält. Weltkarten. Heft I. S. 70.

² *Idem.* Heft III, Taf. 1. S. 2-4.

³ *Idem.* Heft IV. S. 17.

⁴ *Idem.* Heft III. S. 24.

IV

Аланы в подчинении у гуннов.

Их участие в набегах на империю.

Аланы на римской службе у императора
Грациана и в последующие времена

В конце IV века аланы были вовлечены в поток исторических событий нашествием гуннов. Они были первым европейским народом, который встретили гунны в своем движении на запад и первые испытали на себе дикость и силу новых пришельцев. Будучи вынуждены им подчиниться, они примкнули к ним (371 г.) и принимали непосредственное участие во всех дальнейших завоеваниях гуннов¹. С ними вместе разрушили они державу Эрманриха остготского, и когда его преемник Гунимунд с большей частью племени подчинился гуннам (373 г.), они участвовали в натиске гуннов на вестготов (375 г.), последствием чего было выселение последних в пределы империи². Быстрым напором гунны объединили под своей властью северные подунайские страны до Паннонии, которую они отторгли от им-

¹ *Amm. Marc.* 31, 3, 1. Igitur Huni pervasis Halanorum regionibus, quos Greuthungis confines Tanaitas consuetudo nominavit, interfectisque multis et spoliatis, reliquos sibi concordandi fide pacta iunxerunt, eisque adiuncti confidentius Ermenrichi late patentes et uberes pagos repentino impetu perraperunt [И вот гунны, пройдя через земли аланов, которые граничат с гревтунгами и обычно называются танаитами, произвели у них страшное истребление и опустошение, а с уцелевшими заключили союз и присоединили их к себе. При их содействии они смело провались внезапным нападением в обширные и плодородные земли Эрменриха].

² *Idem.* 31, 3, 2-5, 8.

перии¹. В странах среднего течения Дуная появились с ними и аланы². В тяжкий для империи 378 год гунны

¹ Paneg. lat., Pacati pan., cap. 11: Perdidit infortunata Pannonias [Я потеряла, несчастная, Паннонию] — говорит о себе империя. — Хронология этого события не сохранена в современных свидетельствах. Но в хронике *Marcel. Com.* под 427 годом и у *Иордана. Get.* 32, 166, — отмечен факт восстановления римской власти в Паннонии после 50-летнего перерыва (post raene quinquaginta annorum [спустя почти пятьдесят лет] — *Jord. Loc. cit.*). Таким образом, отторжение Паннонии приходится приурочить к 377 году или вскоре после него. — (Позднее, по договору Аттилы с Аэцием, Паннония была формально уступлена гуннам, см. *Prisci frg. Dind., Hist. gr. min. I. Cap. 7. P. 267.* — ... ὅς ᾤκει τὴν πρὸς τῷ Σάῳ ποταμῷ Παίωνων χώραν, τῷ βαρβάρῳ κατὰ τὰς Ἀετίου στρατηγῶν τῶν ἑσπερίων Ῥωμαίων συνθήκας ὑπεκούσαν [... кто населяет землю пеонов у реки Саос, подчиняется варвару, согласно договору Аэция, стра-тега западных римлян]).

² *Авзоний* в стихотворении, написанном накануне вступления в консульство. т. е. 31 декабря 378 года, *Praecatio consulis designati pridie Kal. Jan.* [Консульская молитва накануне январских календ предназначенного ему года], рисует современное положение империи в таких стихах (VI, 28–35):

*Jane veni: novus anne, veni: renovate veni Sol.
Hostibus edomitis, qua Francia mixta Suebis
Certat ad obsequium, Latiis ut militet armis
Qua vaga Sauromates sibi iuxerat agmina Chuni
Quaque Getes sociis Histrum adsultabat Alanis
(Hoc mihi praepetibus Victoria nuntiat alis),
Jam venit Augustus, nostros ut comat honores.
Officio exornans, quos participare cupisset.*

[Янус, приди, приди, новый год, приди, обновленное Солнце. Укрошены враги, где Франкия вместе со свебами состязается в покорности, чтобы воевать латинским оружием;

и аланы приняли непосредственное участие в том страшном нашествии, которому подверглись прибалканские провинции¹. Аланская конница помогла готам в битве под Адрианополем, окончившейся страшным поражением римской армии и гибелью имп. Валента². Вместе с готами подступали затем аланы

где савромат присоединил к себе бродячие полчища гуннов и где гетт нападает на Истр с союзными аланами (это мне возвестила на быстрых крыльях Победа); уже пришел Август, чтобы увенчать почестями нас, тех, кого приобщил, как сам возжелал, к службе].

Итак, в 378 году гунны были уже на Тиссе (Tisia), за которой начиналась область сарматов (языгов); имя алан сопоставлено с гетами, т. е. указана область бывшей провинции Дакии. Поэт мечтает о победе над этими новыми врагами и о своих лаврах, чему однако не суждено было сбыться.

¹ *Aurel. Vict. Caes. P. 47. Traciam Daciamque tamquam genitales terras possidentibus Gothis Taifalisque atque omni pernicie atrocioribus Hunnis et Alanis, extremum periculum instare nomini Romano* [Поскольку Фракией и Дакией владеют, как родовыми землями, геты и таифалы, а также бывшие злее всякой пагубы гунны и аланы, имени римскому грозит всякая опасность] (= *Paulus h. R. XI, 14*); *Pacati paneg. XI (p. 281 Baehrens): Quidquid atterit Gothus, quidquid rapit Hunnus, quidquid aufert Halanus, id olim desiderabit Arcadius* [Что не уничтожил гот, не выхватил гунн, не унес алан, то в будущем потеряет Аркадий?]

² *Amm. Marc. 31, 12, 16-17. Sagittarii et scutarii... avidius impetu calenti progressi iamque adversis conexi, ut immature proruperant, ita inertii discessu primordia belli foedarunt. Hocque impedimento conatus intempestivi et Richomeris alacritas fracta est, nusquam ire permissi, et equitatus Gothorum cum Alatheo reversus et Saphrace, Halanorum manu permixta, ut fulmen prope montes celsos excussus, quoscumque ad cursu veloci invenire comminus*

к стенам Константинополя¹. Император Грациан, спешивший на помощь Валенту против готов, подвергся нападению аланской грабительской шайки близ города *Castra Martis* [Кастрамартис] в верхней Мезии².

potuit, incitata caede turbavit [Стрелки и щитоносцы... в горячем натиске прошли слишком далеко вперед и завязали бой с противником: как не вовремя они полезли вперед, так и осквернили начало боя трусливым отступлением. Эта несвоевременная попытка остановила смелое решение Рихомера, которому уже не позволили никуда идти. А готская конница между тем вернулась с Алафеем и Сафраком во главе, вместе с отрядом аланов. Как молния появилась она с крутых гор и пронеслась в стремительной атаке, сметая все на своем пути]. — Эта конная атака решила судьбу сражения, как следует заключить из описания битвы у Аммиана (31, 13).

¹ Idem. 31, 16, 3.

² Idem. 31, 11, 6. Dum haec aguntur in Thraciis, Gratianus docto litteris patruo, qua industria superaverit Alamanos, pedestri itinere, praemissis impedimentis et sarcinis, ipse cum expeditiore militum manu permeato Danubio, delatus Bononiam, Sirmium introiit, et quadriduum ibi moratus per idem flumen ad Martis castra descendit, febribus intervallatis affictus: in quo tractu Halanorum impetu repentino temptatus amisit sequentium raucos [Пока так шли дела во Фракии, Грациан, известив письмом своего дядю о том, как удачно он справился с аламаннами, послал вперед сухим путем обоз и вьюки, а сам с легким отрядом поехал по Данубию и через Бононию прибыл в Сирмий. Сделав там остановку на четыре дня, он спустился по течению того же Данубия в Кастра-Мартис (Марсов лагерь), хотя и страдал от перемежающей лихорадки. На этом переходе он подвергся неожиданному нападению аланов и понес при этом некоторые потери в людях]. — Вероятно, грабительские предприятия алан не всегда бывали удачны, и римским солдатам удавалось брать

Призванный разделить с Грацианом бремя управления империей, Феодосий очистил подунайские провинции от варваров и точно определил отношения с принятыми в пределы государства готами¹.

в плен толпы этих новых врагов империи. Поэту Авзонию известны были, очевидно, такие именно случаи, если он, рисуя свои сновидения (IV, 7), мог вставить и такие стихи:

*Cerno triumphantes inter me plaudere: rursum
Inter captivos trahor exarmatus Alanos*

[Вижу, как я рукоплещу среди триумфаторов; или, напротив, как влекут меня среди пленных аланов].

¹ *Oros. VII, 34, 5. Itaque Theodosius afflictam reipublicam ira Dei reparandam credidit misericordia Dei... maximas illas Scythicas gentes... nunc autem extincto Romano exercitu Romanis equis armisque instructissimas, hoc est Alanos Hunos et Gothos, incunctanter adgressus magnis multisque proeliis vicit. Urbem Constantinopolim victor intravit et ne parvam ipsam Romani exercitus manum adsidue bellando detereret, foedus cum Athanarico Gothorum rege percussit* [Итак, Феодосий вверил ослабленное гневом Божиим государство Божьей милости ... те великие скифские племена ... сейчас, после уничтожения римского войска отлично снабженные римскими конями и оружием, а именно: аланов, гуннов и готов, он победил, без промедления напав на них, во многих больших сражениях. Он победителем вступил в город Константинополь и, чтобы не истощать непрерывной войной сам по себе небольшой отряд римского войска, заключил мир с готским царем Атанарихом]. — (= *Paulus, H. R. XI, 15*). — *Marcel. Com. a. 379. P. 60 Momms. — Halanos, Hunnos, Gothos, gentes Scythicas magnis multisque proeliis vicit* [Аланов, гуннов, готов, скифские племена он победил во многих больших сражениях]. *A. 380. P. 61. His consulibus Theodosius Magnus postquam de Scythicis gentibus triumphavit...* [В их консульство Феодосий Великий получил триумф за победу над скифскими племенами...]

Вскоре после того, как появились аланы в дунайских пределах, мы встречаем их и на службе римского императора. Юный и энергичный Грациан, в своей любви к удали, сформировал себе из алан гвардейский отряд и включил его в списки полков римской армии. Пристрастие императора к этим новым варварам шло так далеко, что он появлялся пред войсками в аланском национальном вооружении и совершал походы в этом наряде. Явное пристрастие императора к своим фаворитам, которых он привлек к себе за большие деньги и всячески отличал, навлекло на него раздражение в войсках и послужило поводом к его гибели. В Британии явился претендент, Максим; его признали римские войска в Галлии; Грациан был убит¹. Событие это относится к 383 году.

¹ *Zosim.* IV, 35. Ἀλανούς τινὰς αὐτομόλους δεξάμενος (Γρατιανός) καὶ στρατιᾶς ἐγκαταλέξας, δωρεαῖς τε ἀδραῖς ἐτίμα καὶ θαρρεῖν ἠξίου τὰ πάντων ἀναγκαιότατα, στρατιωτῶν λόγον οὐδένα ποιούμενος. Τοῦτο τοῖς στρατιώταις κατὰ τοῦ βασιλέως ἔτεκε μῖσας [Приняв и зачислив в войска некоторых алан-перебежчиков, он (Грациан) ублажал их богатыми дарами и доверял им больше, чем всем остальным, ничего не объясняя своим воинам. Это вызвало у воинов ненависть к императору]. (Далее следует подробный рассказ о восстании Максима и гибели Грациана.)

Paulus. H. R. XI. 16. Maximus vir quidem strenuus et probus atque Augusto dignus, nisi contra sacramenti fidem per tyrannidem emersisset, in Britannia invitus ab exercitu imperator creatus in Galliam transiit. At vero Gratianus dum exercitum neglegeret et paucos ex Alanis quos ingenti auro ad se transtulerat, veteri ac Romano militi anteferret adeoque barbarorum comitatu et prope amicitia capi, ut nonnunquam eodem habitu iter faceret, odia contra se militum excitavit. Maximus ergo ab infensis Gratiano legionibus exceptus eundem subit, incursi ne perterritum atque in Italiam tran-

Но сформированный Грацианом аланский гвардейский отряд, по-видимому, уцелел в кадрах римской армии, так как в росписи чинов и сил империи начала V века, *Notitia Dignitatum*, аланы помянуты в качестве постоянного военного отряда при начальнике конницы (*magister equitum*) западной половины империи, — *comites Alani*¹. Служили аланы также и восточному императору, но не в качестве особого военного отряда. По свидетельству историка Зосима, имп. Феодосий, нуждаясь в пополнении поредевших рядов полков своей армии, открыл самый свободный доступ в их ряды задунайским варварам². Количество их настолько умножилось, что превзошло в отдельных частях число туземных солдат, что и вызвало некоторые мероприятия императора во избежание

sire medio tantem dolis circumventum interfecit aetatis novem et viginti annos habentem [Некий Максим, муж деятельный и порядочный, вполне достойный быть Августом, если бы, вопреки священной присяге, не склонился к тирании, невольно став в Британии императором по решению войска, переправился в Галлию. А поскольку Грациан пренебрегал войском и отдавал предпочтение перед старыми римскими воинами немногим из аланов, которых переманил к себе огромным количеством золота, и до такой степени проникся товариществом, почти дружбой, с варварами, что иногда ходил в их одежде, то тем самым он вызвал к себе ненависть воинов. Максим же, поддержанный враждебными Грациану легионами, внезапным натиском привел его в смятение, и, чтобы не дать уйти в Италию, окружил кознями и погубил в возрасте двадцати девяти лет].

¹ *Notitia Dignitatum in part. Occid. Cap. VI, ed. Böcking. P. 31.*

² *Zos. IV, 30: οἱ ὑπὲρ τὸν Ἰστρὸν βάρβαροι* [варвары по ту сторону Истра].

возможных дурных последствий¹. Зосим рассказывает, что варварам разрешалось свободно покидать ряды, уходить на родину, присылать за себя заместителей и опять возвращаться в свои части². Зосим не называет по имени тех племен, которые, как он свидетельствует, широко воспользовались предоставленным им правом римской регулярной военной службы, указывая лишь в общем обозначении территории, откуда являлись эти добровольцы. Более точное указание дано в панегирике Феодосию, произнесенном в 391 году Пакатом. — «Шел, — говорит панегирист, — под командой римских вождей и под римскими знаменами прежний враг Рима и следовал за значками, против которых он прежде стоял, и, став сам солдатом, наполнил города Паннонии, которые прежде он разорил вражеским опустошением. Гот, гунн, алан стали в ряды войск, сменялись на часах, боялись оказаться неисправными по службе» (*Paneg. Pacati*, 32). Итак, аланы, наравне с другими варварами, служили в рядах римской армии восточной половины империи. Свидетельство Паката важно также и в том отношении, что в нем указана территория, на которой они тогда жили вместе с гуннами, а именно: Паннония.

Установление Феодосия осталось в силе и при его преемниках. Поэт Клавдиан в своих нападках на Руфина

¹ *Ibid.* Феодосий вызвал отряды из египетских легионов и на смену им послал варваров. В городе Филадельфии варвары вызвали против себя вооруженное нападение регулярных войск.

² *Idem.* IV 31. — Зосим называет всех этих варваров «перебежчиками», αὐτόμολοι. Позднее Атиллы упорно боролся против этого ослабления своих сил.

с эмфазой корит его за привлечение в ряды римской армии северных варваров и в том числе алан (*bibens Maeotin Alanus* [пьющий Меотиду алан])¹. Но тот же автор в панегирике на четвертый консулат Гонория (398 год) славит императора за то, что варвары стремятся на службу империи и в их перечислении называет также алан (*in Latios ritus transistis Alani* [к латинскому порядку перешли вы, аланы])².

Что касается до западной половины империи, то кроме существования там постоянного гвардейского отряда, комплектовавшегося из алан, племя это служило ей и в виде вспомогательных ополчений. Причиной тому были добрые отношения, установившиеся между Стилихоном и гуннами. Гунны вместе с аланами явились к нему на помощь против Атаульфа в 402 году³; они же помогли ему сокрушить грозное движение Радагайса в 405 году⁴.

¹ *Claud. Carm.* III, 312.

² *Idem.* VIII, 487.

³ *Idem.* XXVI, где, между прочим, описан эпизод атаки аланского отряда 580–590.

*...Simul externis praecepta ferebat
Auxiliis. Ibat patiens dicionis Alanus,
Qua nostra iussere tubae mortemque petendam
Pro Lacio docuit gentis praefectus Alanae,
Cui natura breves animis ingentibus artus
Finxerat inmanique oculos infecerat ira;
Vulneribus pars nulla vacat rescissaque contis
Gloria foedati splendet iactantior oris.
Ille tamen mandante procul Stilichone citatis
Accelaravit equis Italamque momeredit harenam.
Felix Elysiisque plagis et carmine dignus...*

[...Одновременно (Стилихон) отправил приказы иноземным вспомогательным войскам. Шел привыкший повино-

V

Связь вандалов с аланами.

Языги — сарматы.

Движение вандалов, свевов и алан
в 406 году на Рейн

В приведенных выше свидетельствах аланы выступают в тесной связи с гуннами. Но та масса их племени, которую увлекли с собою гунны из приазовских степей, была достаточно значительна, чтобы выделить из себя часть, которая обособилась от них и имела свою, хотя и краткую, историю. Разумеется выселение алан из степей среднего Дуная в Галлию. Событие это относится к первым годам V века и стоит в связи с историей германского племени вандалов.

Имя вандалов известно уже Плинию и затем

ваться алан, куда звали наши трубы, и обучил его умирать за Лаций префект аланского племени. Природа дала ему малый рост и могучий дух; глаза были окрашены сильным гневом. Все тело покрыто ранами, и гордость за шрамы, полученные от ударов пики, сверкала во взоре. Он, по приказу Стилихона, поспешил на быстрых конях и грыз, павший в бою, землю Италии. Счастливцев, достойный Елисейских полей и песни...]

⁴ *Oros.* VII, 37, 4–17; *Jord. Rom.* § 321 (из Орозия). — У Орозия названы гунны и готы; имена вождей: *Sarus* и *Uldin*. — *Zosim.* V, 26 — называет гуннов и алан; *Marc. Com. Chr.* a. 406. P. 69 Momm.: *Huldin et Sarus Hunnorum Gothorumque reges Radagaisum continuo devicerunt* [Ульдин и Сар, цари гуннов и готов, тогда же победили Радагайса]; *Chron. Gall.* P. 652. Momm. — О гуннском царе Ульдине см. *Zosim.* V, 22 (гибель Гайны); дальнейшая судьба Сара — см. *Zosim.* V, 30; 34; 36; VI, 13; *Sozom. Hist. eccl.* XI, 9. P. 1615 Migne.

Тациту¹. В пору маркоманнской войны вандалы принимали участие в борьбе германского мира с Римом². Позднее с ними вел войну имп. Аврелиан. Он нанес им поражение в 271 году и заключил с ними мир, обязав их ставить две тысячи всадников на римскую службу³. Вандалы жили в ту пору в пределах задунайской Дакии, которую Аврелиан предоставил надвинувшимся со всех сторон варварам⁴ В соседстве

¹ *Plin. H. N. IV, 28; Tacit. Germ. C. 2. Quidam ut in licentia vetustatis, pluris deo ortos plerisque gentis appellationes, Marsos Gambrivos Suebos Vandilios affirmant, eaque vera et antiqua nomina* [Поскольку старина всегда доставляет простор для всяческих домыслов, некоторые утверждают, что у бога было большое количество сыновей, откуда и большое число наименований народов, каковы марсы, гамбривии, свебы, вандилии, и что эти имена подлинны и древние].

² *Capitolin. V. Marci. Cap. 17.*

³ *Dexippi frg. P. 24 (Müller. Frg. hist. gr. III, 685).* "Ὅτι ἐπὶ Αὐρηλιανοῦ οἱ Βανδῆλοι κατὰ κράτος ἠττηθέντες παρὰ Ῥωμαίων πρεσβείαν ἐποίησαντο πρὸς τοὺς Ῥωμαίους περὶ διαλύσεως πολέμου καὶ συμβάσεως... Συνεμάχουν δὲ ἀπο τῆςδε Ῥωμαίοις Βανδῆλων ἵππεῖς εἰς δυσχιλίους, οἱ μὲν τινες αἰρετοὶ ἐκ τοῦ πλήθους ἐς τὴν συμμαχίαν καταλεχθόντες, οἱ δὲ καὶ ἐθέλοντες ἐκούσιον στρατιὰν ὑποδύμεναι [Вандилы, совершенно побежденные римлянами при Аврелиане, отправили посольство к римлянам с предложением о прекращении войны и о заключении мира ... С того времени две тысячи вандильской конницы служили в римской армии. Одни были избраны из всего народа и причислены к союзникам, другие добровольно поступили на римскую службу].

⁴ *Jord. Get. 22, 113–114. Quo tempore erant (Vandali) in eo loco manentes, ubi nunc Gepidas sedent, iuxta flumina Marisia, Miliare Gilpil et Grisia, qui omnes supra dictos excedet. Erat namque illis tunc ab oriente Gothus, ab occi-*

с ними оказались вскоре готы, и между ними началась племенная вражда, продолжавшаяся до самого конца истории вандалов. Не выдержав напора готов, вандалы подались далее на запад и с разрешения имп. Константина Великого поселились в Паннонии, откуда в 406 году поднялись всем народом в Галлию. К ним присоединились аланы значительной массой с несколькими царями во главе.

Тесная связь между аланами и вандалами вызвала у историка, описавшего разрушение вандальского царства в Африке, Прокопия, ложное представление, будто эти аланы были германцы. Прокопий называет их «готским племенем», Γοθικὸν ἔθνος, и ведет их вместе с вандалами с берегов Меотиды прямо в Галлию¹; Сидоний Аполлинарий также называет

dente Marcomanus, a Septentrione Hermundolus, a meridie Histrum, qui et Danubius dicitur. Hic ergo Vandalis commorantibus bellum indictum est a Geberich rege Gothorum ad litus praedicti amnis Marisiae, ubi nec diu certatum est ex equali, sed mox ipse rex Vandalorum Visimar magna parte cum gentis suae prosternitur [В то время они (вандалы) жили на том месте, где теперь сидят гепиды, по рекам Маризии, Милиаре, Гильпиль и Гризии, которая превосходит все названные выше. С востока жил тогда гот, с запада маркоман, с севера гермундол, с юга находился Истр, который называется также Данубием. Когда здесь жили вандалы, Геберих, царь готов, начал с ними войну на берегу вышеупомянутой реки Маризии; недолго сражались они с равным успехом, но скоро царь вандалов Визимар с большей частью своего племени был уничтожен]. — Grisia — по-румынски Криш, Marisia — Муреш, Gilpil — Шиул.

¹ *Procop. Bel. Vand.* 1, 3. P. 319 B. — Βανδίλοι δὲ ἀμφὶ τὴν Μαῖωτιν ὠκημένοι λίμνῃ, ἐπειδὴ λιμῶ ἐπέεζοντο, ἐς Γερμανοὺς τε, οἱ νῦν Φράγγοι καλοῦνται, καὶ ποταμὸν Ῥῆνον ἐχώρου, Ἀλανοὺς ἑταιρισάμενοι, Γοθικὸν ἔθνος [Вандилы,

алан народом, родственным вандалам¹:

*Quod consanguineo me Vandalus hostis Halano
Diripuit radente...*

[Что меня враг вандал ограбил, в то время как его единокровник алан унес все начисто].

Было бы однако ошибочно видеть в этом стихе поэта подтверждение свидетельства Прокопия. Для Сидония связь вандалов и алан была живым фактом современности, который он и отметил здесь в несколько преувеличенной форме. Он знал, что родина алан — прикавказские страны², где древняя ученость никогда не помещала германцев. Что касается до утверждения Прокопия, будто вандалы прошли на Рейн в Галлию с берегов Меотиды, то оно является, по всему вероятно, результатом ученой комбинации сведений автора. Ему было известно, что родина алан — прикавказские страны. В его время прикавказские аланы были верными союзниками империи и «друзьями христиан»³. Аланы, совершив-

жившие у Меотидского озера, после тяжелого голода перешли в страну германцев, которые ныне называются франками, и к реке Рейн, соединившись с аланами, готским племенем].

¹ *Apoll. Sid. Carm. II. V. 379.*

² *Id. Epist. IV, 1, 4... quae si quis deportaret philosophaturus aut ad paludicolas Sygambros aut ad Caucasigenas Alanos aut ad equimulgos Gelonos, bestialium rigidarumque nationum corda cornea fibraeque glaciales procul dubio emollirentur egelidarenturque* [если бы какой-нибудь философ перенес их (философские наставления Евсевия. — С. П.) к живущим в болотах сигамбрам или к рожденным на Кавказе аланам, или к доющим кобылиц гелонам, то, без сомнения, роговые сердца и ледяные жилы этих скотских и грубых племен смягчились и растаяли бы].

³ *Procop. Bel. Pers. I, 14. P. 74; II, 29. P. 288.*

шие вместе с вандалами завоевательное шествие через всю западную половину империи, могли очутиться на западе только потому, что оставили свою родину. Что же касается до вандалов, то в ученой литературе, а именно, в творении Дексиппа было свидетельство о том, что асдинги, род, к которому принадлежали цари вандалов, явились в придунайские области с «берегов океана» и совершили это переселение в краткий промежуток времени, около года¹. Дексипп разумел, очевидно, северный океан, т. е. берега Балтийского или Немецкого моря, а никак не Меотиду. А Прокопий, с одной стороны, обобщил свидетельство о прибытии асдингов на берега Дуная, приписав это быстрое движение всему вандальскому племени, с другой, изменил направление пути передвижения вандалов, чтобы объяснить тем их связь с аланами.

Близкая связь между вандалами и аланами установилась, очевидно, с того времени, когда они поселились в соседстве с языгами. В период пребывания вандалов в пределах бывшей римской провинции Дакии, они имели языгов своими западными соседями, а позднее, когда они переселились в Паннонию, — восточными. Официальное имя языгов у римлян было сарматы. Мы не коснемся здесь истории их отношений к империи в течение предшествующего времени, но должны здесь отметить их исконную тесную связь с соседним германским племенем свевов.

¹ *Jord. Get.* 22, 113. Dexippo storico referente qui eos (sc. Asdingos) ab oceano ad nostrum limitem vix in anni spatio pervenisse testatur prae nimia terrarum immensitate [Как передает историк Дексипп, они (т. е. асдинги) в течение всего одного года перешли от океана к нашим границам, преодолев огромные территории].

Она существовала при имп. Клавдии, оставалась в силе и во второй половине IV века. Со времени Маркоманнской войны с ними сблизилась также и квады. Сарматы оказали воздействие на эти германские племена. Аммиан Марцеллин свидетельствует, что между ними существует полное сходство как в быте, так и в вооружении¹. А это последнее он описывает в таких словах: *Quibus ad latrocinia magis quam aperto habilibus Marti hastae sunt longiores et loricae ex cornibus rasis et laevigatis, plumarum specie linteis indumentis innexae: equorum plurimi ex usu castrati, ne aut feminarum visu exagitati raptentur aut in subsidiis ferocientes prodant hinnitu densiore vectores. Et per spatia discurrunt amplissima sequentes alios vel ipsi terga vertentes, insidendo velocibus equis et morigeris trahentesque singulos, interdum et binos, uti permutatio vires foveat iumentorum vigorque otio intrgretur alterno* [У них больше сноровки для разбоя, чем для открытой войны; они вооружены длинными пиками, носят панцири из нарезанных и выглаженных кусочков рога, нашитых наподобие перьев на льняные рубашки; кони у них по большей части холощены, чтобы не бросались при виде кобыл и, когда приходится засесть в засаду, не бесились, выдавая ездовых усиленным ржанием. Они проезжают огромные пространства, когда преследуют неприятеля или когда бегут сами, сидя на быстрых и послушных конях, и каждый ведет еще в поводу запасную лошадь, одну, а иногда и две, чтобы, пересеживаясь с одной на другую, сохранить силы коней и, давая отдых, восстановить их силы] (17, 12, 2–3).

¹ *Амм. Марс.* 16, 10, 20 (357 г.); 17, 12, 1 (358 г.); 29, 6, 8 (373 г.).

Итак, сарматы были вооружены длинными пиками и носили чешуйчатые панцыри из рога; коней они кастрировали, чтобы тем обезопасить себя в своих грабительских предприятиях. Эти черты в описании Аммиана сходятся с тем, что сообщал для своего времени Тацит; что же касается в частности кастрации коней, то еще Страбон засвидетельствовал об этом¹, как общем обычае у скифов и сарматов, т. е. кочевых степняков. Прожив почти четыре века в соседстве с римлянами, сарматы остались таким же диким конным народом, каким они были в пору своего появления на свет истории. Удержав сами свой кочевой и конный быт и строй, они привили их также своим германским соседям, свевам и квадам².

В соседство с сарматами попали вандалы еще в конце III века. Они испытали на себе тоже влияние, как и свевы с квадами и за время пребывания в степных пространствах Дакии и Паннонии превратились в конный народ. По свидетельству Прокопия, вандалы не знали другого военного строя, кроме конного ополчения. Их оружие — пика и сабля, и сражаться пешими они не умели. Прокопий делает это замечание в рассказе об одной неудаче вандалов в столкновении с африканскими туземцами³. Германцы не

¹ *Strab.* VII, 4, 8.

² Было также и обратное влияние. Иордан свидетельствует, что сарматы усвоили личные имена от германцев, *Get.* 8, 58: *Sarmatae plerumque mutantur nomina Germanorum* [Сарматы большей частью сменили имена на германские].

³ *Procop.* *Bel. Vand.* I, 8. P. 348 B. — οὔτε γὰρ ἀκοντισταὶ (т. е. не умеют метать дротиков), οὔτε τοξόται ἀγαθοὶ ἦσαν, οὔτε πεζοὶ ἐς μάχην ἠπίσταντο, ἀλλ' ἵππεῖς τε ἦσαν ἅπαντες, δόρασι τε ὡς ἐπὶ πλείστον καὶ ξίφεσι ἐχρῶντο [они не хороши

были конным народом, и большинство их племен славилось пешим строем. Это превращение вандалов в народ конников могло совершиться только благодаря воздействию со стороны соседей и под влиянием природы страны, которую они занимали.

Когда в их соседство явились вместе с гуннами конные полчища алан, близких родичей сарматов, то конники признали друг друга и явилась возможность общих предприятий. Конники свевы связали свою судьбу с вандалами, к ним примкнули и полчища алан для совместного переселения за Рейн. Более чем вероятно, что в этом движении участвовали исконные союзники свевов сарматы, т. е. языги; они легко могли скрыться под имя алан, которых одних только называет в своих сообщениях об этих событиях наше предание. Участие свевов в этом движении делает весьма вероятным это предположение. Их посредство и участие в этом движении может явиться объяснением сближения алан с вандалами, т. е. того факта, для которого искал изъяснения Прокопий в своем утверждении, будто вандалы жили некогда на берегах Меотиды, откуда и двинулись прямо на берега Дуная, а затем и Рейна.

Что касается до хронологической даты этого события, то необходимо принять ту, которая дана у Зосима, т. е. 406 год¹. В хронике Марцеллина оно

как метатели дротиков или стрелки из лука, не умеют сражаться пешими, но все они всадники и сражаются, большей частью, копьями и мечами].

¹ *Zosim.* VI, 3. Ἐν τοῖς προλαβοῦσι χρόνοις, ἕκτον ἤδη τὴν ὑπατον ἐχούτος ἀρχὴν Ἀρκαδίου καὶ Πρόβου, Βανδίλοι Σηήβοις καὶ Ἀλανοῖς ἑαυτοὺς ἀναμίξαντες τούτου; ὑπερβάντες τοὺς τόπους [Ранее, уже в шестое консульство Аркадия и Проба, вандалы, соединившись со свебами и аланами и, пройдя эти

отодвинуто на два года далее¹, что находится в противоречии с событиями, стоящими в связи с этим нашествием и прежде всего — гибелью Стилихона. Официальная версия традиции, которую мы имеем у Орозия, возлагает вину за это нашествие на Стилихона, который будто бы желал при помощи этих варваров низвергнуть Гонория и, посадив на римский престол своего сына Евхерия, произвести затем реставрацию язычества. Коварный умысел Стилихона был раскрыт, и Гонорий казнил как его, так и его

места] (разумеется один из альпийских проходов: Κοττίαι, Ποινίαι, Μαρτίται Ἰαλπεῖς [альпийские Коттии, Пенины, Маритимы] — см.: VI, 2, 12), τοῖς ὑπὲρ Ἰαλπεῖς ἔθνεσι ἐλύθησαντο [разорили заальпийские племена]. — Зосим устанавливает причинную связь между этим нашествием и отложением от Гонория Британнии и Галлии, которое осуществил претендент на императорский венец, Константин. — Под тем же годом помянуто это событие в хронике Проспера: *Prosp. Tir. Epit. Chron.* P. 465, с указанием самого дня, а именно: II Kal. Jan [накануне январских календ (31 декабря. — С. П.)].

¹ *Marcel. Com.* a. 408. P. 69. Momms.: Stilico comes, cuius duae filiae Maria et Thermantia singulae uxores Honorii principis fuere, utraque tamen virgo defuncta, spreto Honorio regnumque eius inhians, Halanorum, Suevorum, Vandalorum gentes donis pecuniisque inlectas contra regnum Honorii excitavit, Eucherium filium suum paganum et adversus Christianos insidias mollentem cupiens Caesarem ordinare [Комит Стилихон, — две дочери которого, Мария и Терманция, поочередно были женами императора Гонория, причем обе умерли девственницами, — стремясь свергнуть Гонория и захватить власть, поднял против его правления племена аланов, свевов и вандалов, обольстив их дарами и деньгами. Он хотел назначить цезарем своего сына Евхерия, язычника, строившего козни против христиан]. = *Jord. Rom.*, 322. P. 41 Momms.

сына¹. Уже из самого тона сообщения Орозия очевидно, что мы не имеем здесь подлинной исторической правды, но в данной связи нам не приходится останавливаться на этом вопросе.

Непонятым является здесь также и то, почему аланы и притом в огромной массе, как видно из дальнейших событий, могли разорвать свою связь с гуннами и двинуться на самостоятельные предприятия в союзе с германцами. Быть может, причиной здесь были внутренние раздоры в державе гуннов, на которые тот же Орозий мимоходом указывает в случайной заметке о самоистреблении в среде варваров².

VI

Аланы в Галлии. Респендиал. Гоар.

Свидетельство Павлина из Пеллы о событиях 414 года.

Аланы в Галлии при Аэции. Житие св. Германа. Беоргор.

Аланы с вандалами в Африке. Аланы в нижней Мезии.

Иордан и его предки

Между аланами, которые присоединились к вандалам, произошло на территории Галлии разделение. Один из их царей, Гоар, вошел в соглашение с представителями римской власти; другой, Респендиал,

¹ *Oros.* VII, 38. Из сопоставления рассказа Орозия со свидетельством Марцеллина следует заключить, что у последнего даны отголоски слухов, ходивших о событии после гибели Стилихона.

² *Oros.* VII, 37, 3. *Taceo de ipsorum inter se barbarorum crebris dilacerationibus, cum se invicem Gothorum cunei duo, deinde Alani atque Huni variis caedibus populantur* [Я умалчиваю о частых раздорах между собой самих варваров, когда по очереди два клина готов, затем аланы и гунны грабили друг друга, производя разные убийства].

остался верен своим германским союзникам. Врагами вторгшихся вандалов оказались франки, которые нанесли им тяжкое поражение и истребили бы их в конец, если бы их не спасли подоспевшие к ним на помощь аланы с царем Респендиалом. Свидетельство об этом сохранил из недошедшего до нас историка Григорий Турский¹. Отметим, что имя Респендиал встречается в написании Ῥησπινδίαλος в одной надписи из Ольвии II века².

¹ *Greg. Turon. Hist. Franc. II, 9 (Mon. hist. Germ. P. 75). Renatus Profuturs Frigiretus, cui iam supra meminerimus, cum Romam refert a Gothis captam atque subversam ait: Interea Respendial rex Alamanorum (sic) Goare ad Romanos transgresso de Rheno agmen suorum convertit, Wandalis Francorum bello laborantibus Godigysclo rege absumpto, aciae viginti fere milibus peremptis, cunctis Wandalorum ad internitionem delendis, nisi Alamanorum vis in tempore subvenisset [Ренат Профутур Фригирет, о котором мы упоминали выше, рассказывая о падении и взятии Рима готами, сообщает: «Между тем царь аламанов (так) Респендиал, после того как Гоар перешел на сторону римлян, отвел свое войско от Рейна, так как в это время вандалы воевали с франками. Вандалы после гибели своего царя Годегискла потеряли в сражении почти двадцать тысяч человек, и были бы полностью уничтожены, если бы к ним вовремя не подоспели на помощь аламаны»].*

² *Латышев. Inscr. P. Eux. I. n. 68. — Относительно формы имени Респендиал: Müllenhoff. D. Altertumskunde, III. S. 113 делает такое замечание: «Der alanische Respendial erinnert auffallend an Firdosis İçfendiâr. Doch ist schwerlich eine solche Entstellung, wie dieser uralte sagenberühmte Name allmählich im Durchgang durch verschiedene Stufen der Sprache und Litteratur von zd. Çpentôdâta an erfuhr, für jenen anzunehmen: die Endung scheint ehe eine adjectivische Bildung wie im armenischen zu sein und der erste Theil mit dem rhoxolanischen Rasperaganus zu vergleichen*

Отделившийся от вандалов и своих соплеменников Гоар¹ остался в Галлии. В 412 году он находился со своей ордой в области среднего течения Рейна. Вместе с бургундским царем Гундихаром он провозгласил в Могунтиаке (= Майнце) императором Иовина², которого погубил, однако, вскоре его союз с Атаульфом, состоявшийся помимо его воли³. Дальнейшая судьба Гоара и его орды нам неизвестна. Быть может, впрочем, к нему относится один эпизод из смутной истории того бурного времени, который рассказан в автобиографии Павлина из Пеллы (Paulinus

[Аланский Респендиал разительно напоминает Исфендиара у Фирдоуси. Все же вряд ли приемлемо такое искажение, которое претерпело столь древнее и прославленное имя, проходя различные языковые и литературные стадии развития от предполагаемого *ῤrentôdâta*: окончание, по-видимому, форма прилагательного, как бывает в армянском языке, а первая часть сравнима с роксоланским Распараганом]».

¹ Имя Гоар носит также один гот, взятый в плен в Италии во время войн Юстиниана: *Procop. Bel. g. IV, 27. P. 603 B.*

² *Olympiodori excerpta. Cap. 17. P. 456. Dind. ὅτι Ἰοβίνος ἐν Μουνδιακῶ τῆς ἐτέρας Γερμανίας κατὰ σπουδὴν Γῶαρ τοῦ Ἀλανοῦ καὶ Γυντιαρίου... τύραννος ἀνηγορεύθη* [Иовин был провозглашен тираном в Мундиаке (так у Олимпиодора. — С. П.), что во Второй Германии, стараниями алана Гоара и Гинтиария].

³ *Ibid. πρὸς ὃν (sc. Jovinum) παραγενέσθαι Ἄτταλος Ἀδαούλφον παραινεῖ καὶ παραγίνεται ἅμα τοῦ πλήθους. Καὶ Ἰοβίνος ἀνιᾶται ἐπὶ τῇ Ἀδαούλφου παρουσίᾳ* [Аттал посоветовал Атаульфу явиться к нему (т. е. Иовину), и тот явился вместе с войском. Иовин тяготился присутствием Атаульфа]. О гибели Иовина см.: *Cap. 19. P. 457.* — Отметим здесь свидетельство об одном алане, верном друге Геронтия, погибшем с ним вместе в 411 году. — *Sozom. Hist. Eccles. IX, 13 (Migne. P. G. 67. P. 1623); Olymp. Cap. 6. P. 456.*

Pellaeus), носящей заглавие *Eucharisticos* [Благодарственная молитва].

Креатура Атаульфа, Аттал, во второе свое императорство уже на территории Галлии, назначил своим министром финансов Павлина. В бытность в Бурдигале (ныне Бордо) Павлин был свидетелем грабежа и пожара, которым готы подвергли этот город, доставшийся им по договору с Равеннским двором. Из Бурдигалы Павлин бежал в соседний город Вазатес (н. *Vazas*), но там его ожидало другое бедствие: восстание «рабов», которому помогали некоторые лица из знати (очевидно, движение багавдов). Одновременно с тем, городу угрожало нашествие готов. Павлин в такой беде прибег к помощи алан, с царем которых он находился в дружеских отношениях. Этот последний, принимавший участие в притеснении туземцев лишь подчиняясь власти готов, не отказал Павлину в помощи, но считал возможным это сделать не иначе, как если жители примут его орду в стены своего города. В обеспечении верности, он выдал горожанам свою жену и сына. Орда с женщинами и детьми заняла предместья города, вооруженные воины заняли стены, обоз приведен был в боевое положение для защиты на случай нападения. Приблизившиеся к городу готы не осмелились сражаться с своими недавними собратьями по оружию, которые стояли теперь против них как враги, и отступили. Вскоре затем оставили город и аланы¹. — Павлин

¹ *Paulini Pellaei Eucharisticos* (Corp. Scr. Eccl. Latin. Windob. Vol. XVI).

330. *exactos laribus patriis tectisque crematis
obsidio hostilis vicina excepit in urbe
Vasatis, patria maiorum et ipsa meorum,*

не сообщает, к сожалению, имени аланского царя, не говорит он и того, почему аланы были в ту пору (414 год) в тех местах и куда они направлялись, покинув город, который спасли от готов. Не будет од-

*et gravior multo circumfusa hostilitate
factio servilis paucorum mixta furori
insano iuvenum * * licet ingenuorum,
armata in caedem specialem nobilitatis...*

[нас, изгнанных из отеческих гнезд и сожженных домов, вражеская осада заключила в соседнем городе Вазате, родине предков и моих близких; еще большей опасностью, грозно подступавшей, было рабское восстание, смешавшееся с безумной яростью немногих свободнорожденных юношей и направленное на истребление знати...]

346. *ut me praesidio regis dudum mihi cari,
cuius nos populus longa obsidione premebat,
urbe ab obsessa sperarem abscedere posse...*

[я надеялся, что под защитой царя, издавна мне дружественного, народ которого теснил нас долгой осадой, смогу уйти из осажденного города...]

351. *quod scirem imperio gentis cogente Gothorum
invitum regem populis incumbere nostris.*

[я знал, что царь неохотно нападает на наши народы, повинуюсь воле готского племени]

377. *concurrit pariter cunctis ab sedibus omnis
turba Alanarum armatis sociata maritis.
prima uxor regis Romanis traditur obses,
adiuncto pariter regis caro quoque nato,
reddor ipse meis pacte inter foedera pacis,
communi tamquam Gothico salvatus ab hoste,
vallanturque urbis pomeria milite Alano,
acceptaque dataque fide certare parato*

385. *pro nobis, nuper quos ipse obsederat hostis.
mira urbis facies, cuius magna undique muros
turba indiscreti sexus circumdat inermis
subiecta exterius; muris haerentia nostris*

нако слишком смело предположить, что это была орда Гоара. Вследствие союза Иовина с Атаульфом Гоар должен был попасть в зависимость от последнего, когда Иовина не было уже в живых, и Атаульф

*agmina barbarica plaustris vallantur et armis.
qua se truncatam parte agminis haud mediocris
circumiecta videns populantum turba Gothorum,
ilico diffidens tuto se posse morari
hoste intestino subito in sua viscera verso,
nil temptare ausa ulterius properanter abire*

395. *sponte sua legit. cuius non sero secuti
exemplum et nostri, quos diximus, auxiliares
discessere, fidem pacis servare parati
Romanis, quoquo ipsos sors oblata tulisset.*

[Сбегается со всех сторон вся толпа аланок вместе с вооруженными мужьями. Первая жена царя выдается заложницей римлянам, за ней последовал любимый сын царя, а я сам возвращаюсь к своим по условиям мирного договора, как будто я был спасен от нашего общего врага — готов; границы города укрепляют валами аланские воины, готовые за полученные и данные клятвы верности сражаться за нас, которых недавно сами же осаждали, будучи врагами. Удивителен вид города, чьи стены окружает со всех сторон большая безоружная толпа людей обоего пола попеременно, находящаяся снаружи; прижавшиеся к нашим стенам варварские орды ограждаются повозками и оружием. Видя себя лишенной немалой части своего воинства, расположенная вокруг орда грабителей-готов, тотчас же, усомнившись, что промедление позволит им оставаться в безопасности, когда находившийся внутри враг обратился внезапно против самого сердца, не решилась ничего более предпринимать, но немедленно предпочла уйти по своей воле. Последовав их примеру, спустя немного времени удалились и наши союзники, о которых мы сказали, готовые хранить мирное соглашение с римлянами, куда бы не занесла их судьба.]

свободно властвовал в южной Галлии. Позднее мы встречаем алан в Галлии; но была ли это та самая орда или это были новые пришельцы, решить трудно. Всевластный распорядитель судеб империи, Аэций призывал к себе на помощь гуннов и алан в своих войнах с бургундами, вестготами и вождем багавдов Тибаттоном. Эти войны относятся ко времени с 435 по 439 год¹. Конное ополчение гуннов и алан привел на помощь Аэцию комит Литорий и отогнал вестготов от Нарбонны, которую они осаждали. Аполлинарий Сидоний в одном из своих творений сохранил живое, современное событиям, описание тех бедствий, какие причинили варвары населению областей, через которые лежал их путь². По заключению мира с вестготами в 439 году, Аэций предоставил аланам с их вождем Самбидой места для поселения в Нарбоннской Галлии³, а в 441 и 442 годах

¹ *Chron. Gall.* P. 660 Momms.; *Prosper. Tir. Ep. Chron.* P. 475–477 Momms.; *Hydat. Cont. chr. Hier.* 108, 110, 116.

² *Apoll. Sid. Carm.* VII, 246 и сл. (*Mon. Germ. hist. A. an.* VIII, Lütjohann)

*Litorius Scythicos equites tum forte subacto
celsus Aremorios Geticum rapiebat in agmen
per terras, Arverne, tuas, qui proxima quaeque
discursu, flaminis, ferro, feritate, rapinis
delebant, pacis fallentes nomen inane*

[Литорий, возгордившийся подавлением аремориков, तो-ропил скифских всадников против готского воинства через твои, арверн, земли, и все близлежащие территории они опустошили набегом, огнем, железом, свирепостью, грабежами, делая понятие мира пустым словом].

³ *Chron. Gall.* s. a. 440. P. 660 Momms. *Deserta Valentiae urbis rura Alanis quibus Sambida praeerat partienda traduntur* [Пустынные поля города Валенции передаются для раздела аланам, которыми предводительствовал Самбида].

земли во «внутренней» Галлии. Водворение их имело вид завоевания и сопровождалось всякого рода насилиями¹. В хронике, в которой сохранилось это сведение, территория указана лишь общим обозначением — *Gallia ulterior* [Галлия дальняя] (очевидно, с точки зрения хрониста). Но у нас есть другой источник, существенно пополняющий сообщение хроники. Разумеем житие св. Германа. В числе подвигов этого поборника чистоты христианского учения против пелагианства и заступника за христиан, рассказано между прочим о том, как он своим вмешательством прекратил неистовства алан в Арморике. По сообщению жития, область *tractus Armoricanus*, т. е. территория между нижним течением Луары и Сеной, была предоставлена Аэцием на разграбление аланам с их царем Эохаром во главе, за измену ее населения римскому императору. Когда «свирепый» Эохар вступил со своей ордой в ее пределы, жители Арморики обратились с просьбой о заступничестве к епископу Герману и тот немедленно поспешил на место событий. Смелым личным настоянием пред Эохаром Герман добился того, что тот согласился приостановить экзекуцию и дать возможность епископу отправиться ко двору в Равенну, чтобы выхлопотать отмену приговора над Арморикой. В житии сообщается далее, что епископ встретил

¹ *Chron. Gall.* s. a. 441–442. Alani quibus terrae Galliae ulterioris cum incolis dividendae a patricio Aetio traditae fuerant, resistentes armis subiugunt et expulsis dominis terrae possessionem vi adipiscuntur [Аланы, которым патриций Аэций передал земли дальней Галлии с жителями для поселения, покорили сопротивлявшихся силой оружия и, изгнав из домов, утвердили собственность на землю с помощью насилия].

самый любезный прием в Равенне и вымолил прощение армориканцам. Но епископ Герман умер в Равенне, а население Арморики, отличавшееся непостоянством и вероломством, не избегло своей участи¹. —

¹ *Acta Sanctorum*. Juli. VII, 216–217. Vita S. Germani, l. II, c. 1 § 62. Vix domum de transmarina expeditione remeaverat, et iam legatio Armorici tractus fatigationem beati Antistitia ambiebat. Offensus enim superbae insolentia regionis vir magnificus Aetius, qui tum rempublicam gubernabat, Eochari ferocissimo Alanorum regi, loca illa inclinanda pro rebellionis praesumptione permiserat; quae ille aviditate barbaricae cupiditatis inhiaverat. Itaque genti bellicosissimae, regique idolorum ministro objicitur senex unus; sed tamen omnibus Christi praesidio maior et fortior. Nec mora festinus egreditur, quia imminebat bellicus apparatus. Jam progressa gens fuerat, totumque iter eques ferratus impleverat, et tamen Sacerdos noster obvius ferebatur, donec ad ipsum regem, qui subsequebatur, accederet. Occurrit in itinere iam progresso, et armato duci inter suorum catervas opponitur: medioque interprete, primum pacem supplicem fundit; deinde increpat differentem; ad extremum manu iniecta, fraeni habenas invadit, atque in eo loco univsum sistit exercitum. Ad haec rex ferocissimus admirationem pro irandia, Deo imperante, concepit: stupet constantiam; veneratur reverentiam, auctoritatis pertinacia permovetur [Едва он вернулся домой из заморской поездки, как уже посольство Армориканской округи взывало к блаженному, уставшему (после путешествия) епископу. Ведь недовольный высокомерной заносчивостью края, прославленный муж Аэций, который тогда управлял государством, предоставил разорить эти места ради предупреждения восстания Эохару, свирепейшему царю аланов; тот загорелся страстью и свойственной варварам алчностью. И вот воинственнейшему племени и царю-идолопоклоннику противостоит один-единственный старец; но под защитой Христа он был сильнее и могущественнее их всех. Без промедления, в спешке, отправляется он, поскольку военные

Таким образом, свидетельство хроники и сообщение жития св. Германа позволяют заключить, что аланы прочно утвердились к северу от Луары.

приготовления заканчивались. Уже войско выступило и железная конница заполнила все пути, но наш епископ все шел вперед, пока не добрался до следовавшего сзади царя. Он встречает того уже на марше и становится напротив облаченного в доспехи вождя, окруженного своей дружиной; пользуясь переводчиком, обеспечивает вначале к себе благосклонность и внимание; затем порицает за раздор; наконец, протянув руку, завладевает поводьями и в этот момент останавливает все войско. Видя это, свирепейший царь, Божьим помыслом, сменил ярость на восхищение: он поражается стойкости, почитает величие, тронут твердостью духа]. — Ad stationis quietem rex exercitusque se recidit: pacis securitatem fidelissimam pollicetur, ex conditione, ut venia, quam ipse prostituerat, ab imperatore, vel ab Aetio peteretur. Interea per intercessionem et meritum Sacerdotis rex compressus est, exercitus revocatus, provinciae a vastationibus absolutae [Царь с войском возвращается к месту прежней стоянки: он дает гарантию вернейшей безопасности, мира и покоя при том условии, что епископ лично получит и доставит прощение либо от императора, либо от Аэция. Тем временем, благодаря посредничеству и старанию епископа, царь был умиротворен, войско отозвано, провинции избавлены от разорения]. — P. 219. Causam sane Armoricanæ regionis... obtenta venia et securitate perpetua ad proprium obtinisset arbitrium, nisi titubationis perfidia mobilem et indisciplinatum populum ad rebellionem pristinam revocasset. Quo facta et intercessio Sacerdotis evanuit et imperialis crudelitas circumscriptione frustrata est [Дело Армориканской области он, конечно,... выиграл бы, получив прощение и гарантию безопасности, благодаря личному посредничеству, если бы вероломство и неустойчивость не подтолкнули вновь к восстанию переменчивый и неустойчивый народ. Когда это произошло, и посредничество епископа потеряло силу, и император-

В знаменательный год Каталаунской битвы мы застаем алан на среднем течении Луары. Аланский царь Сангибан имел в своем владении старый римский город Аврелиану, ныне город Орлеан. Поход Аттилы был направлен в сторону его владений, и Сангибан помышлял сдать город Аттиле и стать на его сторону. Аэций и вестготы поспешили предупредить измену Сангибана римскому делу и принудили его участвовать в битве с гуннами на римской стороне¹.

ская суровость сделалась тщетной из-за обмана]. — Ср. изложение о том же событии в стихотворной переделке жития св. Германа, *ibid.* § 121 и 126, где царь Эохар назван — *belua crudelior omni* [жестокосерднее любого зверя], а также характеризуется в следующих стихах:

*Rex ferus, horrendae rabies incognita gentis
Et lingua et mores, torvaeque protervia frontis*

[Царь суров, ужасны неведомая ярость племени, и язык, и нравы, и наглость мрачного лица].

Что касается до «измены» населения Арморики, то разъяснение можно видеть в свидетельстве, сохранившемся в *Chron. Gall.* P. 660. Momms., год 435. — *Gallia ulterior Tibattonem principem rebellionis secuta a Romana societata discessit, a quo tracto initio omnia paene Galliarum servitia in Bascaudam conspiravere* [Дальняя Галлия, последовав за зачинщиком восстания Тибаттоном, отделилась от римского сообщества; по примеру этой области почти все рабы Галлии объединились в движение багаудов]. Ср.: *Sid. Apol. Carin.* VII, 246.

¹ *Jord. Get.* 37, 144; 40, 210. — Иордан рассказывает также о вторичном походе Аттилы в Галлию на следующий год, причем целью его похода было будто бы желание подчинить себе алан. Но Торисмунд вестготский и на этот раз предупредил Аттилу и нанес ему поражение. — Этот второй поход Аттилы есть измышление источника Иордана для вящего прославления славы готского имени.

Живя в пределах римской провинции, аланы не поддавались влиянию римской культуры и не сливались с местным населением. Пресвитер массивийский Сальвиан, писавший между 439–451 годами, в своих характеристиках различных варварских племен и противопоставлении того или другого достоинства последних современным христианам, не находит у алан ни одной похвальной черты, а лишь отмечает их грабительскую жадность и бесстыдные нравы¹. У хронистов сохранились свидетельства о двух походах, которые они предпринимали в Италию с нового места своего жительства. Первый относится к 461 году. Выступивший против них имп. Майориан пал в битве с ними при Дертоне². Три года спустя, аланы опять явились в Италию под предводительством своего царя Беорга или Беоргора. Но на этот раз их предприятие не было удачно: близ Пергама (Бергамо) их разбил Рицимер, и в этой битве пал их

¹ *Salvian. De gubern. Dei*, IV, 68. Aut tam damnosa rapacitas Alani quam christiani [Или так же пагубна алчность алана, как алчность христианина]? VI, 64. Alapogum (gens) impudica, sed minus perfida (quam Gothorum) [Аланов (племя) бесстыдно, но менее вероломно (чем готов)].

² *Marc. Com. P.* 88 Momms. Maiorianus Caesar apud Dertonam iuxta fluvium, qui Hira dicitur, interemptus (Dagalaifi et Severini) [Цезарь Майориан был убит у Дертоне, близ реки, называемой Гира (Дагалаифом и Северином)]. — *Jord. Get.* 45, 236. Sed et ipse (Maiurianus) non diu regnans contra Alanos, qui Gallias infestabant, movisset procinctum, Dertona iuxta fluvium Нура cognomento occiditur [Но и он (Майориан) недолго правил, поскольку, когда пошел походом против аланов, нападавших на Галлию, был убит в Дертоне, около реки по названию Гира].

царь¹. По возвращению алан с похода в Италию, их постигло новое бедствие. Король франков Хильдерик, соединившись с предводителем саксонских пиратов Одовакром, разбил их и подчинил себе². С тех

¹ *Cassiod. Chron.* P. 158 Momms. Rusticus et Olybrius (=464 г.). His coss. rex Halanorum Beorgor apud Pergamum a patricio Ricimere peremptus est [Рустик и Олибрий (=464 г.). В их консульство царь аланов Беоргор был убит под Пергамом патрицием Рицимером]. — *Paul.* H. R. XV, 1. Biorgor rex Alanorum cum exercitu adveniēns occurrente Ricimere superatus non longe a Pergamo civitate Venetiae atque extinctus est [Биоргор, царь аланов, выступив с войском, подвергся нападению Рицимера и был побежден и убит недалеко от города Пергама области Венетии]. — *Jord. Get.* 45, 236. Qui (Ricimer) et multitudine Alanorum et regem eorum Beorgum in primo statim certamine internicioni prostravit [Он (Рицимер) в первой же битве нанес поражение множеству аланов и их царю Беоргу, перебив их и уничтожив]. — У Иордана событие это неверно приурочено к первому году правления Анфимия, т. е. 467.

² *Greg. Turon. Hist. Franc.* II, 19. Odovacrius cum Childerico foedus iniiit Alamannusque, qui partem Italiae pervaserunt, subiugarunt [Одовакр вступил в союз с Хильдериком, и они покорили аламаннов, захвативших часть Италии]. — Нельзя сомневаться, что именем аламаннов здесь названы аланы, как и в другом месте Григория Турского, II, 9 (см. выше). — *Ешевский*, в своей прекрасной монографии «Аполлинарий Сидоний», с. 142 изд. 1870 г., — высказывает утверждение, что аланы были «совершенно истреблены» вскоре после Каталаунской битвы. — Странно, что *Юнгганс* в специальной работе о правлении Хильдерика и Хлодвига, которая удостоилась перевода на французский язык — *Junghans. Hist. critique des regnes de Childerich et de Chlodovech.* Paris, 1879 (Bibl. de l'Ec. des hautes Etudes. XXXVII). P. 15. — не усомнился насчет

пор нет больше упоминаний об аланах в Галлии, и заканчивается их история.

Нам остается теперь указать на судьбу тех аланских орд, которые остались верны союзу с вандалами и разделили их судьбу.

В 409 году союзники перешли в Испанию¹, а в 411 разделили между собою эту страну; аланам досталась средняя часть: Лузитания и Картагена². Но враждовавшие с вандалами вестготы двинулись следом за

«алеманнов» Григория Турского, и переводчики (Monod, Coutouly, Roy) также не остановились на этом свидетельстве с большим вниманием.

¹ *Hydatii Lemn. Cont. Chron. Hier. P. 17 Momms.* — Alani et Vandali et Suevi Hispanias iugressi aera CCCCXLVII. alii III kal. alii III idus Octobris memorant die, tertia feria, Honorio VIII et Theodosio Arcadii filio III consulibus [Аланы, вандалы и свевы вступили в Испанию в 447 году (испанской) эры. Одни называют 4-й день до календ, другие — 3-й день до ид октября (т. е. 28 сентября и 13 октября, соответственно. — С. П.), в восьмое консульство Гонория и третье Феодосия, сына Аркадия]; *Sozom. Hist. eccl. IX, 12. P. 1619–22 Migne; Prosper. Tiron. Epit. Chron. P. 765 Momms.* — Wandali Hispanias occupaverunt (Honorio VIII et Theodosio III) [Вандалы заняли Испанию (в восьмое консульство Гонория и третье Феодосия)].

² *Hydatii Contin. Chron. Hieron. XVII. P. 18 Momms.,* год 411. — Gallaeciam Vandali occupant et Suevi sita in extremitate Oceani maris occidua. Alani Lusitaniam et Carthaginiensem provinciam et Vandali cognomine Silingi Baeticam sortiuntur [Вандалы заняли Галлецию, а свевы западное побережье на краю океана. Аланы получили в удел Лузитанию и Карфагенскую провинцию, а вандалы по прозвищу силинги Бетику]. Ср.: *Isidor. Hist. de regno Goth. Vand. Suev., cap. 73.*

ними на юг в 416 году¹; два года спустя они нанесли аланам тяжкое поражение близ Тартесса. В этой битве пал аланский царь Аддак². Аланы были настоль-

¹ *Hydat. Cont. ch. Hier. Vallia... Alanis et Vandalis Silingis in Lusitania et Baetica sedentibus adversatur* [Валлия ... враждовал с аланами и вандалами-силингами, осевшими в Лузитании и Бетике].

² *Apoll. Sidon. Carm. II. V. 363-365* (Mon. hist. Germ., Auct. ant. VIII).

Quod Tartesiadis avus huius

(sc. Ricimeris) *Vallia terris*

Vandalicas turmas et iuncti Martis Halanos

Stravit et occiduam texere cadavera Calpen

[Что его (т. е. Рицимера) дед Валлия перебил на Тартесской земле вандалские эскадры и с ними их военных союзников аланов, и сложил трупы на западной Кальпе].

Hydat. Op. cit. P. 19 Momms. *Alani, qui Vandalis et Suevis potentabantur, adeo caesi sunt a Gothis, ut extincto Addaco rege ipsorum paucique superfuerant abolito regni nomine Gunderici regis Vandalorum, qui in Gallaecia resederet, se patrocinio subiugarent* [Аланы, которые помогали вандалам и свевам, до такой степени были порублены готами, что после гибели своего царя Аддака, те немногие, что уцелели, ввиду того, что царская власть у них была уничтожена, отдались под покровительство царя вандалов по имени Гундерик, который осел в Галлеции].

Isidor. Op. cit. Cap. 22. Alanos, qui Vandalis et Suevis potentabantur, adeo cecedit ut extincto Atace rege ipsorum pauci, qui superfuerant, oblito regni nomine Gunderici regis Vandalorum, qui in Gallaecia resederat, se regimini subiugarunt [Аланов, которые помогали вандалам и свевам, до такой степени изрубил, что после гибели своего царя Атака, те немногие, что уцелели, поскольку царская власть у них была опорочена, отдались под власть царя вандалов по имени Гундерик, который осел в Галлеции].

ко ослаблены этим поражением, что принуждены были теснее соединиться с вандалами и, разделяя с ними дальнейшую их судьбу, не имели более своих национальных царей. Гунерих, Гейзерих и Гелимер носили титул царей вандалов и алан¹. В 427 году² аланы последовали за вандалами в Африку, где и было основано вандалское царство, просуществовавшее до времен Юстиниана Великого, которому удалось его сокрушить.

В заключение предложенного обзора свидетельств об аланах в эпоху господства гуннов мы должны отметить события, стоящие в связи с разложением державы Аттилы после его смерти. — Иордан в своей истории готов картинно, хотя и нескладно, рассказал о происшедшей по смерти Аттилы войне народов, ополчившихся против гуннов за свою свободу. Инициатива принадлежала гепидам; готы (т. е. остготы), руги, свевы, аланы, герулы — были участниками этой международной брани³. Гуннская держава,

¹ *Victor Vitensis. Hist. persec. Vandal. II, 39 и III, 3: Rex Hunirix Wandalorum et Alanorum* [Царь вандалов и аланов Гунирикс]; *Procop. Bel. Vand. I, 24. P. 404 B.* — Цацо (Τζάτζων), брат Гелимера, в донесении о победе над Годюю: Βανδίλων τε καὶ Ἀλανῶν βασιλεῦ [царь вандалов и аланов].

² *Cassiod. Chron. P. 156 Momms. Gens Vandalorum a Gothis exclusa de Hispaniis in Africam transit* [Племя вандалов, изгнанное готами из Испаний, переправилось в Африку].

³ *Jord. Get. 50, 261. Nam ibi admirandum reor fuisse spectaculum, ubi cernere erat contis pugnantes Gothum, ense furentem Gepida, in vulnere suo Rugum telafrangentem, Suevum pede, Hunnum sagitta praesumere, Alanum cum gravi, Herulum levi armatura aciem strui* [Думаю, там было зрелище, достойное удивления, где можно было видеть и гота, сражающегося пикой, и гепида, яростно

которой давал единство гений Аттилы, разложилась, и высвободившиеся из под общей власти народы обособились каждый на своей территории. Гунны, раздробившись между отдельными вождями, расселились в разных местах. Главная их масса отхлынула на восток в Припонтийские степи. Сын Аттилы Эр-нак занял «крайние пределы Малой Скифии»¹, т. е. вероятно местности на северо-восток от устья Дуная

действующего мечом, руга, ломающего дротики в его ране; свева, выделяющегося дубиной, а гунна — стрелами; алана, строящего боевой порядок в тяжелом вооружении, а герула — в легком]. — *Paul. Hist. Rom. XV, 11. Walamir Ostrogothorum rex... ab Hunnorum se suoque dominio avitae libertatis memor excussit. Item quoque et Gepidarum rex Ardaricus ceteraeque Hunnis subiectae faciunt nationes* [Валамир, царь остроготовов ... освободил себя и свой народ от господства гуннов, памятуя о древней свободе. То же сделали царь гепидов Ардарик и другие покоренные гуннами народы]. — Об инициативе в этом движении гепидов с царем их Ардарихом см. свидетельство Иордана, *ibid.* § 260.

¹ *Jord. Get. 50, 263. Reliqui vero germani eius (Ellac, любимый сын Аттилы) eo occiso fugantur iuxta litus Pontici maris, ubi prius Gothos sedisse descripsimus* [Остальных его братьев, когда он (Эллак, любимый сын Аттилы) был убит, погнали вплоть до берега Понтийского моря, где, как мы уже описывали, сидели раньше готы]. Ср.: 52, 269. *Quos (Hunnos) tamen ille (Valamer) quamvis cum paucis excepit diuque fatigatis ita prostravit, ut vix pars aliqua hostium remaneret, quae in fuga versa eas partes Scythiae peteret, quas Danabri amnis fluenta praetermeant, quam lingua sua Hunni Var appellant* [Но он (Валамер), хотя и встретил их (гуннов) с малыми силами, долго изнурял их и разбил настолько, что от врагов едва осталась небольшая часть; обращенные в бегство, они направились в те области Скифии, по которым протекают воды реки Данабра; на своем языке гунны называют его Вар].

до Днестра¹. Часть гуннов с вождями, имена которых переданы у Иордана в форме *Emnetzur* [Эмнетзур] и *Ultzindur* [Ултзиндур], перешли на римскую территорию в пределы провинции «Прибрежная Дакия» (*Dacia ripensis*) и поселились на реках *Utus* (Вид), *Hiscus*, т. е. *Oescus* (Искер) и *Almus* (Лом). Иордан прибавляет при этом, что в пределы империи «прорвалось» еще много гуннов в разных местах; к ним он возводит существовавшие в его время отряды византийской армии, носившие имя-название *Sacromontisii Fossatisii* [сакромонтисии фоссатисии]². Отдельно поминает Иордан поселение их близ горо-

¹ Орда Эрнака оставалась нейтральной во время столкновения с империей орды его брата Денгициха (*Prisc. fr.* 36), отстаивала себя в столкновениях с остготами в конце V и начале VI века и образовала впоследствии главное ядро болгар. В известном Именнике болгарских князей до 765 года князю Ирнику отведено 150 лет, от 463 до 613 года. Хотя *Куник*, разбиравший этот список — Известия Ал-Бекри. С. 126–147, отстраняет мысль о сближении Ирника с Эрнаком, сыном Аттилы, но такое сближение мы бы считали вполне естественным, и нам приятно было встретить развитие этого положения в новой работе ориенталиста *Marquardt*'а. *Die Chronologie der alttürkischen Inschriften*. Leipzig, 1898. S. 72 и след. Марквард объяснил самым простым и вероятным образом цифры правления двух первых князей Авитолоха 300 лет и Ирника — 150 (а не 108, как считает Куник), а именно: время правления двух династий.

² *Jord. Get.* 50, 266. Моммзен в примечании к этому месту выражается так: *intelliguntur Utus, Oescus, Almus, tres affuentes Danuvii vel potius eiusdem nominis oppida ad ostia illa tria sita, quamquam Uti castelli praeterea mentio non reperitur* [в Уте, Эске, Алме можно распознать три притока Дуная, или, что вероятнее, укрепленные городки в его устье, расположенные в этих трех местах, хотя в дальней-

да *Castra Martis* (*Castramartena urbs*, как он выражается), вместе с сарматами и цемандрами¹. Одновременно с этими событиями перешла в пределы империи и аланская орда (*certi Alani* [некоторые аланы]). Она явилась в ближайшем союзе с родственными им племенами — скирами и садагариями и поселилась «в нижней Мезии и Малой Скифии»². Иордан

шем мы не встречаем упоминаний об укреплении Ут]. — Так как гунны были кочевники, то им нужны были прежде всего пастбища, а не города. Охрана пограничных укреплений могла быть возложена на них, как обязательство за пользование земель, т. е. они могли быть подведены под понятие *milites limitanei* [пограничные воины], существовавшее уже в половине III века. Замечание Моммзена относительно *Uti castellum* [крепостцы Ут] неверно. См.: *Procop. De aedif.* IV, 6. P. 291 В. ἐπέκεινά τε φρούριον ὠκοδομήσατο παλαιὸν Ἐριμα, ὅπερ οὕτως ὠνόμασται [Затем он перестроил старое укрепление Эрима, которое теперь называется Утос].

¹ *Jord. Get.* 50, 265. *Savromatae vero, quos Sarmatas dicimus, et Cemandri, et quidam ex Hunnis parte Illyrici ad Castramartenam urbem sedes sibi datas coluerunt* [Савроматы же, которых мы называем сарматами, и цемандры, и некоторые из гуннов поселились в части Иллирика, на данных им землях у города Кастрамартена]. — Память об их пребывании в тех местах сохранялась в имени одного укрепления. *Procop. De aed.* IV, 6. P. 291. παρὰ δὲ τοῦ ποταμοῦ τῆν ὄχθην φρούριον παλαιὸν, Οὐννων ὄνομα [на берегу реки старое укрепление, называемое «гуннским»].

² *Ibid.* 50, 265. *Scyri vero et Sadagarii et certi (var. ceteri) Alanorum cum duce suo nomine Candac Scythiam minorem inferioremque Moesiam occuparunt* [Скиры, садагарии и некоторые (вар. «прочие») аланы со своим вождем по имени Кандак заняли Малую Скифию и Нижнюю Мезию]. — Под этими *Scyri* [скирами] нельзя разуместь германских

оставляет нас в неизвестности о том, в какой собственно части этой обширной территории поселились аланы, но сообщает, что они жили на своей новой

скиров (*Sciri* у Иордана), северных соседей остготов, которые и пострадали жестоко от этого соседства, § 275–276, а позднее составили вместе с герулами главную силу Одоакра, *Procop.* В. g. I, 1; *Iord.* § 242; *Paul.* Н. R. XV, 8. Уже *Zeuss* (*Die Deutschen*, 1837. S. 703) указывал на скиров в надписи Протогена, В 6 (*Латышев.* J. P. E. I, № 16. P. 38). В том же памятнике встречается имя народа — Σαυδαράται [савдараты], В 10, которое, быть может, тождественно с Σαργῆτιοι [саргати] Птолема (III, 5, 10), *Sargetae* [саргеты] Аммиана Марцеллина (22, 8, 28). Но *Müllenhoff.* D. A.-K. II, 111 — не затруднился отождествить скиров Протогена декрета с германским племенем *Sciri*, которое в пору Плиния (Н. N. IV, 97) сидело в области нижней Вислы (*Die Skiren, ein aus grösserer Ferne nachrückender Volks- und Heerheufe, der sich mit den früher gegen den Pontus und die Donau vorgedrungenen vereinigte* [Скиры, народ-войско, пришедший издалека, который объединился с ранее прибывшими на берега Понта и Дуная]). Также поступил и г. *Латышев.* Исследования об ист. Ольвии. С. 92. Желая согласить свидетельство Плиния о местожительстве скиров на Висле с их появлением на Днестре в III в. до Р. X., г. Латышев допустил следующее предположение: «весьма возможно, что скиры, в III в. до Р. X. жившие, положим, у Днестра и поддерживаемые своими сильными соплеменниками, после разгрома последних были оттеснены далее на север, к Висле, а спустя несколько веков снова спустились на юг, к Дунаю, где мы и встречаем их в V и VI в. по Р. X.» Нам представляется подобное предположение совершенно невозможным, и Мюлленгофф поступил гораздо осторожнее, когда в этих скирах признавал часть племени, сидевшего на нижней Висле, которая, по его мысли, на юге и закончила свое историческое существование.

территории под властью национального царя по имени Кандак (Candac). От этих алан происходил историк Иордан. Он не сообщил нам ничего о дальнейшей судьбе своих соплеменников, но те сведения, которые он дает о себе лично, могут служить некоторым указанием в этом отношении.

Дед Иордана, Пария, был секретарем (*notarius*) царя Кандака до самой смерти последнего. Сам Иордан состоял в свои молодые годы в той же должности при племяннике царя Кандака, Гунтрике, который был на византийской службе и имел звание *magister militum* [военачальника]¹. Из близкого знакомства Иордана с территорией Нижней Мезии, Прибрежной Дакии и северной Фракии, а также и с историей этих мест, можно заключить, что Гунтрик, при котором он служил, исполнял обязанности римского военачальника во Фракийской диоцезе, т. е. был *magister*

¹ *Jord. Get.* 50, 266. Cuius Candacis Alanoviiamuthis patris mei genitor Paria, id est mens avus, notarius, quousque Candac ipse viveret, fuit, eiusque germanae filio Gunthricis, qui et *Baza* dicebatur, mag. mil ... filio Andele de prosapia Amalorum descendente, ego item quamvis agramatus Jordanis ante conversionem meam notarius fuit [Нотарием этого Кандака до самой его смерти был Пария, родитель моего отца Алановийямута, то есть мой дед, а у сына сестры Кандака, Гунтрика, которого еще называли *База*, магистра армии, ... сына Анделы из рода Амалов, нотарием до своего обращения был я, Иордан, хотя и не обученный грамматике]. — Итак, дед Иордана назывался *Paria* [Пария], отец *Alanoviiamuth* [Алановийямут]; у Кандака был племянник — *Guntric* [Гунтрик], он же и *Baza* [База]. Этот последний был сыном Андага, который в Каталаунской битве нанес смертельный удар Теодорику вестготскому (*Get.* 40, 209), внук Анделы, происходившего из рода Амалов.

militum per Thracias¹. В конце своей жизни Иордан был монахом и жил в Константинополе, где он и занимался своими литературными трудами. Он не помнит о том, когда он принял христианство, а потому является вероятностью, что христианами были уже его родители. В высшей степени интересно и важно то обстоятельство, что для своих литературных произведений он избрал латинский язык. На этом языке говорило туземное население подунайских провинций, и Иордан мог усвоить этот язык с детства на своей родине². Знакомство Иордана с культурным

¹ Моммзен, в предисловии к изд. Иордана (1882). Р. X—XIII.

² Многочисленные свидетельства даны у Феофилакта Симокатты. В дополнение к ним укажем на два свидетельства из времени имп. Юстиниана. Первый рассказывает, что ант, выдававший себя за стратига Халдувия, говорил по латыни — *Bel. got.* III, 14. Р. 337 В; *Иоанн Лидиец. De mag.* III, 25. Р. 226 В. — В одном из своих отступлений от темы, где он, ссылаясь на неизвестного нам историка Саманика, говорит о течении Рейна и Дуная, утверждает, что имя *Δανούβιος* [Данубий] есть слово «фракийское», и приводит такое объяснение: *διότι περὶ τὰ πρὸς ἄρκτον ὄρη καὶ ὄρασκίαν ἀνεμὸν συννεφῆς ὁ ἀήρ ἐκ τῆς ὑποκειμένης τῶν ὑγρῶν ἀμετρίας σχεδὸν διὰ παντὸς ἀποτελούμενος αἴτιος αὐτοῖς συνεχῶς ἐπομβρίας [ἀποτελεῖσθαι] νομίζεται. Δανούβιον δὲ τὸν νεφελοφόρον ἐκεῖνοι καλοῦσι πατρίως* [Поскольку вблизи гор, расположенных к северу и где дует фракийский ветер, воздух полон облаков от содержащегося огромного количества влаги, то считается, что это и есть причина частых дождей. Данубий они именуют на своем родном языке «несущий облака»]. — Очевидно, он производит имя *Danubius* от слов *dare-nubes* [посылать-облака], т. е. утверждает латинский язык «фракийского», как он выражается, т. е. туземного, подунайского, населения.

языком, а еще более того — его выступление на литературном поприще, хотя он и справедливо называет себя *agramatus* [неграмотным], служба его принципала в высоких военных чинах на территории подунайской области, — все это вместе делает вероятным предположение, что его соплеменники подверглись культурному влиянию государства, в пределах которого они поселились вскоре после 453 года, а так как мы в последующее время ничего не слышим об аланах в Нижней Мезии или Малой Скифии, то отсюда можно заключить, что они слились с остатками туземного романизованного населения и потеряли свою национальность.

VII

Прикавказские аланы в VII веке.

Отношения их к империи. Нашествие турок.

Эпизод из жизни имп. Льва. Крещение алан.

Свидетельства Константина Порфирородного.

Семейные связи византийских императоров с аланскими царевнами в XI и XII вв.

Аланы, увлеченные гуннами на дальний запад, исчезли в водовороте событий V и VI веков. Разобщенные со своей родиной, смешавшиеся с германцами или с романским населением провинций империи, в среде которого они оказались, они скоро, по-видимому, утратили свою национальность и были забыты историей. От VII и дальнейших веков нет никаких упоминаний об аланах ни в Испании, ни в Галлии, ни в подунайских областях. Но та часть племени, которая осталась на родине, сохранила свою политическую и национальную самостоятельность и имела свою, хотя и очень для нас скудную,

историю в течение дальнейших веков. Первые упоминания об аланах на их прикавказской родине после Аммиана Марцеллина, т. е. конца IV века, принадлежат современнику имп. Юстиниана Великого, Прокопию. Из времени предшествовавшего есть лишь сообщение Приска об одном событии, в котором не могли не иметь участия аланы, хотя они и не названы в его свидетельстве. Разумеем нашествие «сарагуров и акатиров» на Иверию и Армению в 466 году. Северные варвары желали проникнуть в Персию и сделали попытку пройти на юг через Дербентский проход; но так как персы охраняли этот проход сильным гарнизоном, то сарагуры и акатиры направились через другой проход, который вел в Иверию, — т. е. очевидно, Дарьяльское ущелье, — и подвергли южные страны страшному опустошению¹. Из этого сообщения ясно, что аланы пропустили варваров через свою землю, а быть может, и оказали им содействие в их предприятии.

Прокопий в описании войн Юстиниана имел нередко случай помянуть об аланах. Их территорию он указывает в таких словах: «Аланы занимают страну, которая простирается от Кавказского хребта до Каспийских ворот». Под «Каспийскими воротами» Прокопий разумеет Дарьяльское ущелье, т. е. держится старой номенклатуры, которая сохранялась на географических картах с давних времен, как на то было уже указано выше. Прокопию известны оба прохода через Кавказские горы, что видно из следующих его слов: «один (проход) называется Τζούρ [Тзур], другой с древних пор носит имя Каспийские

¹ *Prisci frg.* Cap. 37. P. 346 Dind.

ворота (Κασπία πύλη)»¹. В написании Τζούρ сочетание τζ, очевидно, соответствует звуку ч, так как у Моисея Хоренского это имя передается в форме *Чора*². Тот же Моисей Хоренский, а также и другие армянские писатели, делают несомненным, что это имя прилагалось к Дербентскому проходу, как ясно то из их подробных сообщений о вторжениях в Армению хазар и других северных варваров. — В приведенном определении Прокопия территории алан нет указания на ее размеры, так как указан собственно только один географический пункт, наиболее известный в области, которую занимали аланы³. Но в других упоминаниях об аланах он называет соседние племе-

¹ *Procop. B. g. IV, 3. P. 469.* ὤπερ (sc. διεξόδων) ἐτέρα μὲν Τζούρ ἐπικέκληται, ἡ δὲ δὴ ἐτέρα πύλη ἐκ ποταμοῦ Κασπία ἐκλήθη. Ταύτην δὲ τὴν χώραν, ἣ ἐξ ὄρους τοῦ Καυκασίου ἀχρι ἐς τὰς Κασπίας κατατείνει πύλας, Ἄλανοι ἔχουσιν [Один из них (т. е. проходов) называется Тзур, а другой носит издревле название Каспийских ворот. Вся эту страну, которая простирается от гор Кавказа до Каспийских ворот, занимают аланы].

² *Моисей Хоренский. История Армении / Пер. Эмина. Москва, 1893. С. 113.* Кроме этой формы имени, армянские писатели употребляют безразлично две другие: *Чога* и *Чола*. *Патканов* в переводе «Истории агван» *Моисея Каганкатваца* передает имя прохода в форме *Чога*, а в примечаниях пользуется безразлично формами *Чога* и *Чора*; в «Истории Сасанидов» — *Чола*, см.: С. 69. У Менандра, Сар. 11, р. 21 Dind. имя этого прохода дано в форме *Хорутзон* [Хорутзон].

³ *Миллер Всев. Осет. этюды, III, 44–45,* — ошибочно принимая Каспийские ворота за Дербентский проход, выводит из слов Прокопия неправильное заключение, будто он под аланами разумеет «все северокавказские народы».

на, оставляя без определения только север. С юга аланы граничили со сванетами (Σουῖται [суниты])¹, с запада — с племенем брухов (или врухов, Βρούχοι), которые отделяли их от авазгов², т. е. абхазцев, занимавших поморье, с востока — с гуннами-сабирами, которые владели восточным кавказским проходом. Сохраняя свою независимость (αὐτόνομον ἔθνος [независимый народ], называет их Прокопий), аланы были в постоянных сношениях как с Византией, так и с персами, и в столкновениях между двумя враждовавшими государствами склонялись то на ту, то на другую сторону³. Они помогали персам во время их похода в Лазику в 541 году⁴, а вскоре затем, в 549 году, взяли за 300 фунтов золота выгнать оттуда своих бывших союзников⁵. Упомянув об этом последнем событии Прокопий называет их «исконными друзьями христиан и ромеев»⁶. Но в военных событиях в Лазике в 551 году тот же Прокопий сообщает о присутствии алан в рядах персидского войска⁷. От Менандра мы узнаем, что царем алан при Юстиниане был Саросий или Сародий (Σαρῳσίος, Σαρῳδίος). Он служил посредником в первом знаком-

¹ *Procop. Bel. p. I, 14. P. 74.*

² *Ibid. Bel. g. IV, 4. P. 473. Μετὰ δὲ τοὺς τῶν Ἀβασγῶν ὄρους κατὰ μὲν τὸ ὄρος τὸ Καυκάσιον Βρούχοι ἔκρηνται, Ἀβασγῶν τε καὶ Ἀλανῶν μεταξὺ ὄντες* [За пределами абасгов до Кавказского хребта живут брухи, находясь между абасгами и аланами].

³ *Ibid. IV, 3. P. 469.*

⁴ *Ibid. B. g. IV, 1.*

⁵ *Ibid. B. p. II, 29. P. 290.*

⁶ *Ibid. B. p. II, 29. P. 288: χριστιανοῖς τε καὶ ῥωμαίοις φίλοι ἐκ παλαιοῦ ὄντες.*

⁷ *Ibid. B. g. IV, 8. P. 496.*

стве Византии с аварами в 558 году¹. Через его страну шли затем сношения Византии с «восточными турками»². Аланский царь оставался еще самостоятельным государем в 558 году и, на обратном пути византийского посла Земарха, пропустил сопровождавших его турок не раньше, чем они позволили себя обезоружить³. Иоанн Эпифанийский дополняет сведения, сохраненные Менандром об этом посольстве, сообщением, что персы пытались подкупом склонить алан убить Земарха, но аланы сохранили верность Византии⁴. В 571–72 годах аланы приняли участие в войне с персами. Феофан Византийский сообщает, что их царь, которого он называет *Σαρῶης* [Сарой] (очевидно, то же имя, что и *Σαρῶσιος* [Саросий] Ме-

¹ *Menandri frg.* Cap. 4. P. 4. Dind. — *Σαρῶσιος* [Саросий], cap. 22, p. 55 — *Σαρῶδιος* [Сародий].

² *Ibid.* Cap. 22.

³ *Theoph. Chron.* P. 245. οὐνοὶ γὰρ κατ' ἐκείνο καιροῦ, οὓς Τούρκους λέγειν εἰώθαμεν, πρεσβεύουσι πρὸς Ἰουστίνου διὰ τῆς τῶν Ἀλανῶν χώρας ἀποστέιλαντες [В это время гунны, которых мы обыкновенно называем турками, направляют посольство к Юстину, послав его через земли аланов].

⁴ *Iohan. Epiphan.* Cap. 2. P. 377. Dind. Ἰουστίνου δὲ βασιλέως τὴν πρεσβείαν προσειμένου, καὶ Ζήμαρχον, ἄνδρα τῆς συγκλήτου βουλῆς, σὺν ἐκείνοις (sc. Turcis) ἐκπέμψαντος, Πέρσαι τοὺς Ἀλανοὺς χρήμασι διαφθεῖραι βουλευθέντες, δι' ὧν ἐκείνοι τὴν πορείαν ἐμέλλον ποιήσασθαι, τὸν τὲ Ζήμαρχον καὶ τοὺς σὺν αὐτῷ Ῥωμαίους τε καὶ Τούρκους ἐκποδῶν γενέσθαι διεσπούδαζον [После того как император Юстин принял посольство и отправил вместе с ними (т. е. турками) Земарха, члена сената, персы хотели, чтобы аланы перебили их, поскольку те намеревались пройти через их, аланов, земли; они прилагали большие усилия, чтобы погубить Земарха и сопровождавших его ромеев и турок]. — Ср.: *Theoph. Sym.* III, 9, 7. P. 129 De Boor.

нандра), оказал поддержку армянам в их восстании против персов, тогда как восточные соседи алан, сабиры, помогали персам¹.

Вскоре после этого аланам пришлось изведать на себе грозу нового нашествия с востока. То были турки, утвердившие свою державу в Средней Азии в половине VI века. Один из подначальных турецких властителей, Турксанф², появился со своей ордой на нижней Волге, разгромил гуннские племена, занимавшие степи по обеим ее берегам, обрушился затем на алан и западных их соседей, утугуров, и с помощью последних проник на территорию Крыма, где и овладел городом Боспором. Сообщение о разгроме алан турками в 576 году мы имеем у Менандра в приводимой им речи Турксанфа к византийскому послу Валентину, посетившему его где-то в его ставке в приазовских степях по пути в столицу верховного турецкого владыки, Дизабула, близ «Золотой горы»³. Мы не знаем, однако, того, повел ли этот разгром к установлению зависимости алан от турок. Внутренние междоусобия, наступившие вскоре после того у турок в Средней Азии, заставили их, по-видимому, отступить от европейских завоеваний⁴. Подчинившиеся туркам утугуровы были свободны от их власти в начале VII века и при импер. Ираклии

¹ *Theoph. Byz. Cap.* 4. P. 448. Dind.

² *Pumtep.* Земледелие Азии, III, 178. *Cahun L.* Introduction à l'histoire de l'Asie. Paris, 1896. С. 115 — признал в несомненно искаженном имени *Τούρξαντος* имя племени *Türkèch* — или *Türgäsh*, как транскрибирует его акад. Радлов в своих изданиях орхонских надписей. Племя Тюргешей представляло западную половину державы тюрков.

³ *Menandri frg.* Cap. 43. P. 87.

⁴ *Theophyl. Sym.* VII, 7, 6–8, 12. P. 256–262 De Boor.

(610–641) объединились со своими соплеменниками кутургурами под единой властью царя Куврата¹. В правление того же императора в степях восточной части Кавказа и на берегах нижней Волги является сильная хазарская держава, с которой вступила в союз Византия против персов. Через Дербентский проход проходили хазары на юг, чтобы помочь Ираклию в его войне с персами². За целое столетие от конца VI и до конца VII века нет никаких упоминаний об аланах у византийских писателей. Весьма вероятно, что это обстоятельство стоит в связи с тем, что аланы находились в зависимости от хазар. Как из византийских, так еще более из армянских свидетельств об этих событиях видно, что во владении хазар был Дербентский проход, через который они свободно совершали свои нашествия на юг, как в союзе с Византией, которая призывала их против персов, так и в самостоятельных своих предприятиях³. Аланы со своим Кавказским проходом оставались, таким образом, в стороне от грозных событий того времени и этим, вероятно, объясняется отсутствие упоминаний о них в византийских хрониках. Только в самом начале VIII века встречаем мы опять упоминание об аланах.

¹ *Theoph. Chron.* P. 315.

² *Ibid.* P. 356–358. — *Патканов.* История Сассанидов. С. 69 сл.

³ *Феофан* в упоминании о походах хазар употребляет термин *Κάσπιαι πύλαι* [Каспийские ворота] (626 г. P. 316; 763 г. P. 433; 765 г. P. 435), и каждый раз по ходу рассказа видно, что хазары проникали в Армению через Дербентский проход. — У *Моисея Каганкатваци* (История агван) назван проход Чога, т. е. Дербентский. С. 110 и др.; у *Моисея Хоренского* (Ист. Арм. II, 65. С. 113) — Чора; *Патканов* (Ист. Сассанидов. С. 69) — Чола.

Феофан сохранил следующий эпизод из жизни имп. Льва до достижения им византийского престола¹. В ту пору, когда Юстиниан II восстанавливал свои права при помощи болгар, имел случай оказать ему услугу Лев, проживавший тогда в Месемврии в качестве частного лица. Завязавшаяся с того времени тесная дружба между ними вызвала зависть у недоброжелателей, которые обвинили Льва в стремлении к императорской власти. Следствие не подтвердило доноса, и обвинители были наказаны за клевету. Но Юстиниан и сам потерял доверие к Льву; с целью погубить его, он послал его в Аланию, поручив ему устроить за деньги вторжение в Авазгию, находившуюся в то время во власти арабов, как и соседние области: Лазика и Иверия. Лев отправился на восток, прибыл в Фазис, где и оставил привезенные с собой деньги, а затем через Апсилию пробрался с небольшой свитой в Аланию. Аланы повиновались внушению византийского посла, вторглись в Авазгию и подвергли страну опустошению. Но Лев оказался в невозможности исполнить свое обещание уплатить аланам за их помощь, так как Юстиниан взял назад деньги, оставленные Львом в Фазисе. Пострадавшие от алан авазги надеялись, что аланы, обманувшись в своих ожиданиях на вознаграждение со стороны Византии, выдадут им имперского посла и предлагали им за его выдачу 3000 монет. Но аланы заявили, что они послушались Льва не из-за обещанной платы, а «из любви к императору». Тогда авазги предложили им сумму вдвое большую, и аланы воспользовались этим, чтобы устроить второй набег на страну своих соседей. Войдя в соглашение со Львом,

¹ *Theoph. Chron.* a. M. 6209. P. 391–395.

они выдали его для вида авазгам, а затем отбили его у них и сделали вторично вторжение в Авазгию. Царем алан был в ту пору Итаксис, Ἰταξίς. Император Юстиниан, узнав, что Лев устроил возложенное на него поручение, хотя и был лишен возможности уплатить аланам по обещанию, написал авазгам, что он простит им их вины, если они доставят ему его посла. Но ни сам Лев, ни аланы не питали никакого доверия к авазгам, и Лев остался у своих друзей в ожидании случая, который бы позволил ему вернуться на родину. Такой случай вскоре представился. Византийское войско вместе с армянами осаждало Археополь в Лазике. Но по слуху о приближении арабского войска осаждавшие отступили и поспешили укрыться в Фазисе. От этой армии отстало 200 человек, которые отступили в горы с надеждой пробраться в дружественную Аланию, а тем временем поддерживали свое существование грабежом. До алан дошел из-за гор слух, будто неподалеку от их пределов находится римская армия, и они снарядили своего невольного пленника в путь. С отрядом в 50 человек пробрался Лев через горы, но соединившись со своими, узнал истинное положение дела. Не желая возвращаться назад, он составил смелый план форсировать проход через враждебную страну. Ему удалось хитростью принудить к сдаче гарнизон, который занимал от имени арабов крепость в проходе. Слух об этом успехе так подействовал на соседние племена, что апсильяцы сами предложили Льву проводить его до морского берега и, выдав ему заложников, исполнили свое обещание. Лев вернулся в Византию два года спустя после низвержения Юстиниана II, когда царствовал уже Артемий, который и назначил его стратигом восточной армии.

Из подробностей изложенного эпизода следует заключить, что аланы в ту пору жили под управлением национальных царей и принимали участие в международных отношениях вполне независимо от хазарского кагана. Они хранили память о своих исконных дружеских связях с Византией, и не только личность византийского посла, но и затерявшийся среди враждебного населения прикавказских стран византийский отряд видел свое спасение в том, чтобы пробраться в их страну. Единственный путь сношений с Византией шел из их земли на юг; город Фазис был самым северным пунктом, который оставался на восточном побережье Черного моря во власти Византии. Никаких сношений с побережьем через степи северного Кавказа, т. е. на Фанагорию или на Боспор, они не имели. В названных городах сидели в ту пору наместники хазарского кагана, власть которого, очевидно, на алан не простиралась.

В течение всего VIII века нет опять никаких упоминаний об аланах в наших источниках. Но, очевидно, сношения с Византией не прерывались за это время, так как началу IX века принадлежит событие, свидетельствующее об усилении влияния Византии на этот народ, а именно: обращение алан в христианство. Мы имели уже случай собрать в другом месте относящиеся сюда данные¹. Укажем здесь только, что событие это относится к началу X века, времени патриаршества Николая Мистика.

С ослаблением хазар аланы приобрели большее значение в кругозоре византийской политики. Они были дружественным христианским народом в дальних северных странах, на который могла опереться

¹ Христианство у алан // Визант. Врем. V (1898), 1–2. С. 1–18 (См. настоящее издание).

Византия в своих международных отношениях. Такую именно роль и значение дает им Константин Порфирородный в своих наставлениях сыну, т. е. в сочинении *De administrando imperio* [Об управлении империей]. Об Алании он говорит, как о стране вполне независимой. Она граничит, по его сообщению, с «девятью климатами» хазарской державы, которые служат житницей для хазар. Аланский державец, ὁ ἐξουσιокράτωρ Ἀλανίας [эксусиократор Алании], может парализовать своими набегами в хазарские «климаты» всякие их военные предприятия и держать их в постоянном страхе¹. Кроме того, властитель алан может залегать пути хазарам к Саркелу и в Крым (Χερσῶν καὶ τὰ κλίματα [Херсон и климаты])².

¹ *Const. Porph. De adm. imp. Cap. 10. P. 80:* ὁμοίως καὶ ὁ ἐξουσιокράτωρ Ἀλανίας, ὅτι τὰ ἐννέα κλίματα τῆς Χαζαρίας τῇ Ἀλανίᾳ παράκειται, καὶ δύναται ὁ Ἀλανός, εἰ ἄρα καὶ βούλεται, ταῦτα πραιδεύειν καὶ μεγάλην βλάβην καὶ ἔνδεσιν ἐντεῦθεν τοῖς Χαζάροις ποιεῖν· ἐκ γὰρ τῶν ἐννέα τούτων κλιμάτων ἢ πᾶσα ζωὴ καὶ ἀφθονία τῆς Χαζαρίας καθέστηκεν [Подобно тому (делает) и эксусиократор Алании, потому что девять климатов Хазарии прилегают к Алании и может алан, если, конечно, хочет, грабить их отселе и делать большой вред хазарам, связав их, поскольку из этих девяти климатов являлись вся жизнь и изобилие Хазарии].

² *Ibid. Cap. 11:* Ὅτι τοῦ ἐξουσιοκράτορος Ἀλανίας μετὰ τῶν Χαζάρων μὴ εἰρηνεύοντος... τὰς τε ὁδοὺς ἐνεδρεῦων καὶ ἀφυλάκτως αὐτοῖς ἐπιτιθέμενος ἐν τῷ διέρχεσθαι πρὸς τε τὸ Σάρκελ καὶ τὰ κλίματα καὶ τὴν Χερσῶνα. καὶ εἰ ποιήσεται σπουδῆν ὁ τοιοῦτος ἐξουσιокράτωρ τοῦ κωλύειν αὐτοὺς, μεγάλης καὶ βαθείας εἰρήνης μετέχουσιν ἢ τε Χερσῶν καὶ τὰ κλίματα... [Что эксусиократор Алании не живет в мире с хазарами, ... подстерегая на путях и нападая на идущих без охраны при переходах к Саркелу, к Климатам и к Херсону. Если этот эксусиократор постарается препятствовать им (хазарам),

В другом месте того же сочинения царственный автор исчисляет в днях пути расстояние между разными народами, занимавшими южнорусские степи. Ближайшими и непосредственными соседями византийских владений в Крыму были печенеги. От земли этих последних и даны следующие расстояния для окрестных стран: Болгария — полдня, Угрия — 4 дня, Россия — 1 день, Мордва (Μορδία) — 10 дней, Хазария и Узия — 5 дней и Алания — 6 дней¹. Таким образом, Алания, по определению Константина, лежала далее на восток, чем Хазария, на один день пути. В другом месте своего изложения Константин указывает, что Алания лежит «выше» Кавказа (τῶν ὄρεων, sc. Καυκασίων — ἄνωθεν ἐστὶν ἡ χώρα τῆς Ἀλανίας [выше гор, т. е. Кавказских — лежит земля Алании]), что, однако, у него скорее значит к востоку, чем к северу. Он представлял себе не вполне правильно направление Кавказского хребта: подымал западную половину хребта слишком резко на север, а поэтому помещал уже на южном склоне гор области, отделявшие алан от моря, а именно: Κασαχία, Παπαγία, Ζικχία [Касахия, Папагия, Зикхия], из которых последняя есть страна приморская².

то длительным и глубоким миром пользуются и Херсон, и Климаты...]

¹ Ibid. Cap. 37. P. 166.

² Ibid. Cap. 40. P. 181. Имя Κασαχία [Касахия] соответствует косогам нашей летописи. Что касается до страны Παπαγία [Папагия], то, быть может, она по ошибке названа странкою, так как тот же автор поминает в другом месте своего изложения (Cap. 53. P. 239) — местность Πάπαγι [Папаги] в пределах Зихии. Близость алан к Зихии указана и в том, что Константин поминает о нападениях алан на зихов, причём последние будто бы спасаются на «острова», имена

Византия находилась в X веке в постоянных дипломатических сношениях с Аланией, и Константин Порфирородный сохранил формулу обращения византийского императора к аланскому державцу такого содержания: Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος τοῦ ἐνὸς καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς πιστοὶ ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλεῖς Ῥωμαίων, πρὸς ὃ δεῖνα ἐξουσιαστὴν Ἀλάνιας καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον [Во имя Отца и Сына и Святого Духа одного и единого истинного Бога нашего. Константин и Роман, верные в Боге императоры ромеев, к такому-то властителю Алании и духовному сыну нашему]¹. Приведенная формула заключает в себе признание алан самостоятельным и независимым политическим целым² и свидетельствует,

которых он приводит. Но таких островов нет, так что приходится разумеать изрезанную лиманами дельту Кубани.

¹ *Idem*. De caerim. aul. Byz. II, 48. P. 688.

² В противоречии с свидетельством Константина о политической независимости алан находится показание хазарского хагана Иосифа в письме к Ибн-Хиздаи. Указывая пределы своей державы, Иосиф называет на южной границе народы *База* и *Тагат*: «Nach Süden hin sind 15 zahlreiche und mächtige Nationen bis Bal al-abwab und sie wohnen auf Bergen und im Lande Basa und Tagat bis zum Meere von Constantinopel [С южной стороны живут 15 многочисленных и сильных народов до Баб ал-абваба и они проживают в горах и в странах База и Тагат до Константинопольского моря]; в интерполированной редакции этого памятника читается полнее: «und alle Alanen bis sur Grenze von Afkan [и все аланы до границы Афкана]». — Цитуем по изданию *Касселя*. Der Chasarische Königsbrief aus den 10 Jahrhundert. Berlin, 1877. S. 78. В имени *Тагат* еще Клапрот признал тагаурцев, одно из племен нынешних осетин.

по сравнению с другими аналогичными формулами, как то: к хазарам, печенегам, русским, — о более тесных и близких отношениях Византии к аланам, нежели к вышеназванным народам. Не лишено интереса обратить внимание и на то, что властители всех кавказских народов, как то: авазги, иверийцы, албанцы и еще семь других, которые названы у Константина, получают «приказ» (κέλευσις) от императора, и только властитель Алании трактуется как самостоятельный государь. Отсюда мы вправе сделать заключение, что аланы в X веке представляли значительную политическую силу, которой Византия умела пользоваться в интересах своей политики. Хотя Константин помещает землю алан на один день пути далее от печенегов, нежели Хазарию с Узией, но он же сам приводит их в более близкое соседство с печенегами, когда говорит о том, что аланы могут залегать пути хазарам к Саркелу и охранять от них византийские владения в Крыму. Чтобы иметь возможность играть роль защитников южного Крыма, которую им приписывает царственный автор, аланы должны были составлять часть населения припонтийских степей. Без этого предположения непонятно самое свидетельство Константина Порфирородного. К сожалению, он не сохранил нам ни одного упоминания о каком-либо событии, в котором было бы дано подтверждение могущества и значения алан. Но в этой связи интересно отметить упоминание об аланах у писателя несколько более ранней даты, а именно, у названного уже выше патриарха Николая Мистика. В одном из своих писем к царю Симеону болгарскому патриарх сообщает своему корреспонденту о широких планах византийского двора составить коалицию против болгар из северных

варваров, а именно: русских, печенегов, алан и западных турок. Печенеги занимали в ту пору степи от Дона до нижнего Дуная, захватив и те пространства, где прежде кочевали «турки», т. е. мадьяры, которых они разгромили в союзе с царем Симеоном. Русский князь Олег незадолго до того заключил с Византией торговый договор, сохраненный в нашей летописи под 912 годом. Если наряду с этими тремя могущественными народами, занимавшими большие территории, названы аланы, о просвещении которых светом христианства хлопотал автор этого известия, то отсюда можно заключить, во-первых, что аланы уже в ту пору были совершенно свободны от хазарской державы, и, во-вторых, что они представляли из себя значительную политическую силу. Если в Византии считали возможным привлечь их к участию в нападении на Болгарию, столь удаленную от их кавказской родины, то весьма вероятно, что аланы жили уже тогда в местностях более близких к области нижнего Дуная, откуда печенеги совершали свои вторжения в Болгарию. Коалиция, как известно, не состоялась; но в данной связи для нас важно лишь самое свидетельство патриарха о видах Византии на алан¹.

¹ *Migne. Patr. Graeca. T. 111; Nicol. Myst. Epist. № 23. P. 149: Συγκίνησις δυνατοτάτη, ὅσον ἔστιν ἐμὲ ὑπολαβεῖν, ἐκ τῆς βασιλικῆς σπουδῆς κατὰ ὑμετέρας ἐξουσίας καὶ τοῦ σοῦ γένους, ἢ παρασκευάσαι, ἢ παρασκευασθήσεται, τῶν τε Ῥῶς καὶ σὺν ἐκείνοις τῶν Πατζηρακίτῶν, ἔτι δὲ καὶ Ἀλανῶν καὶ τῶν ἐκ τῆς δύσεως Τούρκων, πάντων ὁμοφρονησάντων καὶ τὸν κατὰ σοῦ πολέμου ἀραμένων [Мощное нашествие, насколько я могу судить, готовится или уже готово императорскими стараниями против вашей державы и твоего народа, поскольку русь, а с ними печенеги, еще аланы и западные турки — все единодушно настроены идти войной*

От последующих веков историческое предание сохранило нам несколько свидетельств о том, что сношения Византии с аланами не прекращались. Так, в половине XI века жила в качестве заложницы в Византии одна аланская принцесса. Ею увлекся имп. Константин Мономах († 1054), который, по смерти своей супруги, Зои, дал ей титул августы (Σεβαστή) и хотел возложить на нее императорский венец, чего, однако, не успел привести в исполнение¹. В 1064 году имп. Константин X женил своего сына, Михаила, на дочери грузинского царя Баграта IV, которую Зонара называет Μαρία ἐξ Ἀλανῶν [Мария Аланская]². Эта принцесса была аланкой только

на тебя]. P. 153: Γίνωσκε γὰρ φημί καὶ πάλιν, εἴ τι ἐγὼ τὰ τῆς βασιλικῆς κινήσεως καθ' ὑμῶν κατενόησα πράγματα, πᾶν γένος οὐ μὴ λήξωσιν εἰς τὸν καθ' ὑμῶν ὄλεθρον συγκινούντος, οὔτε Ἀλανοὺς, οὔτε Πατζηνακίτας, οὔτε Ῥῶς, οὔτε τὰ ἄλλα Σκυθικὰ γένη, μέχρις ἂν τὸ τῶν Βουλγάρων εἰς τέλος ἐξαπολήσωσι γένος [Знай же, говорю снова, — если я что-нибудь понимаю относительно императорского предприятия, поднятого против вас, — что вся эта масса народа, собравшаяся для вашей гибели, и турки, и аланы, и печенегы, и русь, а также другие скифские племена, не остановятся, пока не уничтожат вконец весь народ болгаров].

¹ Zonaras. XVII, 28.

² Zonaras. XVIII, 17. Brosset. Hist. de la Géorgie. I, 315; 303. — Иоанн Цец в своем творении Chiliades — V lib. 17, 583–600 — (цитирую по изданию Kiessling'a Lips., 1826) — утверждает, что Мария неправильно считалась аланкой, Ἀλαίισσα, и причисляет ее к племени авазгов, Ἀβασγίισσα. По его утверждению, иверы, авазги и аланы составляют одну народность, ἔνγενος [единородны]:

Οἱ Ἰβηρας προτεύοντες, οἱ Ἀβασγοὶ δευτέραν

Οἱ Ἀλανοὶ δ' ἐσχῆκασιν τάξιν τριῶν ὑστέραν

[Первые — иверы, вторые — авазги, аланы занимают

по матери, Борене, сестре аланского царя Дургуле-
ля. После низвержения Михаила VII (1071–1078),
она принуждена была выйти замуж за Никифора Во-
таниата и впоследствии окончила жизнь в монасты-
ре¹. Имп. Михаил VII, желая связать с собою родст-
венными узами дом Комниных, устроил брак Исаака,
брата будущего императора Алексея, с двоюродной
сестрой своей жены, дочерью аланского царя². На
другой двоюродной сестре Ирины, жены Исаака Ком-
нина, женился позднее выдающийся и честолюбивый
военачальник того времени, Гавра (Γαβρας)³.

От того же времени имеем мы свидетельства об
аланах на службе Византии. Так, аланский отряд
находился в составе военных сил, которыми коман-
довали Исаак и Алексей в Малой Азии в царствова-
ние Михаила VII⁴. Тот же император на вербовал в
Алании отряд в 6000 человек для войны на восточ-
ной границе. Но большая часть этих сил покинула

последнее третье место].

Одна из дам туземной свиты, сопровождавшей Марию
в Константинополь, была бабушкой Цеца по матери. По-
миная об этом, Цец вспоминает некстати и старый этни-
ческий термин: массагеты —

Ἡ τοῦ δέμητριμήτωρ μὲν Τζέτζου τοῦ Ἰοάννου
[Она бабка по матери Иоанна Цеца] (583)

Μητρός ἦν Μασσαγέτιδος ἡγουν ἐξ Ἀβασγίδος
[Мать была массагетянка, или абазгиня] (585)

Οὕτω κατὰ μητέρα μὲν ὁ Τζέτζης ἐστὶν Ἴβηρ
[Следовательно, по матери Цец — ивер] (626).

Ср.: *Hart. De origine et scriptio Tzetzarum. Jahrbücher für class. Philol. XII Supplement band. 1881.*

¹ *Iohan Scyl. P. 469 (Migne. Patr. gr. T. 122).*

² *Niceph. Bryen. II, 1. P. 56.*

³ *Anna Comn. VIII, 9, I. P. 417.*

⁴ *Niceph. Bryen. II, 12–13. P. 71–72.*

византийские знамена, так как им не платили жалованья¹.

В самом начале XII века, во время нашествия Бозмунда Тарентского на Эпир, в рядах византийской армии был аланский отряд, который принимал участие в военных действиях под командой своего царя Росмика, 'Ρωσμίκης². Точно так же и в конце XII века, при имп. Исааке Ангеле, аланы служили под византийскими знаменами. Никита Хониат подробно рассказывает один эпизод из их участия в военных действиях близ Солуни³. Событие это относится к 1186 году. У того же историка в рассказе о столкновении с крестоносцами в 1189 году упомянуто о гибели аланского отряда близ Филиппополя⁴.

Эти разрозненные и далеко не многочисленные свидетельства позволяют однако утверждать, что аланы находились в непрерывных сношениях с Византией за весь период времени до конца XII века. С утверждением латинского господства на берегах Босфора в начале XIII века центр византийской политической жизни передвинулся к востоку. Но, хотя Кавказ и его христианские народы стали теперь к нему ближе, это не содействовало однако усилению политического и культурного влияния на них Византии. Турки прочно стояли уже в сердце Малой Азии, греческий мир был страшно ослаблен и на северо-востоке явились новые враги, силу которых испытали на себе в числе первых — аланы.

¹ *Niceph. Bryen.* II, 19. P. 83.

² *Anna Comn.* XIII, 6. P. 201.

³ *Nic. Chon.* P. 471; краткое упоминание о том же см.: *Eustath.* De capta Thessalonica. P. 446 B.

⁴ *Ibid.* P. 535.

VIII

Появление татар в южнорусских степях.

Свидетельства об аланах на их родине:

доминиканца Юлиана, епископа Феодора Аланского,
Плано Карпини, Рубруквиса, Иосафата Барбаро
и Лаоника Халкокондила

В начале XIII века северо-восток Европы стал ареной событий мирового значения: из степей Средней Азии явились новые завоеватели — татары. Как в пору появления гуннов, так и теперь, аланы были первым европейским народом, на который обрушились новые завоеватели. По свидетельству арабских историков, слухи о приближении татар, разгромивших Армению и Иверию, вызвали в населении русских степей мысль о сопротивлении соединенными силами. Аланы вступили в союз с половцами; но татары, указав половцам на свое с ними родство, коварно расторгли этот союз и, разгромив алан, обрушились затем на половцев, которые привлекли на помощь к себе русских князей¹. События эти относятся к 1221–1223 году. Но это первое нашествие татар не повело за собой немедленного установления их владычества на пространстве опустошенных ими земель, и они стали утверждаться в них только после второго своего появления. Два первые наши свидетеля об аланах из времени после первого появления татар в Европе вовсе не упоминают о них. Разумеюем доминиканца Юлиана и еп. Феодора.

Венгерский монах, доминиканец Юлиан, посетил Аланию ок. 1235 года. Отправившись из Венгрии на восток в поисках за родиной, о которой хранили па-

¹ Ибнэльасир у Тизенгаузена. Материалы для истории Золотой Орды, I. С. 25.

мять его соплеменники, Юлиан прибыл в Матрику, т. е. Тмуторокань. Собрав там некоторые сведения, он перебрался оттуда в Аланию. Путешествие длилось 13 дней и путь лежал через ненаселенные степи. Ему пришлось прожить среди алан довольно долго, снискивая пропитание трудом рук своих, пока наконец ему удалось найти спутников из туземцев для путешествия в приволжские страны. Юлиан сообщает об аланах, что они христиане, которые имеют лишь смутные представления о своей религии. Они свято чтут крест и празднуют воскресенье, отмечая этот день всеобщим миром и полной взаимной безопасностью. Они раздроблены на множество независимых колен, имеющих своих князей, которые находятся в непрерывной взаимной вражде¹.

Эти скудные сведения дают однако основание полагать, во-первых, что аланы сохранили свою самостоятельность и не были в зависимости от татар; во-вторых, что они занимали прикавказские степи и не были еще оттеснены в горы, где живут ныне остатки их племени. Если для первого заключения мы имеем лишь *argumentum a silentio* [аргумент от умолчания], то для второго служит основанием самый маршрут Юлиана: он направлялся на берега Волги и не попал бы, конечно, к аланам, если бы ему пришлось искать их в горных ущельях среднего Кавказа.

Дальнейшее по времени свидетельство об аланах принадлежит аланскому епископу Феодору, половины XIII века, и дано в его послании к константино-

¹ Записки Одесского Общества Истории и Древностей, V, 996 (изложение документа, напечатанного в издании Theiner'a: *Vetera Monumenta Hungariae*).

польскому патриарху¹. — Знакомый с аланским языком и, по всей вероятности, алан по происхождению, еп. Феодор принял священный сан ок. 1240 года в Никее, где в ту пору имел свою резиденцию константинопольский патриарх, и направился затем за пределы своей епархии. Он достиг ее кружным путем через Херсон (Корсунь) и Боспор (Керчь), откуда он высадился где-то на кавказском побережье. После 60-дневного путешествия, сопровождавшегося разными лишениями, ему удалось, наконец, добраться до своей паствы. Здесь его ждали тяжкие испытания, о чем он подробно излагает в своем послании. Пользуясь отсутствием епископа в Алании, один зажиточный и предприимчивый человек из Лазики, родственник тамошнего епископа, нарядился соответственно епископскому сану и, в сопровождении нескольких клеветников объезжая страну, рукополагал повсюду священников. Лица, искавшие посвящения и платившие за него деньги самозванцу, были настолько мало сведущи в христианских обрядах и обычаях, что не могли усмотреть обмана и считали себя рукоположенными по каноническим правилам. О пастве своей в целом еп. Феодор выражается, что она была христианской «только по имени» (гл. 24). После долгих сомнений и колебаний еп. Феодор решил повторить рукоположение над теми, кого считал достойными священного сана. В очень пространном и витиеватом изложении еп. Феодор сообщает патриарху и его священному собору о своих затруднениях и за своими многословными излияниями дает нам,

¹ Перевод этого памятника помещен нами в «Записках Одесского Общества Истории и Древностей». Т. XXI (1898), отд. II. С. 11–27.

к сожалению, слишком мало сведений о положении родной ему страны, быте и характере ее населения.

Полное умолчание еп. Феодора о татарах позволяет предполагать, что аланы сохранили в ту пору свою национальную самостоятельность. К Феодору Аланскому примыкают свидетельства двух западных путешественников по востоку: Платона Карпини и Рубруквиса. Первый из них в перечислении племен, покоренных татарами, называет алан (*Alani sive Assi* [аланы или асы])¹; их область он определяет, как одну из стран, составляющих южную границу Комании (*terra Comania*, т. е. половецкие степи)². Ему известно, что не все аланы покорились татарам и что часть этого племени отстаивает свою самостоятельность³. По его сообщению, аланы составляют вместе с казарами и русскими население города на Дону, который он называет Орна (Орна)⁴.

Несколько позднее, чем Платон Карпини, в тех же пределах побывал посол французского короля, монах Рубрук (или Рубруквис), который проезжал в 1253 году из Судака в Золотую Орду, а в 1254 спустился с берегов Волги через Дербентский проход в Малую Азию. В южнорусских степях он встречал алан в разных местах в пределах татарского господства. Они оказывали ему радушный прием, уважая в нем его духовный сан. Он называет их *Alani sive Aas* [аланы или асы]. Из расспросов у своих татарских проводников Рубрук знал, что аланы, так же как и лезгины (*Lesgi*), отстаивали свою независи-

¹ Языков. Собрание путешествий к татарам. СПб., 1825. С. 190.

² Там же. С. 24.

³ Там же. С. 210.

⁴ Там же. С. 152.

мость от татар и, спускаясь с гор в степи, грабили у татар их стада¹. Рубрук сообщает о них еще одну интересную подробность, а именно, что они мастера ковать броню². Но равнина была уже во власти татар, и непокорные аланы жили уже только в горах. Упомянув об одном укрепленном городке, куда он попал, направляясь из Сарая к Дербенту, Рубрук называет его *castellum Alanorum* [замок аланов] и прибавляет замечание: «quod erat ipsius Manguchan. Ipse enim subiugavit terram illam [который принадлежал самому Мангу-хану. Ведь он сам подчинил ту страну]»³. Свою независимость в родных горах удержи-

¹ Rec. des Voyages, IV, I, 252 ... montes maximos... in quibus habitant in lateribus versus solitudinem illam Cherkis et Alani sive Aas, qui sunt christiani et adhuc pugnant contra Tartaros. Post istos prope mare sive lacum Etilie sunt quidam Saraceni, qui dicuntur lesgi, qui similiter non obediunt [... величайшие горы, на которых по склонам, в направлении пустыни, живут черкисы и аланы или аас, которые являются христианами и до сих пор сражаются против татар. За ними, вблизи моря или озера Этилии, находятся некие сараины, именуемые лезгами, которые равным образом не повинуются]. — P. 380: Alani in montibus illis adhuc repugnant, ita quod oportebat quod de hominibus Sarcath de decem venient duo ad custodiendum fauces montium, ne illi egrederentur de montibus ad predicandum (sic) animalia eorum in planicie inter illos et Alanos et portam Ferream [Аланы в этих горах до сих пор сражаются, так что из каждого десятка людей Сартаха двоим надлежит караулить горные ущелья, чтобы они (аланы) не выходили из гор для предупреждения (так) их стад на равнине, которая простирается между владениями Сартаха, аланами и Железными воротами].

² Ibid. P. 381.

³ Ibid.

вали аланы и позднее. Русская летопись под 1277 годом сохранила свидетельство о походе татар на алан при невольном участии в этом предприятии русских князей. «В лето 6785. А князи вся поидоша на Ясы. В лето 6786. Того же лета приидоша князи из Татар, победивше Ясы». По всему вероятно, этот погром не имел решительных последствий в смысле окончательного покорения алан; но уже самое соседство татар не могло не оказать воздействия на ослабление тех культурных начал, которые проникали сюда из Византии. В XIV веке Алания по-прежнему оставалась митрополией константинопольского престола; но митрополит не имел уже кафедры в своей епархии: Аланская епархия была соединена с Авазгийской, и аланский митрополит имел свою резиденцию в приморском, далеком от Алании, городе Сотирiuполе. По свидетельству аланского митрополита, отставившего в константинопольском патриаршем синоде в 1337 году соединение названных двух епархий, аланы были в ту пору кочевым народом (τοῦ ἔθνους οὗτος νομαδικῶν)¹. Новый погром испытали аланы в конце XIV века от Тамерлана². Итальянский путешественник первой половины XV века, Иосафат Барбаро, выделяет Аланию, как особую страну, которая вместе с Куманией и Хазарией является южной границей «Татарской равнины» (paeninsula di Tartaria). Все эти три страны он считает прилежащими к Азовскому морю (mare delle Zabache ch'è la palude

¹ Miklosich et Müller. Acta Patr. Constan. I, № 114, документ 1337 года. — Свидетельствами этого документа мы пользовались в нашей статье «Христианство у алан».

² Brosset. Additions et Eclaircissements à l'Histoire de la Géorgie. P. 389. — Klaproth. Reise in den Kaukasus und nach Georgien. II. S. 582.

Meotide [Забакскому морю или меотийским болотам)]¹. Южной границей Алании он называет Мингрелию и Грузию². О ее населении — *Alani, liquali nella lor lingua si chiamano As* [аланы, которые на их языке называются ас] — он свидетельствует, что оно было христианским и тяжело пострадало от татар (*furon scacciati et distrutti da Tartari* [были изгнаны и разорены татарами]). Иосафат Барбаро понимает, очевидно, погром Тамерлана.

Нам остается привести еще одно свидетельство, которое принадлежит византийскому историку Лаонику Халкокондиле. В своем описании событий половины XV века Лаоник имел случай упомянуть о кавказских делах, причем он сделал несколько беглых замечаний об аланах. Он отмечает их храбрость на войне (*τὰ πολέμια κράτιστοι* [они сильнейшие в военных делах]) и их искусство ковать панцири (*ποιοῦντες λωρίκια ἑξαιρέτα* [делают лучшие панцири]), а также изготавливать из меди оружие, которое и носит их имя (*ὄπλα ἀπὸ χαλκοῦ, τὰ Ἀλανικὰ καλοῦμενα* [оружие из меди, называемое аланским]). Лаонику известно, что они христиане и говорят на совершенно отличном от соседних народов языке³.

* * *

Таковы свидетельства об аланах на их родине до второй половины XV века. Свою национальность и язык сохранили они и доселе, удержали и память о своем христианстве, о восстановлении которого стало заботиться русское правительство с конца прошлого века.

¹ Семенов. Библ. иностр. писат. о Рос., I. С. 69.

² Там же. С. 89.

³ *Laon. Chalcocond. I. IX. P. 468-469 B.*

IX

Аланы в Крыму близ Херсона. Свидетельство Абульфеды.

Эпизод 1300 года в сообщении Пахимера.

Аланы в пределах империи. Следы алан в именах местностей.

Упоминание имени алан у историка Дуки под 1462 годом.

Аланы в Венгрии.

В дополнение к сведениям об аланах на их родине, где они сохранили свою национальность и поныне, мы должны привести свидетельства о пребывании их далеко на запад от прикавказских степей, где они исчезли, смешавшись в народной массе других племен. — Выше было уже упомянуто, что Рубрук встречал алан где-то в степях по дороге из Судака на Дон и Волгу. Полнее и существеннее свидетельство несколько более раннего времени, принадлежащее еп. Феодору, из послания которого были уже приведены показания об аланах на их родине. В своем послании еп. Феодор подробно рассказывает о своих приключениях в Херсоне. Во время вынужденной остановки в этом городе он встретил своих соплеменников, которые проживали неподалеку от города. О их местожительстве он выражается в таких словах: «близ Херсона живут аланы столько же по своей воле, сколько по желанию херсонцев, словно некое ограждение и охрана» (гл. 6) и свидетельствует о широком расселении аланского народа: «Племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до ивериян — древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили всю Скифию и Сарматию» (гл. 5). — О древности этого расселения и давности пребывания алан в соседстве с Херсоном еп. Феодор не оговаривается ни одним словом, но зато подробно рассказывает о своих сношениях с ними и последствиях этого.

Так как местный херсонский епископ, к епархии которого принадлежали эти аланы, пренебрегал в отношении к ним своими пастырскими обязанностями, они же сами, по словам еп. Феодора, жаждали христианского поучения; то он вступил с ними в общение и наставлял их в истинах христианства. Некоторое время он жил в их среде. Эта просветительная деятельность еп. Феодора навлекла на него неудовольствие херсонского епископа, признавшего в ней нарушение своих пастырских прав со стороны чужого епископа. Он привлек его на суд своего синода, от которого еп. Феодору пришлось потерпеть поношения и даже, по-видимому, заточение. Спасшись бегством из негостеприимного Херсона, еп. Феодор направился далее на восток и пробрался в Боспор (Керчь), где были также его соотечественники, но где ему не разрешено было начальником города (ἄρχων) выйти на берег.

Вместо подробностей о суде, которому подвергся еп. Феодор, нам было бы гораздо интереснее найти у него более ясные и определенные свидетельства об аланах в Крыму. Хотя его сообщение и очень кратко, но оно дано человеком, который вступал с ними в непосредственные сношения, общался с ними на их языке и жил среди них. Его замечание, что аланы составляют «некое ограждение и охрану» Херсона, заставляет вспомнить показание Константина Порфирородного о том, что аланы могут защищать «Херсон и климаты» от хазарских набегов. Для первой половины XIII века угрозой для византийских владений и христианского населения горного Крыма были уже не хазары, а половцы и татары, враги более страшные уже потому, что они были новые. Тем более нуждался в защите Херсон, и поселение хрис-

тианского, но дикого и воинственного народа, каким являлись аланы за все время своих сношений с Византией, могло давать безопасность торговому населению Херсона. В высшей степени интересно было бы определить, с каких пор аланы стали служить Херсону «ограждением» от северных варваров. Но, к сожалению, мы не располагаем никакими данными для определенного решения этого вопроса. Сказать можно лишь одно, а именно: поселение алан в тех пределах восходит ко времени до татарского нашествия и не стоит в связи с этим событием. Таков общий смысл свидетельства еп. Феодора, такова и историческая вероятность. Если бы аланы явились на далекий от родины запад в качестве добровольных или подневольных союзников половцев и позднее татар, то и отношение их к богатым торговым городам побережья могло бы быть только враждебным. Их мирное сожителство свидетельствует о существовании давнего знакомства и о прочных культурных сношениях, которые, очевидно, не прерывались со времени Константина Порфирородного, да и в то время имели большую давность. Мы бы считали весьма вероятным понять свидетельство царственного автора о залегании путей хазарам в том смысле, что аланы селились в отдельных крупных пунктах, важных для охраны интересов империи еще в ту пору, когда хазарская держава все более слабела как под ударами русских, так и вследствие высвобождения из под зависимости от нее новых тюркских орд. — Важно обратить внимание и на следующее обстоятельство. Если аланы, жившие где-то близ Херсона, сохранили, несмотря на живую связь с греками и подчинение греческой церковной иерархии, свой язык и свою национальную особенность, то этот факт сам по себе

является свидетельством того, что они не были затерявшимся среди чужих народов незначительным обрывком своего племени, а стояли в непосредственных сношениях с своими соплеменниками и опирались на значительную народную массу. Еп. Феодор не дает точных указаний относительно той местности, где жили аланы, у которых он нашел убежище и которых он просвещал словом веры. Из его рассказа можно только вывести заключение, что поселение их лежало неподалеку от Херсона и находилось не на морском берегу, а внутри полуострова, служа для греков прикрытием от занимавших степи варваров. Ближайшую помощь в локализации аланского населения может оказать нам арабский географ Абульфедда († 1331 г.). Помянув имя крепости *Кирк-йер* (н. Чуфут-кале), Абульфедда сообщает, что она лежит в области народа *асы*. *La situation de Kerker est à l'extrémité du septième climat, dans le pays des Asses... les habitants appartiennent à la race nomméeASSE* [Местоположение Керкера на краю седьмого климата в стране ассов ... жители принадлежат племени, называемом асс]. (*Géographie d'Aboulféda, trad. par Reinaud. Paris. 1848. II, I. P. 319*). Если аланы служили «ограждением» Херсона, то они, очевидно, занимали какой-нибудь крепкий пункт в соседней территории, и таким местом мог быть нынешний Чуфут-кале, как северный ключ прохода к поморью. Предания о взятии Кирк-йера татарами, сохраненные у Сеид Мухамед-Ризы в его сочинении «Семь планет» и у безымянного автора «Сокращенной истории Крыма», написанной на турецком языке, подтверждают свидетельство Абульфедды. Выдержки из этих источников приведены проф. Смирновым в его исследовании «Крымское ханство до половины XVIII века»

(Спб., 1887. С. 104 и сл.). Население Кирк-йера названо здесь по народности асами, а по религии — гяурами. Татары взяли этот город после упорного сопротивления, благодаря военной хитрости, придуманной эмиром Яшлавским, и поселили в нем караимов, которые обязаны были уплатой поголовной дани Яшлавским бекам. — Хотя это предание сохранено нам в произведениях поздней даты, а именно XVIII века, но тем ценнее упоминание о гяурах асах в Кирк-йере, имя которых точно передали оба автора, недоумевавшие, к какому народу их отнести. Риза назвал их «*могульским племенем*», а безыменный автор — *татарским*¹.

¹ *Григорович* в своей живой и интересной «Записке антиквара о поездке его на Калку и Кальмиус, в Корсунскую землю и южные побережья Днепра и Днестра». Одесса, 1874 — отметил следующий факт. Выселившееся из горного Крыма в конце прошлого века христианское население, известное ныне под именем мариупольских греков, делится на две ветви: одна называется *таты* и говорит по-гречески; «другая, которой прозвище *базариане*, не зная по-гречески, говорит татарским языком. Она выселилась из херсонской епархии, что доказывают и названия сел, тождественные с названиями сел между Севастополем и Тепе-Керменом» (С. 6). Проф. Григорович, отметив это различие двух групп в среде выселенцев из Крыма, высказал предположение, что базариане — потомки алан, обитавших в окрестностях Херсона. В доказательство пребывания алан в тех местах он сослался в примечании на «Аланское послание еп. Феодора». — Со своей стороны, позволю себе указать, что в западной части горного Крыма есть целый ряд местностей, в имени которых является слово «*черкес*» (*Кеппен*. Крымский сборник. СПб., 1837. С. 250–251); самая известная из них — пещерный город *Черкес-Кермен* (к востоку от Севастополя и к северу от

Помимо свидетельства об аланах еп. Феодора, есть несколько арабских свидетельств от того же века о пребывании алан в других местностях Крыма. Ибн-Абдезахыр свидетельствует, что аланы, вместе

Балаклавы). Кеппен считал нужным возражать против представления, будто в Крыму некогда жили черкесы, и готов был объяснить происхождение этого имени поселения и урочищ существованием собственного имени *Черкес* или *Черкас*, которое было в обращении у татар с давних пор. Мне представляется мало вероятным предложенное Кеппеном объяснение. Известно, во-первых, что крымские ханы имели живые сношения с черкесами переднего Кавказа, то дружественные, то враждебные, и мы знаем даже из русских документов о том, что черкесы были на службе у Менгли-Гирея и других ханов — Сборник Рус. Имп. Ист. Общ. Т. 41. С. 357, от 1501 г.; Т. 95. С. 140, от 1515 г. Таким образом, появление имени *Черкес* на территории Крыма могло иметь и другое происхождение. Во-вторых, татары могли перенести имя *Черкес* на алан, употребив этот термин в значении общего этнического имени. (Черкесы переднего Кавказа называли себя *Адиге*, как знал то Иосафат Барбаро и Георгий Интериан, осетины звали себя *Ирон*, но термин *Черкес* был тем не менее в употреблении как у византийцев, так и у итальянцев. Если признать вероятным это предположение, то память об аланах живет и поныне на территории Крыма не только в именах Биюк и Кучук-Ас, а в целом ряде местностей, а потерявшие свою национальность их потомки существуют под именем *басариан*. — Приняв к сведению указанное Григоровичем разделение мариупольских греков на татов и басариан, г. Ф. Браун признал в последних переродившихся крымских готв, и в 1890 г. объехал деревни татарского языка в надежде найти «следы готской жизни». См. его статью «Мариупольские греки» (Живая Старина, 1890 г. Вып. II. С. 79–92). Хотя он признается, что никаких «ясных следов готской жизни» он не нашел, тем

с кипчаками и русскими, населяли г. Старый Крым¹. Рукнеддин-Бейбарс, в рассказе о разграблении Ногаем Кафы в 1298 году², поминает о пребывании в этом городе аланских купцов, которые при этом пострадали наравне с остальными. Остается неизвестным, долго ли существовал этот не чуждый культуре слой аланской национальности и во что он впоследствии превратился, совершенно так же, как неизвестна нам судьба аланских поселений, которые в придонских местностях встречали Плано Карпини и Рубруквис. Но не лишено интереса отметить, что на территории степного Крыма в нынешнем Евпаторийском уезде живет и поныне имя *Ас* в названиях двух волостей: Бюк-Ас и Кучук-Ас, т. е. большой и малый Ас. Татарское население этих мест давно уже эмигрировало и земля занята немецкими колонистами, но старое имя живет и поныне.

не менее он полагает, что в голубоглазых блондинах, которые нередко ему попадались среди населения другого типа, проявляется атавизм готской крови. С этим предположением можно вполне согласить гипотезу Григоровича, так как готы и аланы в Крыму были ближайшими соседями, занимали одну и ту же территорию: Мангуп и Черкес-Кермен находятся в самом близком расстоянии. Прибавлю, что голубоглазые блондины с красивым статным сложением нередки в поселениях по верхнему течению Бельбека и Качи в горном Крыму. По крови — то родные братья мариупольских греков, но омусульманившиеся раньше выселения или даже как раз в то время для того, чтобы не выселяться с родины в негостеприимные тогда и дикие степи Поазовья.

¹ *Тизенгаузен*. Материалы для истории Золотой Орды. Т. I. С. 63; Ср.: Эльмуфарададь. С. 192.

² Там же. С. 112.

За пределами Крыма в западной части припонтских степей жили в пору, близкую ко времени еп. Феодора, его соотечественники и оставили непосредственную память о себе и доселе в названии одного города. Разумеем главный город нынешней Молдавии Яссы, *Jasi*, который в известном «списке градом русским», приурочиваемом к половине XIV века, носит название *Аский торг*. Так как возникновение такого имени никоим образом не могло быть делом случая, то оно уже само по себе является вполне определенным свидетельством об ясах, или аланах, которые имели здесь торговый центр обмена с русскими, зачислившими этот город в число своих. Пробывание алан в тех местах засвидетельствовано в эпизоде, на котором мы имели случай останавливаться в другой связи и в другом месте¹. Разумеем сообщение Пахимера о поступлении на византийскую службу целой аланской орды в 1300 году. Событие это стоит в связи с гибелью Ногая и последовавшей затем междуусобной войной между его сыновьями, Джекой и Текой. Из арабских свидетельств об этих событиях, которые существенно дополняют рассказ Пахимера, видно, что улус Ногая обнимал огромную страну от Яика и до Дуная, Ногай властно вмешался также в дела Болгарии. Его сын Джека предпринимал походы в Болгарию и находился в ближайшем родстве с царем Тертерием. На нижнем Дунае был центр его улуса, и туда он бежал после одной неудачи. Повествующий об этих событиях арабский писа-

¹ Визант. Врем. III (1897): «Где находилась Вичинская епархия Константинопольского патриархата?» С. 324 и сл.; Ср.: *Брун*. Черноморье. II. С. 354 и сл.

тель Рукнеддин Бейбарс называет землю, куда бежал Джека, «страной асов»¹. Когда по смерти Джеки золотоордынский хан Тохта выступил на запад, чтобы принять под свою непосредственную власть улус Ногая, на нижнем Дунае появилась орда алан в количестве свыше 10 тысяч человек, которая через посредство вичинского епископа Луки просила императора Андроника о разрешении вступить в пределы империи и поступить на византийскую службу. Пахимер, рассказавший подробно о том, какова была эта служба до своего печального конца в 1313 году, называет этих алан «верными сподвижниками Ногая» и участниками в его походах. К сожалению для нас, Пахимер очень неопределенно выражается о прошлом этой орды и не знает, по-видимому, были ли эти аланы туземцами в тех местах, откуда перешли за Дунай, или же пришельцами с востока, как и их повелитель; не говорит он ничего и о том, осталось ли аланское население на левом берегу Дуная, или же перешло все целиком в пределы империи. Мы позволяем себе думать, что та орда в 10 т. человек, которая перешла в пределы империи в 1300 году, была лишь частью аланского населения области к северу от нижнего Дуная.

В подтверждение такого решения вопроса можно указать прежде всего на несколько свидетельств об участии алан в событиях первой половины XIV века на Балканском полуострове. Так в 1313 году, т. е. в то время, к которому относится конец эпизода, рас-

¹ *Тизенгаузен*. Материалы для истории Золотой Орды. Т. I. С. 116: «он (Джека) отправился в страну асов, в которой находился предводитель и 10000 войска его».

сказанного у Пахимера, «ясы» помогали сербскому царю Милутину в его войнах с врагами¹. К 1323 году относится свидетельство Кантакузина об аланах на службе у болгарского царя под командой храброго русского воеводы Ивана, когда он отстаивал Филиппополь от византийцев². В 1330 году, когда против Сербии составила коалиция семи государей, в числе последних названо «господство Яшко». В виду этих свидетельств необходимо допустить, что и после перехода аланской орды в пределы империи в 1300 году, соплеменники их оставались жить где-то в пределах бывшего Ногаева улуса и являлись оттуда на помощь то сербам, то болгарам. В свидетельстве об их участии в коалиции против сербов в 1330 году приблизительно указана эта территория. Самое свидетельство сохранено в предисловии к Законнику Душана³. Враги сербов названы в таком порядке: 1) царь греческий, 2) царь болгарский Михаил, 3) его брат Белаур, 4) племянник Александр, 5) Иванько Бессараба (тесть Михаила), 6) зять Иваньки Александр, «царь соумечь живущих чръных татар» и 7) «господство Яшко». — Совершенно очевидно, что задунайских врагов автор сообщения перечисляет с запада к востоку и территория, на которой он их размещает, соответствует нынешней Валахии с Молдавией, а самое имя «господство Яшко» ведет нас туда, где русская летопись знает город *Аскый-торг*.

¹ Это свидетельство заимствуем из статьи *Руварца*, которая нашла себе место в русском переводе на страницах *Живой Старины*, IV, I (1894). С. 73–77.

² *Cantacus*. I, 36. P. 173 B.

³ Приведено у *Руварца*: Законник Стефана Душана. Изд. Наваковича. С. XXIII.

В поисках следов алан в пределах Молдавии уместно будет упомянуть названного уже выше Иосафата Барбаро, свидетельства которого относятся к первой половине XV века. Кроме тех мест из его «Путешествия в Тану», которые приведены выше, есть у него еще одно упоминание об аланах в изложении о Крыме. — «Прямо позади острова Кафы, на берегу Черного моря, лежит сначала Готия, а потом Алания, простирающаяся вплоть до самого Монкастро... От соседства готов с аланами произошло, как я полагаю, название готаланов (Gothalani). Аланы были первоначально обитателями страны. Пришли готы, покорили их и, смешав имя свое с их именем, назвали себя готаланами, т. е. народом, составленным из двух различных племен. Все они, равно как и черкесы (Circassi), исповедуют греческую веру (fanno alla Greca)»¹. — Ученый домысел автора о готалангах не имеет, конечно, никакого значения, и, за отсутствием других свидетельств, возможно сомнение, что когда-либо существовало в пределах Крыма смешанное население, носившее такое имя. Неизвестно, откуда почерпнул Иосафат Барбаро свое сведение о том, что аланы на территории Крыма древнее нежели готы, что до известной степени справедливо, как мы старались то утвердить на основании некоторых данных: быть может, оно явилось у автора собственным домыслом. Но интересно и важно в его сообщении то, что он помещает алан в степные местности от южного Крыма в направлении к Монкастро (т. е. Аккерману), крепости на лимане Днестра, которая была некогда занята генуэзцами, а в пору Иосафата Барбаро

¹ Семенов. Указ. соч. С. 94.

принадлежала воеводе молдавскому¹. Некоторые исследователи полагали, что сообщение Иосафата Барбаро об аланах в этих пределах есть лишь недоразумение, имеющее в своей основе смешение имен: аланы и уланы. Мы не можем согласиться с таким толкованием, как в виду приведенных выше свидетельств об аланах на территории Крыма, так и того обстоятельства, что Иосафат Барбаро определенно отмечает христианское исповедание алан, как и непосредственно знакомых ему готов² и черкес, — и поэтому полагаем, что Иосафат Барбаро дает подтверждение факта, засвидетельствованного существованием имен Бюок и Кучук-Ас на территории нынешнего Крыма. Он ведет аланское население далее на север, к нижнему течению Днестра. Брун, который также признавал в сообщении Иосафата Барбаро свидетельство живой современной ему действительности, указал на одно топографическое подтверждение пребывания алан на нижнем Днестре, а именно: существование селения с именем *Яска* (против Оленешти)³.

¹ Для начала XIV в. см. свидетельство Дуки: *Ducas*. P. 202 В. (рассказ о помощи византийского императора князю Дану, Ντάνος).

² *Семенов*. Указ. соч. С. 94: *Gothi parlano il Todesco. So questo perche havendo un famiglio Todesco con me, parlavano insieme e intendevansi, cosi come s'intenderia un Furlano con un Fiorentino* [Готы говорят языком немецким, в чем я сам удостоверился, имел при себе слугу немца, который свободно объяснялся с ними на природном языке своем, и они также хорошо понимали друг друга, как у нас житель Форли понимает флорентинца].

³ *Брун*. Черноморье. II. С. 356. — *Григорович* в цитированной выше «Записке антиквара», с. 37 — отождествляет

Ввиду полноты собрания свидетельств об аланах не считаем удобным опустить одно упоминание их имени у историка Дуки в повествовании о событиях 1462 года. В рассказе о войне Мурада II с валашским воеводой Владом IV (1456–1462)¹ Дука сообщает, что Влад, готовясь дать отпор туркам, укрыл главное имущество своего пастушеского народа — скот, угнав его «во внутренние местности» своей страны (τὰ ἐνδότερα), и прибавляет пояснение: τὰ πρὸς Ἀλανοὺς καὶ Οὐννοὺς [область аланов и гуннов]². Другой византийский историк, представивший более подробный и обстоятельный рассказ о тех же событиях, Лаоник Халкокондила, сообщает, что валахи спасались в горные местности εἰς τὸ Πράσοβον [в (горы) Прасобы], т. е. в Трансильванские горы, в соседство нынешнего Семиградья³. Так как союзником турок в этой войне был воевода Молдавии, Стефан, против

село Яски или Яска с Аским торгом Воскресенской летописи. Но в летописи сказано: «Аский торг на Пруте реке». Тот же исследователь переименовывает Оленешти в Аланешти и признает в имени этого селения второе указание на алан. Полагаю, что этого слишком много, и лучше остаться при одном свидетельстве. Там же называет он митрополита Вичины «митрополитом алан», что, конечно, неосновательно, как разъяснено то в названной выше статье моей о Вичинской епархии константинопольского престола.

¹ Четвертым (а не пятым) воеводой этого имени назван он в новейшей обработке румынской истории: *Xéporol. Histoire des Roumains*. Paris, 1896. Т. I. С. 266 и сл. — *Голубинский*. Ист. церк. болг. рус. и сербской. С. 314. — называет его (вслед за *Палаузовым*) Владом V.

² *Ducas*. Сар. 45. Р. 345 В.

³ *Laonic. Chalcocond.* Р. 505 sqq. В.

которого Влад предпринимал одновременно с тем военные действия (что подробно рассказано у Лаоника Халкондила), то указание того же автора на территорию, куда Влад спасал свои стада, не может возбуждать никакого сомнения. Для надлежащей оценки свидетельства Дуки следует принять в соображение литературную манеру этого писателя и этнографическую терминологию, которой он придерживается. В противоположность многим предшественникам и своему современнику, названному выше Халкондиле, Дука пишет простым языком, близким к тогдашнему живому наречию, и в обозначении народностей употребляет по большей части подлинные имена, а не старинные термины, обращавшиеся у византийских историков от далекого прошлого. Он хорошо знает имя Οὐγγροι [угры] и Οὐγγρία [Угория], и так именно называет мадьяр, которым тогда, как и ныне, принадлежала Трансильвания. Но вместо того чтобы назвать нам мадьяр и немцев, которые тогда сидели уже в Семиградьи, Дука называет «гуннов и алан»¹.

В двух других случаях, в которых он употребляет имя гуннов, он понимает под ним, несомненно, татар (с. 136 и 138 бонн. изд.). Естественно поэтому признать

¹ Издатель Дуки в XVII в., Буллиальд, в своем примечании к этому месту — с. 628 бонн. изд. — дал такое толкование: «Alani in Sarmatia Europea sedeshabuerunt, Podolia hodie appellatur illa regio. Οὐννοι sunt Hungari, qui Daciam occuparunt [Аланы обитают в европейской Сарматии, ныне эта область называется Подолией. Гунны — это венгры, которые занимают Дакию]». — Последнее неверно, как на то указано нами в тексте; а первое является довольно смелым домыслом.

указание на татар и в этом упоминании имени гуннов. Если же это так, то выходит, что Дука имел в виду не Трансильванию, а территорию на северо-восток от столицы Влада, т. е. пределы Молдавии. Так как повествование Дуки заканчивается на рассказе об этом событии 1462 года, и он говорит о нем очень кратко, то возможно, что он не знал ничего об отношениях Влада к молдавскому князю и считал для первого безопасной территорию, прилегавшую к пределам Молдавии. В таком случае в его «гуннах» можно признать «черных татар», участвовавших в коалиции против сербов в 1330 году и нередко упоминаемых в валашских грамотах. Соседние с ними «аланы» ведут нас, таким образом, к той территории, на которой и ныне живет имя «Яссы».

* * *

В заключение предложенного обзора свидетельств об аланах мы должны упомянуть еще об одном событии в судьбах этого народа, которое относится к первой половине XIII века. Разумеется выселение аланясов вместе с половцами в пределы земли мадьяр. Венгерские летописцы называют только половцев — куманы, куны; но исторический результат водворения их в равнинах среднего течения Тисы делает несомненным участие алан в этом переселении и, таким образом, является свидетельством о том, что аланы в ту пору, когда южнорусские степи были во власти половцев, составляли заметную часть кочевого населения страны. Последнее и самое значительное переселение половцев в Венгрию совершилось в 1237 году под предводительством знаменитого хана Котьяна, имя которого так часто помянуто в русской

летописи. Относительно свидетельств о водворении и судьбах половцев в Венгрии мы можем сослаться на новейшую, сколько нам известно, ученую работу по этому вопросу, принадлежащую проф. Голубовскому¹. Почтенный автор, следуя своим венгерским предшественникам, не остановился на выяснении вопроса об участии в переселении 1237 года народа, который у венгров носит имя *Jászok* (в ед. ч. *Jász*=Яс), *Jassones seu Philistei* [яссоны или филистеи] латинских документов XIV века. Область, носившая имя *Jaszok* [Ясзок], расположена к северу от *Большой* и *Малой Кумании*, хранящих и доселе в своем имени воспоминание о потерявшем свою национальность древнем населении этих областей. *Jassones* или *Philistaei*, соседившие с куманами, являются в упоминаниях венгерских летописцев всегда вместе с последними и пользовались одинаковыми с ними привилегиями. Историческая реминисценция об языгах, занимавших равнины между течением Тисы и среднего Дуная в период римской империи, затемнила вопрос о происхождении имени народа *Jassones*². Современные венгерские ученые производят имя *jászok* от *ijass*, что значит — стрелок из лука³, не угадывая в этом названии этнического имени. За ними последовал и проф. Голубовский в названном выше исследовании о половцах в Венгрии. Правильнее взглянул на вопрос покойный наш академик Куник,

¹ Голубовский. Половцы в Венгрии: Исторический очерк. Киев, 1889.

² *Hunfalvy*. Ethnographie von Ungarn (übetr. v. Scwicker). Budapest, 1877. S. 244; 422.

³ Ibid.

который в своих извлечениях из трудов венгерского ученого Ернея и замечаниях к ним, опубликованных в 1855 году, признал в венгерских *Jassones* [яссонах] — ясов нашей летописи¹. Мнение Куника разделял Брун, не останавливавшийся, впрочем, на разъяснении этого вопроса. В одном случайном упоминании Брун привел цитату из Длугоша, которая является неопровержимым аргументом в пользу тождества венгерских *Jassones seu Philistei* с нашими ясами. — «Item Dressa (fluvius) cuius fons circa Drogum oppidum, ostia prope Jasky-Torg in Pruth, alias *Philistinorum forum* [Также (река) Дресса, чье начало у города Дрога, а устье возле места Яский-Торг на Пруте, иначе — рынка филистимлян]»². Итак, для Длугоша имена «филистимляне» и «ясы» были этническими терминами, соответствовавшими определенному народу, а так как первое имя прилагалось к населению области *Jaszok* в Венгрии и Длугош считал уместным перенести его на берега Прута, то очевидно, что для него имя «ясы» было живым и понятным этническим термином.

Пока имя «ясы» вызывало непременно представление о Кавказе, до тех пор естественно было игнорировать историческое свидетельство о них, данное в живом и доселе имени *Jaszok* в Венгрии. (Как известно, Карамзин понимал свидетельство о бегстве Джеки в «страну асов» в том смысле, что Джека бежал в предгорья Кавказа.) Когда же теперь в нашем распоряжении находится целый ряд свидетельств

¹ Записки Имп. Акад. Наук по 1 и 3 отд. Т. III (1855). С. 732 и сл.

² Брун. Черноморье. II. С. 356.

об аланах-ясах в южнорусских степях, то вряд ли возможно сомневаться в тождестве венгерских *Jassones* с нашими ясами; а связь куман с яссонами и даже отождествление этих народов у венгерских летописцев заключает в себе указание на хронологический момент переселения ясов в пределы Венгрии.

ХРИСТИАНСТВО У АЛАН

I

Аланы, т. е. предки нынешних осетин, были в X веке христианским народом. Сведение об этом в самой ясной и определенной форме сохранено Константином Порфирородным в сочинении *De ceremoniis aulae Byzantinae* [О церемониях византийского двора]. Перечисляя формулы официального обращения византийского императора к властителям разных племен и народов, царственный автор приводит также и ту, с которой надлежало обращаться к властителю Алании. Текст ее таков¹:

Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ ἁγίου πνεύματος, τοῦ ὄντος καὶ μόνου ἀληθινοῦ Θεοῦ ἡμῶν. Κωνσταντῖνος καὶ Ῥωμανὸς πιστοὶ ἐν αὐτῷ τῷ Θεῷ βασιλεῖς Ῥωμαίων πρὸς ὁ δεῖνα ἐξουσιαστὴν Ἀλανίας καὶ πνευματικὸν ἡμῶν τέκνον [Во имя Отца и Сына и Святого Духа сущего и единого истинного Бога нашего. Константин и Роман, верные в Боге императоры ромеев, к такому-то властителю Алании и духовному нашему сыну].

Текст этого обращения, в особенности если сравнить его с другими подобными формулами, как то: к киевскому князю, к хазарскому кагану, а также к разным кавказским державцам, свидетельствует о близких в ту пору отношениях между Византией

¹ *Const. Porphyg. De cer. II. Cap. 48, I. P. 688 B.*

и Аланией и о том значении, какое имел властитель Алании в сфере тогдашних политических интересов. Не касаясь в данной связи политической стороны вопроса, мы можем извлечь из приведенной формулы непреложное свидетельство о том, что аланы были христианским народом в половине X века, когда писал Константин Порфирородный. Какую же давность имело в ту пору христианство у алан и с какого времени стало оно народной религией?

Вопрос этот ставил и разрешил его вполне определенно преосвященный Макарий в своей «Истории христианства на Руси до Владимира». Во втором издании этого сочинения (СПб., 1868) автор посвятил аланам целую главу, стр. 85–97. Нельзя, однако, сказать, чтобы преосвященный Макарий разъяснил вопрос; напротив, он ввел в него целый ряд неосновательных предположений и гипотез, которые его скорее затемнили, чем содействовали его разрешению.

Так, во-первых, преосв. Макарий утверждал начало христианства у прикавказских алан в IV веке, основываясь на том, что у Сократа, Кирилла Иерусалимского и Иоанна Златоуста есть упоминание о христианстве у «савроматов», причем автор не сделал однако попытки выяснить, кого именно следует разуметь под савроматами в кратких и случайных упоминаниях имени этого народа у названных писателей. Во-вторых, он считал вполне несомненным фактом, что аланская епархия существовала в VIII веке, хотя и отметил, что первое упоминание епархии этого имени заключается в росписи кафедр, принадлежащей времени Льва Мудрого (887–911), — последнее также неверно. В-третьих, он признал вторую аланскую епархию в митрополии Вичинской, следуя в данном случае Ле-Киену, который помеща-

ет Вичину на Кубани. Так как при том преосв. Макарий верил в тождество алан и хазар, то известный эпизод миссионерской деятельности просветителя славян, Константина-философа на берегах Волги, запутывал его в противоречие с самим собой. Выход из затруднения он нашел довольно простой: он допустил предположение, что христианство существовало у алан наряду с другими «верами», что оно господствовало «только в верхней половине Алании, между Доном и Волгой, в то время, когда в нижней половине, у Кавказа и Каспийского моря, только что вздумали искать себе просветителей» (стр. 95).

Признавая изложения вопроса о христианстве у алан в труде преосв. Макария лишенным всякого научного значения, так как оно не основано на тщательном анализе данных и изобилует ни на чем не основанными домыслами, мы не считаем нужным входить в его опровержение. Из других наших церковных писателей никто, сколько нам известно, не касался вопроса о том, когда аланы стали христианским народом; таким образом, дело остается и доселе в том неверном освещении, какое дал ему преосв. Макарий.

В противоположность утверждениям заслуженного историка Русской Церкви мы со своей стороны полагаем, что христианство у алан в пору Константина Порфирородного имело очень незначительную давность: оно восходило лишь к началу X века. Показание в этом смысле дает источник, оставшийся неизвестным преосв. Макарию, а именно: переписка патриарха Николая Мистика.

Как известно, Николай Мистик дважды занимал патриарший престол: от 901 до 907 года и от 912 до 925. Из сборника его писем к интересующему нас

вопросу относятся следующие семь: 46, 51, 52, 118, 133, 134, 135; пять из них обращены к архиепископу Алании Петру, а именно: 52, 118, 133, 134, 135, а два остальные, 46 и 51, — к властителю авазгов, Григорию. Кроме того, сюда же относится одна заметка патриарха в 9-м письме, обращенном к царю болгарскому Симеону. Сообщения патриарха в этих письмах не оставляют никакого сомнения в том, что просвещение алаи светом христианства совершилось в патриаршество Николая Мистика и притом, вероятно, в ту пору, когда он вторично занял патриарший престол¹; непосредственное участие в этом деле принимал властитель Авазгии. Излишне быть может напоминать, что христианство у авазгов имело в ту пору почтенную давность: оно существовало со времени имп. Юстиниана Великого. Обращаемся к содержанию указанных писем.

В первом из них, № 46 Сборника, патриарх приветствует князя Авазгии с восшествием на трон недавно умершего отца его, выражает свое сочувствие его сыновней скорби, хвалит доблести почившего и высказывает любезное пожелание, чтобы сын превзошел в них своего отца; а в заключение письма, отвечая, по-видимому, князю на его вопрос относительно содействия «архиепископу Алании», патриарх предоставляет дело доброжелательному усмотрению князя, выражая полную уверенность в том, что он окажет содействие пастырю соседнего народа, если

¹ Высказываем эту догадку на том основании, что 9-е письмо (к царю Симеону) написано после несчастной для ромеев битвы при Ахелое 20 августа 917 года. В письмах к князю авазгов и архиепископу Петру нет никаких указаний на события, которые бы имели определенную хронологическую дату.

тот, находясь в чужой стране, быть может, нуждается в самом необходимом для жизни¹.

Во втором письме к тому же князю (51) патриарх хвалит его за святую ревность в деле просвещения светом истины народа алан и продолжает так: «От разных лиц, которым известно о твоих подвигах, мы узнали, что ты положил с Божьей помощью большое старание в деле просвещения князя Алании и тех, которые вместе с ним удостоились святого крещения»². В заключение патриарх благодарит князя за гостеприимство и помощь, которое он оказал архиепископу-миссионеру³.

¹ *Migne. Patr. Gr. T. CXI. P. 236.* — Αὐτὸς γὰρ συνετὸς ὢν καὶ φρόνιμος καὶ εἰδὼς τὸ ἐκείνου ἔργον ... καὶ συνεπικουρήσεις αὐτῷ καὶ συναντιλήψῃ τῶν πόνων· καὶ εἴ τις ἐν ἔθνει τοιοῦτω καὶ γῆ ξένη τῶν ἀναγκαίων καὶ ἀνεσιν τῆ ζωῆ φερόντων ἐνδεής ἐστί, προθύμως ἐπιχορηγήσεις τοῦ Θεοῦ σοι δυνάμει παρασχόντος [Ты сам понятлив и разумен, и знаешь его дело ... и поможешь ему и окажешь помощь в его трудах; и если среди этого народа и на чужой земле он будет нуждаться в чем-то необходимом или в том, что приносит утешение в жизни, ты охотно предоставишь это, если Бог даст тебе силу]. — Ни князь, ни архиепископ не названы в этом письме по именам.

² *Ibid. P. 241.* Ανεμάθομεν γὰρ ἐκ διαφόρων τῶν ἐπισταμένων τὰ σὰ κατορθώματα, ὡς μετὰ γε Θεοῦ πολλὴν τὴν πρόνοιαν κατεβάλου εἰς τε τὸν φωτισμὸν τοῦ τῆς Ἀλανίας ἀρχοντος καὶ εἰς τοὺς ὅσοι σὺν αὐτῷ κατηξιώθησαν τοῦ ἀγίου βαπτίσματος.

³ Среди писем патриарха Николая есть еще одно, обращенное к тому же князю, № 162. Оно не содержит в себе ничего относящегося к нашему вопросу, но оно интересно в том отношении, что в его заголовке князь авазгов назван по имени: Γρηγορίῳ ἐχουσιαστῇ Ἀβασγίας [Григорию, властителю Авазгии] — Позволим себе кстати отметить, что то же самое имя носил князь авазгов, правивший в конце

Письма патриарха к архиепископу Алании Петру проникнуты самым искренним чувством дружбы и участия к делателю на новой ниве христианского просвещения. Во всех пяти патриарх утешает и ободряет миссионера, увещевая его к бодрости и энергии в сознании величия его призвания. Несколько раз делает он замечание, что крещение алан — дело недавнее. Так, в одном из этих писем (52) есть такая фраза: «Разве ты не разумеешь, что человеколюбец Спаситель наш, уничиживший Себя из высоты славы Своея, чтобы спасти погибшее, чтобы ходящих во мраке нечестия вывести на свет благочестия, направил и тебя на служение, которое Сам избрал для Себя? ... разве не считаешь ты себя самым блаженным среди людей¹?» В конце того же письма патриарх, давая пастырское разъяснение на изложенные в письме к нему архиепископа Петра затруднения водворить христианские нравы в семейный быт новообращенных, выражается так: «Ты сам понимаешь, что нелегко дается переход от языческой жизни к строгости Евангелия». В виду этого он советует архиепископу Петру действовать отеческим убеждением, допускать строгость в отношении простых людей, но соблюдать осторожность в отношении людей знатных и властных, чтобы не отвратить от христианства весь новоприобретенный для Церкви народ².

VII века, как известно то из письма сосланного на Кавказ поборника православия Анастасия к пресвитеру Феодосию в Ганграх. *Migne. Patr. Lat.* Т. 129. Р. 659–664.

¹ *Migne. Patr. Gr.* Т. 129. Р. 244.

² *Ibid.* Ep. 52. Р. 245. Περὶ δὲ ὧν ἐγραψας τῶν τε κατὰ γάμον ἐναντιουμένων πραγμάτων τῇ καταστάσει τῆς Ἐκκλησίας, καὶ τῶν ἄλλων ὅσα πρὸς τὸν ἐθνικώτερον τρόπον ὑπάγει τοὺς χρωμένους, οὐκ ἀγνοεῖ σου ἡ σύνεσις, ὅτι οὕτως ἀθρόον ἢ

В другом письме (133) патриарх выражается так: «народа, которому ты послан вождем и спасителем, вторым после первого Спасителя и Бога нашего» (καὶ τῆς τοῦ λαοῦ σωτηρίας, οὐ σὺ ὁδηγὸς ἀπεστάλης καὶ σωτὴρ, μετὰ γε τὸν πρῶτον ἡμῶν Σωτῆρα καὶ Θεόν). В том же письме аланы названы народом, вновь призванным к благочестию (τοῦ νεοκλήτου πρὸς τὴν εὐσέβειαν ἔθνους); а далее речь идет опять о незаконных браках (ἄθεσμος γάμος), причем патриарх опять внушает допускать послабления в отношении князя страны (ἡγεμῶν τοῦ ἔθνους) и людей, уже издавна живущих в таких браках¹. Из контекста письма не

μετάστασις τῆς ἐθνικῆς ζωῆς πρὸς τὴν ἀκρίβειαν τοῦ Εὐαγγελίου τὸ ῥάδιον οὐ καταδέχεται. Διὸ τοῦτο χρῆ τὴν μὲν διδασκαλίαν καὶ τὴν πρὸς τὰ καλὰ ὁδηγοῦσαν παραίνεσιν ἀδιαλείπτως πατρικῶς καὶ μετ' ἐπιεικέλας προσάγειν· καὶ οἷς μὲν πειθόμενοις ἔχεις, εὐχαριστεῖν τῷ διδόντι χάριν τῇ σῇ διδασκαλίᾳ· οἷς δὲ δυσχεραίνοντας ὀρᾶς, ἀνέχεσθαι μακροθύμως καὶ μάλιστα τῶν ἀπειθούντων τῆς ὑψηλοτέρας τάξεως τοῦ ἔθνους ὑπαρχόντων, καὶ οὐ τῶν ἀρχομένων, ἀλλὰ τῶν ἀρχεῖν λαχόντων [Относительно того, что ты писал мне о браке, заключаемом вопреки установлениям Церкви, и о других подобных обычаях, которые приводят поступающих таким образом к языческому порядку, то ты своим разумом не можешь не понимать, что полный переход от языческой жизни к строгости Евангелия не бывает легким. Поэтому следует идти к цели через наставления и благотворные проповеди постепенно и по-отечески. И если встречаешь послушных, нужно благодарить Того, Кто дал тебе милостивое благословление на твое учение; если же видишь упорствующих, нужно терпеливо это вынести, особенно если непослушные из высшего сословия народа и не из тех, кто управляет, но из тех, кто сам правит].

¹ *Migne. Patr. Gr. T. 129. P. 353.* Περὶ δὲ τοῦ ἀθέσμου γάμου, εἰ μὲν οἶάν τε, παραίνεσει καὶ διδασκαλίᾳ λίσαι τὴν συζυγίαν, πᾶσα Θεῷ

видно, какие то были браки и в чем являлись они незаконными. Не будет слишком смело предположить, что, между прочим, то было многоженство. Напомним, что доминиканец Юлиан, посетивший Матрегу, т. е. Таматарху-Тмуторокань, около 1235 года сообщил, что князь той земли, исповедывавший вместе со своим народом христианство греческого исповедания, имел сто жен¹.

χάρις. Εἰ δ' ἀντιβαίνοι τοῦ πράγματος ἡ δύναμις τέως μηκέτι προκόπτειν τὸ κακὸν, μηδ' ἀπὸ τοῦ νῦν ἐπιτρέψειν τοιοῦτοις γάμοις καταπολύεσθαι τὸ γένος. Τοῦτο δὲ πράξεις συνήθως τῷ τε ἡγεμόνι τοῦ ἔθνους ὑποτιθέμενος καὶ τῷ ἀνδρὶ, ᾧ συγχωρεῖται τὸ συνοικεῖν διὰ τὴν ἤδη φθάσασαν σύναψιν [Относительно беззаконного брака: если возможно расстроить такую связь увещанием и наставлением, хвала Богу! Если же сила обстоятельств препятствует этому, не позволять хотя бы разрастаться злу, не допускать впредь, чтобы такие браки развращали народ. Делай это в обычной обстановке, давая советы вождю народа и человеку, с сожителем которого надо соглашаться из-за сложившейся уже связи].

¹ Зап. Имп. Одесс. Общества Ист. и Древ. Т. V. С. 699 (перевод документа, напечатанного в изд. *Theinber'a Vetera documenta historicae Hungariae*). — Когда в конце прошлого и начале текущего столетия грузинские и русские миссионеры восстанавливали захудавшее христианство у осетин, то им приходилось бороться против «обычая женитьбы на женах умерших братьев, на женах даже умерших сыновей», и миссионеры прибегали к помощи начальства против «секретного ложа». — Г. Лавров, в своем исследовании «Заметки об Осетии и осетинах» в 3-м выпуске «Сборника для описания племен и местностей Кавказа» (1883 г.), с уверенностью признает в этом обычае влияние магометанства (С. 267). Но, может быть, этот обычай восходит к более давнему времени. Позволим себе указать на одно сообщение о прикавказских «гуннах» в «Истории агван»

Утешая и ободря просветителя Алании в его трудном деле и оправдываясь от его упрека, будто он забыт в Константинополе, патриарх имеет случай предостеречь его от раздора с другим миссионером в тех странах, Евфимием (письмо 135). Патриарх хвалит Евфимия, как мужа богобоязненного, благочестивого и добродетельного¹. Текст письма оставляет нас в неизвестности, кто был Евфимий, и на какой почве возникло столкновение с ним у архиепископа Петра. Быть может, следует искать разъяснения в том упреке, который патриарх сделал Петру в предшествующем (133) письме, а именно: притязание на первенство (οὐδὲ τὴν ἀρχὴν ὑπολαμβάνειν ἐχρῆν [не нужно было брать власть]). В письме к болгарскому царю Симеону (9-е письмо Сборника) патриарх Николай, рекомендуя царю своего посланца, сообщает, что он был миссионером в Алании, откуда в настоящее время воротился. Быть может, этот монах, из аскетов Олимпа (τῶν ἐν Ὀλύμπῳ ἀσκητῶν), был вторично послан в Аланию на помощь архиепископу Петру, и там вышло у них препирательство из-за первенства в деле просвещения алан светом христианства².

В переписке патриарха Николая есть еще одно письмо, которое, быть может, также относится к занимающему нас вопросу и заключает в себе указа-

Моисея Каганкатваци. СПб, 1861. С. 194: «Также преданные афродитным желанием согласно языческим нравам своим, они брали в супружество жену отца, у них два брата имели одну жену и брали также разных жен». Речь идет о событиях конца VII века.

¹ Patr. Gr. T. CXI. P. 360.

² Таково истолкование, предложенное *Hergenröther*'ом в его исследовании: Photius. Bd. I. S. 538, где он касается вопроса о деятельности архиепископа Петра.

ние на то лицо, которое призвало внимание патриарха к аланам. Разумею письмо 106, обращенное к епископу Херсона¹. В нем патриарх воздает адресату хвалу за его заботы о просвещении светом христианства какого-то народа, «обманутого и едва не уловленного злым демоном из недр благочестия» (τὸ ἐξηπατημένον ἔθνος καὶ μικροῦ συληθὲν ἐκ τῶν τῆς εὐσεβείας κόλπων ὑπὸ ποιηροῦ δαίμονος). Он предлагает епископу Херсона избрать достойное лицо в епископы для этого народа и прислать его для посвящения в Константинополь, причем из контекста ясно, что народ этот не имел доселе своего пастыря (καὶ πρὸς ἡμᾶς ἐξαποσταλῆναι τοῦ ἐν τῷ παναγίῳ Πνεύματι εἰς τὴν τῆς ἐπισκοπῆς τάξιν προχειρισθῆναι, καὶ εἰς ποιμένα τοῦ τέως ἀποστερημένου τοῦ ποιμαίνοντος ποιμνίου καταστῆναι [пусть направлен будет к нам тот, кого можно во имя Пресвятого Духа рукоположить в ранг епископа и пастыря народа, доселе лишенного опекающего его пастыря]). — Так как первым епископом у алан был Петр, а Евфимий действовал в этой стране раньше его и оттуда воротился в Константинополь, то, таким образом, является весьма вероятным, что в письме патриарха к епископу Херсона речь идет именно об аланах. Впрочем, в переписке патриарха с архиепископом Петром ни разу не встречается упоминания о каких-либо отношениях к херсонскому епископу; потому мы не можем, конечно, настаивать на нашей догадке.

Как бы ни обстояло дело в этом частном вопросе, письма патриарха Николая дают совершенно ясное и определенное свидетельство о том, что аланы вместе с своим князем были крещены в начале десятого

¹ Patr. Gr. T. CXI. P. 321, 323.

века, а до тех пор были народом языческим. Давние сношения алан с Византией, о которых сохранилось немало известий у византийских писателей (так, Прокопий называет их друзьями христиан и империи издавна, ἐκ παλαιού¹), а равно также их сношения с христианскими соседями, иверами и авазгами, делают весьма вероятным, что христианство не было неизвестно издавна в стране алан. Быть может, нередко были случаи обращения в христианство отдельных лиц и семейств; но то были частные факты, не имевшие большого значения, и аланы, как народ, оставались язычниками до начала X века, пока не обратили их в христианство монах Евфимий и архиепископ Петр, при ближайшем участии к делу патриарха Николая².

В полном согласии с этим положением стоит свидетельство, какое можно извлечь из списков епархий Константинопольского престола, *Notitiae episcopatum*, такτικά³. В древнейшем из известных поныне документов этой категории, носящем имя Епифания Кипрского, *Notitia VII* в издании Parthey'я,

¹ *Procop. Bell. Pers. II. Cap. 29. P. 288 B.*

² Этому положению нисколько не противоречит то обстоятельство, что историк готов Иордан был не только христианин, но и носил духовный сан. Та часть аланского племени, к которой принадлежал Иордан, была оторвана от своей родины еще в пору гуннского нашествия, и ее история оканчивается для нас вместе с поселением ее в пределах нынешней Добруджи. *Jordan. Get. 50, 266.*

³ *Parthey. Hieroclis synecdemus et Notitiae graecae episcopatum. Berolini, 1866. — Geltzer. Georgii Cyprii descriptio orbis Romani. Lipsiae, 1890. — De Boor. Nachträge zu den Notitiae Episcopatum. Zeitschrift für Kirchengeschichte. XII (1891). S. 303–322.*

нет упоминания об аланской епархии. Ученые исследователи хронологии этих памятников, Гельцер и Де Боор, приурочивают этот список к концу VII или началу VIII века. Не значится аланская епархия, далее, в ближайшем по времени списке, который недавно был опубликован Де Боором и приурочен им, на основании тщательного анализа заключающихся в нем данных, ко времени незадолго до седьмого Вселенского собора, т. е. 787 года¹. Нет Алании также и в списках, которые относятся ко времени патриарха Никифора (806–815), *Notitiae V + VI + IX Parthey'*я. Нет ее, наконец, и в том списке, который носит имя Василия и принадлежит, как то доказано Гельцером, времени Льва Мудрого². Первое упоминание Алании содержится в списке, принадлежащем X веку, в котором есть уже и Россия, *Notitia II Parthey'*я. Аланская кафедра повысилась к тому времени в своем ранге и числится уже не архиепископией, как было при патриархе Николае Мистике в пору ее основания, а митрополией, занимая по достоинству место непосредственно вслед за Россией, т. е. 61-е место³.

Соседняя с Аланией, древняя для той поры епархия Авазгийская, осталась в прежнем своем ранге архиепископии. Причиной возвышения Алании было, по всему вероятно, политическое значение алан в ту пору. Оно засвидетельствовано в той формуле обращения византийского императора к властителю Алании, которая приведена выше. Тогда как остальные кавказские династы, помянутые имп. Константином Порфирородным, а именно: у иверов, авазгов,

¹ *De Boor. Ibid.* 519–534; XIV (1894), 573–599.

² *Geltzer. Georgii Cyprii descriptio orbis Romani, Nova tactica.* P. 60.

³ *Parthey. Op. cit.* P. 96.

албанцев и еще семи племен, получали от императора «приказ», *κέλευσις*¹, только один властитель Алании удостоен чести признания самостоятельным государем дружественной державы, которого император именуется своим «духовным чадом». О роли, которую играли аланы в политических отношениях того времени, сообщил нам тот же Константин Порфирородный в другом месте своих творений, а именно: *De admin. imp.* [Об управл(ении) имп(ерией)] Сар. 42. Аланы были той силой, которая парализовала хазарскую державу и устранила ее опасность для интересов империи: они могли закрывать пути в Саркел и не допускать хазар до Крыма. Таким образом, для дальнего Востока значение алан было аналогично тому, какое имели печенеги в отношении русских, как сообщил о том тот же царственный автор в своих советах сыну.

II

Приняв христианство в начале X столетия, аланы оставались затем христианским народом в течение целого ряда веков. Наибольшее число свиде-

¹ *Const. Porphy.* De ser. II. Сар. 48, I. P. 687 В. — Εἰς τὸν κουροπαλάτην Ἰβηρίας. βούλλα χρυσή δισολδία. «κέλευσις ἐκ τῶν φιλοχρίστων δεσποτῶν πρὸς ὃ δεῖνα τὸν ἐνδοξότατον κουροπαλάτην» [К куропалату Иверии. Печать золотая в два солида. «Повеление от христолюбивых государей к такому-то славнейшему куропалату»]. — Ibid. P. 690. Εἰς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας. βούλλα χρυσή δισολδία. «γράμματα Κωνσταντίνου καὶ Ῥωμανοῦ τῶν φιλοχρίστων βασιλέων Ῥωμαίων πρὸς τὸν ἄρχοντα Ῥωσίας» [К архонту России. Печать золотая в два солида. «Грамота Константина и Романа, христолюбивых царей ромеев, к архонту России»].

тельств, какими мы располагаем в настоящее время, относится к XIII столетию. Таково, во-первых, показание доминиканца Юлиана, который посетил Аланию ок. 1235 года на пути в страну приволжских «венгров», т. е., по-видимому, башкир. Юлиан проник в Аланию из Таматархи, совершив это путешествие в 13 дней. Верования алан, по его словам, представляли смесь христианства с язычеством. Они соблюдали воскресный день, отмечая его полной взаимной безопасностью, чтили крест, но имели самые смутные понятия о христианском учении и обычаях¹. Второй по времени памятник — «Аланское послание» епископа Феодора от 1240 года. Будучи поставлен Константинопольским патриархом в епископы Алании, Феодор, алан по происхождению, нашел своих соотечественников вблизи Херсона в Тавриде, где и преподавал им пастырское учение. Претерпев разного рода затруднения, он достиг, наконец, прикавказской Алании, где испытал горькое разочарование, застав свою паству христианской лишь по имени. Интересно и важно в его рассказе то, что у алан были повсюду священники из местных людей; так как они были поставлены незаконно, то епископ Феодор, после долгих колебаний, совершил над ними вторичное рукоположение². Близким по времени свидетелем является западный монах Рубрук, который совершил путешествие по южнорусским степям в 1253 году, направляясь из Солдайи, т. е. Судака, в

¹ Записки Одес. Общ. Ист. и Древ. Т. V. С. 699.

² *Mai. Nova Bibliotheca Patrum*, VI, 379–397 = *Migne. Patr. Gr.* Т. 140. Р. 385–413. Полный перевод этого интересного памятника мы надеемся представить в скором времени.

местопребывание хана Золотой Орды. Как в Судакe, так и в степях на Дону и на Волге встречал он алан, которые были христианами греческого исповедания¹.

Первому десятилетию XIV века принадлежит интересный эпизод, а именно переход на службу империи придунайских алан, которые входили в улус «безбожного» Ногая. Эти аланы были христианами и вели свои сношения с императором через вичинского митрополита Луку. Эпизод этот мы имели случай разбирать в другом месте².

О христианстве алан на их прикавказской родине в 1329 и 1333 году дают свидетельство сношения папы с аланским князем Милленом, который, по видимому, был обращен в католичество благодаря стараниям римских миссионеров³. Но дело их было непрочно, и в XV веке аланы оставались христианами греческого исповедания, как о том засвидетельствовал Иосафат Барбаро⁴ и Лаоник Халкондил⁵.

¹ Rec. des Voyages, IV, I. P. 242, 243, 252.

² Визант. Врем. IV, 324, где приведены все относящиеся к этому событию сведения.

³ Baronii Annales Ecclesiastici, s. a. 1329 n. 96 и 1333 n. 37.

⁴ Семенов. Библ. иностр. писат. о России. Т. I. — Иосафат Барбаро не только был в Алании, но и занимался там раскопкой курганов, Viaggio. Cap. 12.

⁵ Laonic. Chalcond. P. 407 B. — О христианстве соседних с аланами черкесов, адиге, от 1502 года дает сведение итальянский путешественник Георгий Интериан (Семенов. Указ. соч. С. 123): Circassi in loro proprio linguaggio apellat Adiga... loro sacerdoti officiano a suo modo con parole et carattere greche senza intenderle [Чиркасы на их собственном языке зовутся адига ... их священники совершают богослужение по обычному греческому способу и на греческом языке].

Не входя здесь в разбор перечисленных свидетельств, мы ограничимся утверждением, что аланы были христианским народом от начала X и до второй половины XV века¹.

Аланская епархия, созданная трудами миссионеров Евфимия и Петра, имела свою историю, от которой дошли до нас лишь отрывочные сведения. Как было указано выше, епархия эта была митрополией уже в конце X века. Ученый канонист половины XII столетия, Феодор Вальсамон, имел случай встречаться с митрополитом Алании, от которого он слышал жалобы касательно настроений в брачной жизни духовных лиц в этой епархии. Помянув об этом, Вальсамон сделал одно замечание о положении аланской епархии в Константинопольском патриархате. В ведении патриархата, как он сообщает, находятся

¹ Христианство не исчезло в среде аланского племени за время татарского господства в южной России, утвердившего магометанство на Кавказе. Восстановление христианства началось по инициативе грузин с 1746 года. Сведения об этом см.: «История грузинской иерархии с присоединением обращения в христианство осетин и других горских народов по 1 января 1825 года». Издание второе. Москва, 1855. — Грузинский архиепископ Иоанн в своем отчете о посещении Осетии в начале нашего века сообщал между прочим следующее. «Прибыв в Гудамакарское ущелье и побеседовав с почетными обывателями, я не нашел ничего противного моему учению. Потом появился человек, которого называли: «это наш священник». Он был один из тех священников, которые без книги заучили наизусть несколько стихов из псалтири и учат. Произнесши их, он ставит вино минуты 2–3, и это называется обедней, мажет углем с произнесением тех же стихов, и это называется крещением». — Заимствуем это интересное сведение у г. *Лаврова*, «Заметки об Осетии и осетинах». С. 265.

три диоцеза: Азиатский, Понтийский и Фракийский. Между ними распределяются кафедры, расположенные в странах варварских: аланы принадлежат к Понтийскому диоцезу, а русские — к Фракийскому¹. В конце XIII века митрополия аланская является в соединении с Сотириупольской (т. е. Авазгийской) и Зикхийской. Заместитель этих трех кафедр принимал участие в Константинопольском соборе, который происходил в первый год правления Андроника Старшего, т. е. в 1282 году, и его подпись имеется на соборных актах². Такое соединение в одном лице представительства трех кафедр имело, по-видимому, случайный характер, по крайней мере в отношении епархии Зикхийской. Дело в том, что в документе, относящемся ко времени того же императора, а именно к 1317–1318 году, помянут самостоятельный митрополит Зикхии с титулом Зикхо-Матрахского. На него, совместно с митрополитом Алании и Вичины, возложено было разобрать распрю, которая возникла между митрополитами готским и сугдейским из-за подведомственности пограничных местностей, вновь населившихся в ту пору после продолжительного запустения³. Что же касается до соединения епархий Аланской и Сотириупольской, то у Никифора Каллиста есть сведение о формальном соединении этих двух епархий в одну в правление имп. Алексея Комнина (1081–1118)⁴. Сообщение это

¹ *Migne. Patr. Gr. T. 137. P. 485:* Ἀλανοὶ τῆς Ποντικῆς εἰσι διοικήσεως, οἱ δὲ Ῥῶσιοι τῆς Θρακικῆς. — То же замечание читается у Зонары, *ib. P. 489.*

² *Le-Quien. Oriens Christianus, I. P. 1349, n. 5.*

³ *Miklosich et Müller. Acta Patr. Const., I, n. 41.*

⁴ *Migne. Patr. Gr. T. 146. P. 1197:* Πολλὰ δὲ καὶ τῶν ἐκκλησιῶν ἤνωνται ὡσπερ ἡ Πάρος καὶ ἡ Νάξια, τὰ τε Σοῦγδα

находится, однако, в некотором противоречии с данными, которые заключены в «Аланском послании» епископа Феодора 1240 года. Разыскивая путь в свою епархию, Феодор прибыл в Херсон и оттуда в Боспор, т. е. Керчь; отсюда он хотел, по-видимому, направиться на место своего пастырского служения. Но там ему не было дозволено высадиться на берег. Пристав затем где-то на кавказском берегу, еп. Феодор достиг пределов своей епархии только после 60-дневного очень трудного пути. Очевидно таким образом, что ему пришлось проходить через один из горных проходов, которые служили для сношений алан с побережьем, занятым авазгами. Если бы епархии Аланская и Авазгийская были в ту пору соединены, то вместо кружного пути через Херсон и Боспор еп. Феодору проще и естественнее было бы направиться через Трапезунд в Сотириуполь, где была кафедра Авазгийской епархии, и прибыв в этот последний город ¹,

καὶ τὰ Φοῦλα, ἢ τε Ἀλανία καὶ ἡ Σωτηριούπολις [Многие церковные епархии соединились, как Паросская и Наксийская, Сугдейская и Фульская, Аланская и Сотириупольская]. — Свое изложение Никифор ведет хронологически, и выше у него помянут Алексей Комнин. — Ср. *Rally et Potly. Syntagma. P. 73.*

¹ О Сотириуполе см. нашу заметку в *Археол. Изв. и Зам.*, 1897, февраль: «Где был построен имп. Юстинианом храм для авазгов?» Город Сотириуполь, как кафедра Авазгийского архиепископа, впервые помянут в списке епархий, принадлежащем времени имп. Льва Мудрого (886–911), а в более ранних документах этого рода называется в том же значении город Севастополь, лежавший на месте (или поблизости от) нынешнего Сухума. В нашей заметке мы полагали, что перемена в имени кафедры есть свидетельство о перенесении ее в другое место и что под Сотири-

еп. Феодор находился бы уже в пределах своей епархии. Но он определенно отмечает, что ему удалось достигнуть своей паствы только после 60-дневного странствия, сопровождавшегося всевозможными затруднениями. В пору более позднюю соединение епархий Аланской и Сотириупольской было нормальным порядком. Указание на это дает один документ Константинопольского патриархата от 1347 года¹. В нем сообщается, что предшественник патриарха Иоанна Апри назначил, по каким-то соображениям, особого епископа на кафедру Сотириупольскую. Митрополит Аланский заявил свой протест и представил документы: синодальное постановление и хрисовул, которыми и было доказано издавна узаконенное соединение обеих кафедр. Из протеста митрополита включено в текст акта соображение, которым было мотивировано это соединение, а именно: «митрополия аланская вовсе не имеет собственной архиерейской кафедры по той причине, что народ ее ведет пастушеский образ жизни» (οὐδὲ ἔχει τινὰ ἰδίαν ἀρχιερατικὴν κάθεδραν ἢ τοιαύτη μητρόπολις, ἅτε δὴ τοῦ ἔθνους ὄντος νομαδικοῦ).

уполем следует разуметь Пицунду, древний Питиунт. Уважаемый проф. В. В. Болотов высказал в частном письме к нам свое несогласие так понять перемену имени кафедры Авазгийской епархии и привел целый ряд аргументов в подтверждении того, что переменялось только имя Севастополь на Сотириуполь. Как бы то ни было, нынешние приморские города Сухум и Пицунда были в пределах Авазгийской епархии, имели значение торговых центров на кавказском побережье в ту пору и для византийцев были доступнее из Трапезунд, нежели кружным путем через Херсон.

¹ Miklosich et Müller. Op. cit. I, n. 114.

Принимая в соображение такое положение дела, патриарх Иоанн постановил, чтобы на будущее время нерушимо соблюдалось «стародавнее» положение о единстве этих кафедр, и Аланский митрополит носил также титул Сотириупольского (ἄμφω αὐταὶ αἱ μητρόπολεις, ἢ τῆς τῶν Ἀλανῶν καὶ ἢ Σωτηριουπόλεως, εἰς ἓν συναφθήσονται σῶμα, καὶ τὴν ἔνωσιν ἀδιάσπαστον καὶ ἀδιάρρηκτον παντελῶς ἔξουσιν εἰς τοὺς ἐξῆς ἅπαντας καὶ διηνεκεῖς χρόνους... ὁ τῆς Ἀλανίας καὶ Σωτηροπόλεως πάλιν κληθήσεται καὶ δύο κατὰ ταῦτὸ τὰς ἐπωνυμίας ἔξει, ὡς ἐπὶ ἑνὸς καὶ τοῦ αὐτοῦ πράγματος [обе те митрополии, Аланская и Сотириупольская, да будут соединены в одно тело, и единство неразъятное и неразрывное да имеют во все следующие непрерывные годы... (архиерей) Аланский пусть называется и Сотириупольским, и пусть в одно и то же время имеет два названия, как относящиеся к одному и тому же предмету])¹. — Обиженный и затем восстановленный в своих правах митрополит, по имени Лаврентий, принимал участие в соборе, осудившем ересь Варлаама и Акиндина, и под соборным решением подписался так: ὁ ταπεινὸς μητροπολίτης πάσης Ἀλανίας καὶ Σωτηριουπόλεως καὶ ὑπέριτος Λαυρέντιος [смиранный митрополит всей Алании и Сотириуполя и ипертим Лаврентий]².

Ле-Киен в своем *Oriens Christianus* (I, 1348–9) сопоставил упоминания о семи аланских митрополитах, которые распределяются по времени от половины XII века и до 1347 г. Ему остался неизвестен про-

¹ Соединение этих кафедр подтверждено также в документе 1364 года См.: *Miklosich et Müller*. I, n. 221.

² *Ibid.* №. 109. P. 255.

светитель Алании архиепископ Петр, а Лаврентий являлся для него последним представителем этой епархии. В настоящее время можно назвать еще двух архиереев, которые занимали аланскую кафедру после Лаврентия. Имена их — Симеон и Каллист. Они были соперниками и врагами, а время их столкновения — 1356 год. Об этом эпизоде из истории аланской епархии мы имеем сведения в двух источниках: Никифор Григора и документы Константинопольского патриархата.

У Никифора под 1356 годом рассказано следующее. — Патриарх Филофей поставил на аланскую кафедру трапезунтского грека Симеона. Когда тот прибыл в свою епархию, то один монах, по имени Каллист, стал обличать его в симонии. Симеон был вызван на суд в Константинополь. Дело затянулось, а между тем произошла революция: низвержение Кантакузина. Вслед за тем устранен был патриарх Филофей и восстановлен на престол низверженный за два года до того Каллист. К нему сумел подойти Симеон и пленил его обещаниями щедрых даров. Каллист, не разбирая имевшегося о Симеоне дела, допустил его до сослужения и участия в заседаниях патриаршего синода, затем отпустил назад в епархию. Обещаний своих Симеон не сдержал, а между тем в Константинополь явился соименный патриарху обвинитель Симеона, запасшись щедрыми средствами для подкупа патриарха. Предъявив синоду свои обвинения против Симеона, он просил сместить его и назначить на аланскую кафедру его самого, Каллиста. Так и поступил патриарх, прельстившись его дарами. Вновь назначенный митрополит отправился в свою епархию и прогнал оттуда Симеона.

Тогда Симеон явился в Константинополь и обратился с жалобой к императору, который был этим крайне возмущен и потребовал у патриарха объяснений¹. Чем и как кончилось это дело из рассказа Григоры не видно.

В совершенно иных чертах предстает это дело в синодальном акте 1356 года (*Miklosich et Müller. I, p. 162*). В этом документе речь идет о низложении аланского митрополита Симеона, причем замечено, что он получил митрополию от патриарха Исидора². Главными обвинителями Симеона являются священники из города Таны (Ταναίται [танайты]): протопоп Михаил и пресвитеры Николай и Феодор. Они принесли патриарху Филофею жалобу на незаконные поборы, которые взимал с них митрополит. По этому делу патриарший синод судил уже раньше Симеона и произнес над ним приговор, которому тот подчинился, но только для вида. После суда он отправился к татарскому хану в Золотую Орду, получил от него «диалихий» (διαλείχιον, ярлык?) и совершил затем целый ряд бесчинств и противозаконных деяний. На священников в Тане он наложил запрет отправлять требы, вследствие чего дети некоторых православных семейств были окрещены в армянскую веру. Далее, он самовольно поставил архиерея на «кавказскую» кафедру, деяние, которое патриарший синод признал вполне незаконным. Удостоверившись в справедливости сведений о незаконных поступках Симеона путем опроса константинопольских

¹ *Nic. Greg.* 37, 6–18, III, 532 sq. B.

² Исидор занимал патриарший престол с 1347 по 1349 год. Его преемником был Каллист в первое свое патриаршество.

граждан, имевших торговые дела в Тане и бывавших там (имена их названы в документе), патриарх вызывал Симеона на суд в Константинополь, и когда тот не явился, дал ему отсрочку. Когда же Симеон пренебрег этим и в Константинополь не явился, то патриарший синод произвел над ним суд заочно и отстранил его от сана со снятием с него и священства.

Из одного документа последующего времени, от 1364 года (*Miklosich et Müller*. I, п. 221), можно усмотреть, что приговор патриаршего синода над Симеоном не вошел в силу. Состоялось, правда, назначение другого лица на его кафедру, но оно окончилось тем, что вновь была расторгнута связь между епархиями Аланской и Сотириупольской. Первая осталась за Симеоном, который жаловался на насильственное расторжение его епархии на две, и так как его соперник вскоре умер, то он опять соединил обе кафедры в своем лице. Документ этот интересен также и в том отношении, что в нем перечислены владения митрополита Алании. К ним относятся: церковь во имя Пресвятой Богородицы-Утешительницы в Трапезунде с клиром и принадлежащими этой церкви угодьями, церковь Богородицы Афинской в Сотириуполе и земли «около Алании, Кавказии и Ахохии(?)» (τὰ περὶ Ἀλαρίαν καὶ Καυκασίαν καὶ Ἀχωχίαν)¹. Лицо, занимавшее в 1364 году аланскую кафедру, быть может тот самый Симеон, было в ту пору заместителем митрополии Мелитинской (в Армении).

Из этого документа, как и из предыдущего, видно, что собственная Алания имела очень малое зна-

¹ Не есть ли это непонятное имя искажение написания Ἀβασιάν?

чение в епархии этого имени. Ее представителю принадлежали, правда, какие-то земли «около Алании», но его реальные интересы были вне этой страны, и в списке владений кафедры на первом месте названа церковь с клиром и угодьями в Трапезунте. Митрополит Симеон самовольно создал себе права на доходы в Тане, и если в патриархии признана была незаконность этого поступка, то «диалихий» (ярлык) золотоордынского хана дал, однако, полную силу распоряжениям митрополита. В документе нет указаний на то, на чем, собственно, основывал свои притязания в Тане Симеон; но, очевидно, он причислял этот город к своей епархии, и тамошнее духовенство жаловалось не на это, а на то, что он присвоил себе не принадлежавшие ему доходы, хотя и признавало его своим митрополитом. Позволим себе по этому поводу высказать догадку, что включение Таны в пределы митрополии Аланской имело в своей основе тот факт, что туземное христианское население этого города принадлежало к аланской национальности, а Симеон носил титул «митрополит всей Алании», как прописывал его на соборных актах митрополит Лаврентий. В территориальном отношении Тана была гораздо ближе к кафедре Зикхо-Матрахского митрополита, которая имела своего представителя как в ту пору, так и позднее. Если же она оказывается причисленной к Алании, то на это должны были существовать какие-либо реальные основания, которые мы готовы угадать в вопросе о национальности населения, которое в тех местах было, или считалось, туземным.

В подтверждение вероятности нашей догадки можем указать на следующие данные. — Если в акте

патриаршего синода от 1347 года аланы характеризованы, как пастушеский народ, то это определение относится только к их кавказской родине. Рубруквис во время своего путешествия по Крыму и южно-русским степям в 1253 году встречал много христиан греческого исповедания, которые по национальности были греки, русские и аланы. Об аланах, в частности, он сообщает, что они не были в такой степени «схизматиками», как греки, и обращались с ним дружественнее, чем последние, относясь с почтением к каждому христианину¹. В поселении, где жил какой-то знатный татарин, по имени Скататай, к которому у Рубруквиса было письмо от византийского императора, часть населения составляли аланы. В 1263 году послы египетского султана Бейбарса встретили аланских купцов в Солхате, ныне Старый Крым, которые составляли там часть населения и были, значит, довольно многочисленны². Итак, аланы, оставаясь, быть может, на родине кочевым народом, выделяли, однако, из своей среды в XIII веке довольно значительный, чтобы быть заметным, элемент торгового, т. е. тем самым городского населения, который проживал в Крыму и степях и, сближаясь с русскими и греками, с которыми связывало их единство исповедания веры, сохранял, однако, свою национальную особенность.

Русская летопись позволяет нам пойти дальше в глубь прошлого. Разумею свидетельства о существовании городов с христианским населением на Дону

¹ Rec. des Voyages, IV, I. P. 234.

² Тизенгаузен. Сборник материалов для истории Золотой Орды. I, 63; 192.

в начале XII века. Так, под 1111 годом в Ипатьевской летописи в описании похода русских князей на половцев есть, между прочим, следующая подробность: «оттуда (с Ворсклы) преидоша многи реки, и 6 неделю поста, и поидоша к Донови во вторник. И оболочишася во броне, и полкы изрядиша, и поидоша ко граду Шаруканю; и князь Володимер пристави попы своя, едучи пред полком, пети тропари и коньдакы креста честнаго и канун святой Богородицы. Поехаша ко граду, вечеру сущю, и в неделю выидоша из города, и поклонишася князем Рускым, и вынесоша рыбы и вино и перележаша ночь ту. И завтра в среду поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и, а в четвергъ поидоша с Дона»¹. — Итак, русские князья, подступая к Шаруканю, знали, что он населен христианами и, выставляя на вид свое христианство, оказали тем воздействие на единоверных с ними людей. Христиане эти знали о том, что в ту пору был пост, и вынесли русским рыбы². В половине XIII века христиане аланы, с которыми встречался Рубруквис, не имели точных сведений о времени постов и приносили ему мясо в постные дни³.

Под 1116 годом назван по имени и третий город на Дону: «В се же лето посла Володимер сына своего Ярополка и Давыд сына своего Всеволода, на Дон и взяша три грады: Сугровъ, Шаруканъ и Балинъ. Тогда же Ярополкъ приведе себе жену красну велми, Яскаго князя дщерь, полонив»⁴.

¹ Ипат. лет. (изд. 1871 г.). С. 192.

² Догадку В. Ф. Миллера об имени Шаруканъ см. Журн. Мин. Нар. Просв., 1897. Октябрь. С. 328, прим. 1.

³ Rec. des Voyages, IV, I. P. 243.

⁴ Ипат. лет. С. 204.

Таким образом, в начале XII века было на Дону три города, которые состояли под властью половцев. Само собой разумеется, что не половцы их заложили, как не они их и населяли. Христианское население в Шарукане засвидетельствовано в событии 1111 года. Весьма вероятно, что и другие два города имели такое же население. О национальности этих христиан летопись ничего не говорит под 1111 годом, но косвенно утверждает, что это были не русские: «выидоша из города и покланишася князем Рускымъ». Если бы эти люди обратились к князьям с русской речью и этим, помимо единства религии, засвидетельствовали свою кровную близость, то, вероятно, это было бы упомянуто. — Из похода на подонские города Ярополк привел пленную красавицу, «Яськаго князя дщерь», которая стала его женой. Нет никакого основания предполагать, что Ярополк и Всеволод предпринимали поход в страну ясов, т. е. алан, далеко за Дон. Очевидно, дочь аланского князя попала в плен при взятии одного из названных, подонских городов. Отсюда можно сделать вывод, что христианское их население было в XII веке по национальности аланским¹. А сообщения Рубруквиса сви-

¹ Проф. Голубовский (Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев. 1884) — предполагает в подонских городах смешанное население, «состоящее из главного славянского ядра и тюркской примеси» (С. 195), уподобляя его тому, о каком говорит Атталиота в городах нижнего Дуная. Это предположение стоит в связи с его теорией, будто бродники были «общинной, которая выработалась из остатков подонского оседлого населения» (С. 200). Но перемещение бродников с запада на восток маловероятно, и некоторые аргументы проф. Голубовского

детельствуют, что оно удержалось в тех местах и позднее, быть может, сохранилось и в ту пору, когда действовал в Танае последний из ныне известных аланских митрополитов, Симеон.

Юлиан Кулаковский.

21 мая 1897. Одесса.

(Оттиск из № 1

«Византийского Временника» 1898 г.).

основаны на недоразумении. Так, на с. 195 он привлекает показание Рубруквиса о «злочестивейших христианах» в среде татар. Но Рубруквис понимает здесь *несториян* и поэтому его сообщение никакого отношения к этому народу иметь не может. О несториянах см.: *D'Oheson. Histoire des Mongols. III. P. 278* и сл.

ЕПИСКОПА ФЕОДОРА «АЛАНСКОЕ ПОСЛАНИЕ»

Предлагаемое вниманию читателя сочинение епископа Феодора напечатано впервые в VI томе «Новой Библиотеки Отцов Церкви» кардинала Анджело Май (1853) и воспроизведено затем в 140 томе Греческой Патрологии Миня (1865). Знаменитый Лев Алляций собрал в своей «Диатрибе о Феодорах» сведения о сохранившихся в рукописях римских библиотек сочинениях епископа Феодора, которые и были воспроизведены Май в предисловии к «Аланскому посланию». Сочинения эти следующие: 1) Ἠθικά [Этика] в десяти отделах, 2) Λόγος ἐπιστολιμαῖος πρὸς τὸν Κωνσταντινουπόλεως, καὶ τοὺς ἐνδημοῦντας τῶν ἐπισκόπων, εἰ καὶ διὰ τὰ συμβάντα παρεκτέταται, καὶ τὰ πλείω συντέμνων· ἐπιγέγραπται δὲ, μετὰ τὴν χειροτομίαν ἡ Ἀλανικός [Письменное послание Константинопольскому патриарху и находящимся на родине епископам, хотя, из-за происшедших событий, и растянутое, все же, по большей части, немногословное. Озаглавлено «После избрания» или «Аланское (послание)», 3) Λόγος σχεδιασθεῖς εἰς τὴν τάφην τοῦ Σωτῆρος Χριστοῦ τοῦ Θεοῦ ἡμῶν [Речь экспромтом на погребение Спасителя Христа, Бога нашего] и, 4) Ματθαῖος ἢ λόγος [Матфей, или Слово] в семи отделах. — Крумбахер, во втором издании своей «Истории Византийской литературы» (1897), с. 174, называет еще

одно произведение епископа Феодора, сохранившееся в Бодлейянской Библиотеке, а именно: «*Oratio in S. Germanum patr. Constantinopolitanum, quando primum in thronum patriarchalem ascendebat* [Речь в честь св. Германа, патр(иарха) Константинопольского, когда он в первый раз взошел на патриарший престол]». — Это последнее произведение епископа Феодора дает общее определение времени, которому принадлежит его литературная деятельность. Так как Герман II занимал патриарший престол от 1222 по 1240 год, то и епископ Феодор принадлежит первой половине XIII века.

Кардинал Май, избирая для публикации из четырех известных ему произведений епископа Феодора «Аланское послание», руководствовался тем соображением, что оно представляет значительный исторический интерес. Оно написано в глуши Кавказских гор и содержит в себе живые и современные свидетельства об аланах, т. е. предках нынешних осетин. К сожалению, неопределенная манера изложения, которой придерживается автор, и цветистая риторика, которой он щеголяет, имеют своим последствием то, что автор дает нам гораздо менее, чем бы он мог дать. Он избегает называть лица, с которыми сталкивался, по именам и о многих пережитых им событиях говорит лишь намеками. Полное отсутствие каких бы то ни было других свидетельств о Херсоне и Боспоре от того же времени делает для нас загадочным и то, что сообщает относительно этих местностей епископ Феодор. Неопределенностью страдают также и его сообщения об его аланской пастве. Он ничего не говорит ни о пределах своей епархии, ни о быте ее населения и дает лишь одно определенное свидетельство, что аланы были христианами «только по

имени». Единственное хронологическое указание в тексте послания дано в гл. 3, где сказано, что оно написано на третий год после разлуки автора с патриархом и его собором. Так как патриарх проживал в ту пору в Никее и так как именно наш автор говорил ему приветствие при вступлении его на престол, т. е. в 1222 году, то отсюда следует заключить, что епископ Феодор отправился в пределы своей паствы из Никее. Патриарх, к которому обращено послание, не назван нигде по имени; но, очевидно, что ему именно обязан епископ Феодор своим посвящением в высший духовный сан. Отсюда естественно заключить, что это был Герман II; а так как он занимал святейший престол до 1240 года, то и послание приходится датировать общим указанием на годы правления Германа II.

Автор отправился из Никее не один, а в обществе нескольких лиц (гл. 3). Ему сопутствовал и его отец, который состоял, по-видимому, епископом Боспора, т. е. Керчи, и возвращался в свою епархию (гл. 9).

Послание начинается с общего указания на бедствия, которые перенес епископ Феодор и его спутники последовательно от двух притеснителей, в руки которых он попал (гл. 1–3). Он был насильственно высажен в Херсоне. Здесь оказался какой-то покровитель, который, однако, не был в силах защищать епископа Феодора от преследований. Случай помог ему бежать в ту пору, когда внутри города началось волнение, а извне угрожала опасность (4). Епископ Феодор бежал к аланам, проживавшим поблизости от Херсона. Между тем междуусобное волнение в Херсоне обратилось на того самого человека, который был врагом епископа Феодора, и лишь бегство спасло его от неминуемой гибели (5). Аланы, среди

которых проживал автор, жаждали духовного поучения, и он давал его им (6). Епископ Херсонский увидел в этом нарушение своих прав и привлек епископа Феодора на суд (7), где, однако, дело ограничилось лишь оскорблениями (8). Среди зимы епископ Феодор отправился со своими спутниками далее на восток морским путем и с большими затруднениями достиг Боспора (9). Но здесь странникам не было дано разрешения высадиться на берег. Несмотря на усиленные просьбы горожан, властитель Боспора не согласился дозволить отцу епископа Феодора соединиться со своей паствой (10). Странники направились далее на восток и высадились где-то на кавказском берегу. Отец епископа Феодора остался здесь «среди небольшого числа алан», а он сам после 60-дневного путешествия, сопровождавшегося различными затруднениями, достиг пределов своей паствы (11).

К повествованию о дальнейших событиях автор приступает после длинного риторического отступления (12–14). Какой-то видный и многим известный человек, по-видимому, купец из страны лазов, приходившийся в родстве какому-то архиерею (Фазиса или Херсона?), воспользовался отсутствием епископа в Алании, и выдав себя за епископа, объехал всю страну и всюду поставил священников (15). Совершение рукоположения сопровождалось всякого рода нарушениями канонических правил (16). Подробно разузнав обо всем происшедшем, епископ Феодор наставлял всех об «отличиях великого священства» (17). — Весьма подробно и с риторическими прикрасами говорит затем автор о затруднении, в которое его поставил самозванец (18–21). Будучи лишен возможности снестись с патриархом по этому вопросу, епископ Феодор решил произвести новое рукопо-

ложение над теми из поставленных самозванцем священников, которые были, по его мнению, достойны сана (22). Представив свой поступок на суждение патриарха и его синода, автор скорбит о своей убогой в духовном смысле пастве, называя алан христианами «лишь по имени» (23–24), не считает себя в праве оставить место своего пастырского служения (25) и просит в красноречивых излияниях патриарха о помощи и наставлении (26).

Таково содержание этого памятника. — На важность его свидетельств об аланах указал академик Куник Бруну. Но вряд ли Брун имел случай заглянуть в самый текст послания, так как он поминает его, как письмо *епископа Феодора к аланам* (Черноморье, II, с. 137), извлекая из него лишь общее свидетельство о том «что христианские аланы проживали в окрестностях Херсона незадолго до посещения Крыма Рубруквисом». Проф. Васильевский во 2-м выпуске своих Русско-Византийских исследований (СПб., 1893), ст. CLXVIII–CLXIX, привел в точности свидетельство епископа Феодора об аланах, исправив при этом ошибку Бруна, а также и Томашка, который в своем исследовании *Gothen in Taurien* (Wien, 1880) утверждал, будто епископ Феодор был назначен пастырем крымских алан.

То обстоятельство, что свидетельства этого памятника уже введены, таким образом, в ученый оборот, не делает, смеем думать, излишним появление его в переводе на русский язык в целом виде, и это тем более, что многие из его сообщений имеют вид лишь намеков и представляют своего рода загадку. Епископ Феодор оставляет нас в неизвестности, как и почему и с какого времени оказались аланы в соседстве Херсона, какая причина вызвала волнения в Херсоне

во время пребывания там епископа Феодора, кто был его врагом в этом городе кроме тамошнего епископа, кто управлял Херсоном, был ли этот город в зависимости от византийского императора, пребывавшего тогда в Никее? Мы не знаем, далее, в чьем владении находился тогда город Боспор, т. е. Керчь, как и почему могло случиться, что властитель этого города не пустил прибывшего туда от патриарха епископа, где именно удалось затем найти своих пасомых отцу епископа Феодора? По состоянию того материала, какой может быть привлечен в настоящее время для уяснения истории Крыма в XIII веке, мы лишены возможности отвечать на эти вопросы. Быть может, новые публикации или счастливые находки на богатой почве Крыма прольют новый свет и на этот темный период его истории и тогда разъяснится то, что остается ныне загадочным и темным в «Аланском послании» епископа Феодора.

В заключение этого краткого предисловия считаю своим приятным долгом выразить свою сердечную признательность проф. И. В. Помяловскому и г. Пападимитриу, оказавшим мне любезную помощь в разъяснении нескольких замысловатых мест подлинника.

* * *

1. Давно я знаю, а теперь еще больше, что и ты, великий пастырь, первый после Христа, и вы, сопастыри, хотите знать, каков был наш путь, как (совершилось) наше продолжительное странствие, что приключалось и особенно, как направлял нас Святой Дух. Им мы были движимы, если и не всегда, то теперь, после помазания. Было ли легче наше странствие, нашли ли мы прямой путь к нашей пастве?

Или же, впадши в руки разбойников, бежали мы ради спасения жизни? Как обстоят дела и благополучны ли наши обстоятельства? Кончилось ли наше скитание или же мы еще пребываем в странствии? И в каком пункте одного из этих двух (мы пребываем)? Или мы еще и доселе не достигли нашей цели? — Это подобает вам рассудить и самим про себя испытать. И я убежден, что это дело важное и заслуживающее немалого внимания, если кто вникнет в наши обстоятельства. Обычные приключения в подобного рода случаях готова разнести людская молва, хотя бы и без всякого точного расследования. Если же бы я имел досуг и обладал умением все рассказать и описать, то постарался бы изложить наилучшим образом на поучение и сочувствие слушателям. Но этого нельзя сделать теперь, так как понадобилось бы пространное изложение. Трудиться же, как принято в литературных творениях, было бы то же самое, как если бы кто в ночной борьбе изукрасился старательно доспехами и соответственно тому делал нападение. Но и вообще я не смог бы этого сделать, да и ум у меня уже спутался в ознакомлении с окружающим меня варварством. Если же (все) это не принудило меня тем не менее к молчанию, то рассказ (мой) производит невыносимое головокружение, как морская качка у человека, не плававшего (по морю), и врачебные зелья у людей избалованных и привычных к неге.

2. Так как вы, отче и союз братства, которых единит Святой Дух, хотя бы они были и далеко друг от друга, желаете (знать обо мне), то я не знаю, как мне держать самый верный путь, который бы ознакомил вас с положением моих дел. И разве тут есть какой Иосиф? Ясно, что патриарх Иаков скорбит о последнем из сынов своих, который еще лепечет духовное.

Поэтому то нас и любят. Старшие братья возделали жатву жизни, и сам я поставлен был на служение, исполняя то, что приказывал отец. Они же делают сбор винограда под каким-то внушением; но тут была трагедия подобная древним. — Я знаю сам себя, хотя и под тенью и не без покрова. Но я многое оставляю в стороне, я не царствую над египтянами через фараона, который, хотя и не хочет уступить чьей-либо власти, подчиняется, однако, духу, который посылает видения и наводит сны. Ибо чувство подчиняется разуму, узнавая от него то, что оно принимает в символах. Ибо ночь жизни не объяла истины. — Пусть будет так.

3. Повествовать о путешествии с самого начала было бы не ко времени и превзошло бы рвение о славе. Третий год видел, сколько трудов вынесли мы. Весьма немногое из этого мы изложили по просьбе некоторых в беглом сообщении, если это не ускользнуло от вашей любознательности. Первый стоящий на пути измучил меня, захватил меня в преследовании и разделил доспехи мои, хотя и не насытил своей корысти. Второй губитель, еще более изобретательный во зле, не одолел, однако (в конец). Ибо и вновь чудотворит Господь не меньше, чем то воспето; море рассек, вывел безоружных людей, когда враги их не то что преследовали, а захватывали, что уже больше. Во-вторых — слепотой поражает. Ибо был и у нас дерзновенный Павел, апостол язык, который ставил все ни во что пред Евангелием, зилот, созерцатель таинств духа, мой пастырь, и еще более — отец, не по плоти, а по духу. Мы были исторгнуты из уз как Петр, прошли первую и вторую стражу. По закону Божьего домостроительства, Он сделал малое поущение, чтобы совершить большее чудо. — Итак,

об этом мы вкратце изложили. И полагаю, что всякому, кто пожелает разузнать, не может это не открыться.

4. Дальнейшее знает Херсон и скифская страна, дружески принявшая путников по слухам о наших бедствиях. Ибо после того как тот, кто ниспровергает злодейство нечестивых, внушил нашему тирану (τύραννον) действовать вопреки своей воле, он нас выслал изгнанниками и узниками, а город сделал нас свободными. «Но это ему было не по душе», и он послал злых вестников к гражданским властям и «прибавил грозное слово»¹. — И они, не оказывая никакого сопротивления, предоставили гражданам поступать с нами по усмотрению. Но Господь удержал, подвигнув одного из знатных людей в Херсоне, никого иного как преславного Иоанна. Не открыл он нам возможности бежать от бедствий, опасаясь настроения народного, чтобы тот кровожадный человек не лишил его жизни и не возмутил против него народ, который подвергается разнообразным воздействиям и подвижен во всех отношениях. И он держал нас в состоянии среднем между свободой и узам. Что же тот, делавший все по своему хотению? — Там была железная печь, второй Египет, и свободный Израиль в порабощении, и Моисей, посвященный и созерцатель высших тайн. Ибо и он был послан, чтобы освободить меня из грязи и работы плинтоделания, хотя бы и против воли властвующего сурового фараона, не замечавшего божественных знамений. Близко был сокрушитель. Город скорбел о домашних бедствиях. Сиротил его меч язык извне, а внутри подымалась междуусобная брань. А мы тут и спаслись бегством.

¹ Илиада, I. 24; 25.

5. Не остановился на этом тот злопогибший и по истине достойный стояния ошуйю. Но так как мы были беглецами в аланском селении неподалеку от Херсона (племя это рассеяно и простирается от Кавказских гор до ивериян, древний предел их родины; они возлюбили посылать некие многолюдные выселки, так что наполнили почти всю Скифию и Сарматию), — то и оттуда он нас гнал своей злобой и своими коварствами, ища уже нашей смерти: ничего другого больше и не оставалось. Этот богоненавистный сделал набег и, очутившись в Херсоне, грозил войною малым аланам (τοῖς μικροῖς Ἀλανοῖς), если они нас не выдадут. Так зол был по природе этот смешной и недостойный Цаман (Τζαμάνης), исполненный злобы и слугитель лукавого. Не знал этот рачивший лишь о зле и достойный всякого дурного имени, что мы — скажу смело — апостолы Божьи и Бог нам чудотворит. Он, рассекший и совокупивший Чермное море, спасший беглый народ, морем покрывший гонителя, рассекает прежде город бранью внутренней и внешней, и дал нам выход; и пока совокупляет (Господь) единодушием, так что этот злодей, покушавшийся на тиранию, оказался в опасности (и подвергся бы ей), если бы бегством не устроил себе спасения. Так было дело.

6. Стоит ли говорить о бедствиях, которые принесла нам эта священная война, готов назвать ее так, хотя она тираническая; но стоит ли говорить о дурном согласии. Чтобы воздвигнуть башню хуления под охраной достоинства? Или близко смешение язык? Или собирается скопище иереев нечестия против некоего Или?

Был среди нас ревнитель (ξηλοτής), хотя и подавлял мечом духовным этот свой характер (?). Или на-

падение ассириян на Иерусалим, ужасающе надвигавшееся и в опасности вспять обратившееся. Дело было так, чтобы вкратце рассказать о бедствиях. — Близ Херсона живут аланы (Ἀλανοί), столько же по своей воле, сколько и по желанию херсонесцев, словно новое ограждение и охрана (города). Их я увидел, и они сами радостно сбегались вокруг родного пастыря и окружали его. Желая, чтобы мы гостили у них, они оказывали нам всякие услуги. А мы воздавали им словом увещания, чтобы они жили согласно Христову званию. Они же по истине (не постыжусь сказать и да не будет это для меня проявлением малодушия) — были стадо, рассеянное по горам, пустыням и пропастям земным, не имеющее ни стойла, ни навеса, выставленное на пожрание (диким) зверям. Не было пасущего их, хотя благовестие было для многих. Но это не было бы дозволено и желающим, ибо они вовсе не слышали, каким должен быть епископ. Если и взывает Павел¹ — великая труба, учитель язык и наш поэтому. Но (те) думают, что епископство есть дело величания и что оно печется о мирском.

7. Вы знаете херсонского епископа; к чему же мне входить в точные разъяснения перед знающими? Этот старец и из давнего времени епископствовавший, считал для себя смертью, что аланы были у нас, или скорее, что мы были в Херсоне. Тотчас пошла речь о границах епархии, и что это его епископия, и что я здесь проездом и чужой. Известны эти увертки теперешних епископов, с целью прикрыть мелкодушие и зависть, чтобы не сказать — признаки их

¹ Послание к Тимофею, 3, 2 (Указания мест Священного Писания, которые имеет в виду автор, принадлежат его первому издателю, кард. Май).

ничтожества. Они не знают ни основоположных канонів, ни того, что по ним разрешается. Мы не предстали во всенародном учении, не похитили рукоположения, чтобы он имел право думать, что его права нарушены. Но на вопросы неких, быть может, и алан, мы давали лишь ответы в углу (т. е. частным образом). Но пусть бы нам дано было всенародно возвестить слово веры, тогда бы мы не стали ставить препоны возвещавшему, мы бы дали ему возможность видеть учение об Умершем и Воскресшем. Я взываю к свидетелю истины: нас опаляла ревность. Люди нечестивого толка и явные еретики дерзко похвалялись, потому что никто и не был в силах возражать. Не было и удобного случая, так что мы ни на что и отважиться не могли. В церкви был этот во всех отношениях прекрасный и добрый епископ и при нем большой синедрион. Слово составился некий заговор и совет на первомученика Стефана. Не посмею больше ничего сказать. И привлекли меня на суд, словно Павла, кроме уз о Христе.

8. Вот что было затем пред трибуналом судьи: предстоятель судилища — пышущий огнем; заседатели и присутствующие, сколько надо для прислуживания и исполнения приказаний; в середине — я, обвиняемый и ожидающий приговора. «Откуда ты, говорит, вторгся к нам?» — «Словно я другой веры, — сказал я, и другого благовестия, и не той же самой церкви и не подведомствен тому же архипастырю?» — «Но пропади ты с нечестивыми и безбожными аланами, которые хуже скифов!» — «Что же, — сказал я, — подобает нам делать, как не носить апостольство с помощью Первозванного?» — «Но чего ради ты вообще дерзнул войти в этот мой город?» — «Если ты, добрейший, исполняешь епископское служение, то ты

правильно говоришь, и обличив меня публично, произнеси затем свой приговор; если же ты говоришь, что один — купец, другой — пришлец, то или всех преследуй, или терпи и нас. Скажу более: так как я не по доброй воле сюда заехал, то я достоин скорее сострадания, как потерпевший. По своему изволению я ничего не делаю. Да и как это было бы возможно узнику?» — Тут, метнув на меня суровый и злобный взгляд, так сказать, наподобие царственного или львиного, он обвинил нас не в другом чем, более существенном, а в дерзости, что мы осмелились сказать нечто. А стоящие вокруг чуть нас не побили, звали нас один туда, другой сюда, толкали и отталкивали с издевательством и гневом, осыпая нас бранью, по почину самого судьи. Он хотел произнести осуждающий приговор, но не мог: не на столько силы возымела злоба его, хотя он содействовал желавшим умертвить нас. Но Господь был избавителем. — Таков оказался у нас брат, столь сладкий, такой заступник и человеколюбец, являясь туземцем в отношении странников и решителем суда для осужденных. Оставляю прочее, как подобает.

9. Когда же мы достигли некоторой свободы и стали помышлять о путешествии сообразно с целями каждого, то направились непосредственно на Боспор. Устрашало и время — середина зимы и нападение скифов на Боспор. Тем не менее мы насильовали путь, рискуя не достигнуть цели. Кто бы сумел рассказать о скифских бедствиях? Кто — оплакать то, что мы видели, что претерпели? Кормчий не переставал направлять корабль и продолжать плавание, какова ни была борьба с ветрами, пока не ввел корабль в пристань. Та же самая цель была и у нас. И опять забота о пути и дорожном снаряжении. И опять к прежним

бедствиям такие же новые. Посещала нас болезнь, сопутствовала нам нужда и недостижение намеченной цели. Сам я переносил, что ни случалось, а отца убеждал опять воротиться на родину. Что же было потом? Одиноким старец епископ с последним из сыновей отправился в Боспор.

10. И вот опять другое бедствие, другое горе! Он не был принят князем (οὐκ ἐδέχθη τῷ ἄρχόντι). Вы все знаете ту старую беду, древнюю и первую вражду и еще большее бедствие, способное исторгнуть слезы из всякого сердца. В соседстве был пастырь, и настолько близко, что сам мог видеть (свою паству) и его могли видеть. И он пел на свирели жалобную и скорбную песнь¹, и стадо хотело бежать к пастырю и окружить его, ибо слышало глас его и признало его: но оно никоим образом не могло (сделать этого). Говорят, что к властителю (τῷ δυναμένῳ) подступил весь город толпою и заявлял, что хочет или умереть, или принять (своего) епископа. Но его не склонил ни старец тоскующий, ни муж скорбящий, ни младенец лепечущий, ни жена рыдающая, ни целый город, побежденный страданием и горем. Почему же так? А потому что ревность снедала человека, что он был тверд и своеволен и во многом не повиновался властям. Если не своевременно и безрассудно, то было бы дело дурное и мы бы его не похвалили. Если же как подобает борцу и благородному человеку, как слышали мы про «древние подвиги», то мы будем на его стороне, какой бы исход ни имело дело.

11. Когда нам не дозволили вступить туда, мы обратились в другую страну, более обширную и более суровую, что бы нам ни предстояло испытать. Отец

¹ Вместо ἀνακλήτως г. Пападимитриу предлагает читать: ἀνάκλητον.

(мой) остался там среди самого небольшого числа алан, перенося всякие бедствия, бедность, поношения, обиды, ибо не все приемлют слово духовное, и являются судьи и над теми, которые наиболее поставлены судить, и хуже того: они их осуждают. А мы направились в середину Скифии на 60 дней пути, в бедности и не имея даже самого необходимого. Утешительно было то, что мы были недалеко от первых путей апостольских. Споспешествуя вашей молитве Господу, отче и братья, о желанный для меня союз и имя, мы видим паству, дело для меня возлюбленное и превыше всяческого ценимое. Что же? От Бога мне наследие сие, да будет же оно и наилучшее¹.

12. До сих пор слово наше текло легко и в должном, можно сказать, порядке. Но относительно дальнейшего я предпочел бы, чтобы изложил кто другой, а я мог хранить молчание. Ибо и языку трудно выговаривать, и руке нелегко служить мне. Увы мне, продолжилось странствие мое²! Так что мы уже вошли в дни проклятия, в которые, быть может, воздвигнется Антихрист. Ибо дым его уже задушил нас. Начав плакать, я уже не перестаяю и, готов сказать, не перестану. Увы, над нами начались бедствия и, быть может, над нами впервые возжжется печь последнего испытания, воспламеняемая мелкими щепками. Ибо не сразу охватывает она деревья, так как Сатана подрывает веру более чистых. Увы, мы сделались словно начатком, когда ты не правил нами, как гласит Писание³. Увы, на основании апостольском соорудились

¹ Псалом XV, 6.

² Псалом СХІХ, 5.

³ Исая, LXIII, 19.

солома и тростник, и тотчас они стали добычей пламени. О, какой здесь пророк скорби възрыдает о нас, как об Иерусалиме! Не я, о слушатели, и не ложно слово мое, клянусь пещью испытания, которую я восприял в глубину души моей.

13. Дойдя до этой части слова моего, я растроган до слез и смущен горем, я не могу сообразить, кто я и как мне излагать, я знаю, что скажу несвязно. Я смущен совершенно, так что ум не в силах направить мою душу. Пастыри, говорит (Писание), погубили мой виноград¹. Теперь же лжепастыри осквернили вожделенный удел Христов. Не поколеблюсь сказать, что в местах безводных и лишенных живой воды учения и недоступных красным стопам благовествующих, цвела роза веры, едва орошаемая от корня первого благовестия. Откуда и мы воспламенились любовью — чтобы раскрыть неизвестное многим и изъяснить подвергнувшуюся противоречивым суждениям причину этого моего странствия: я желал насадить безводное поле в поте лица моего, возмочь опять насадить колос жизни или древнего осуждения. Да дозволит это Господь! если только в заботе благовестия ревностно взялись мы за дело, возжигая пламя ревности.

14. Многое принесло время, что не легко и перечсть. Приходит с течением времени обновление, но никогда не приносило время ничего подобного. Откуда-то, из безымянной страны и болотной в зимнее время, воздвигшийся некий дух неверия возмутил это море язык и низверг корабль Церкви, — в отсутствие пастыря, — едва борющийся с морскими волнами, в бездну отчаяния. Увы, увy! какое дерзновение!

¹ Иеремия, XII, 10.

Как сумею я рассказать это? Я знаю, что это совершенно невероятно. Церковь аланская была лишена украшения иметь главу. Разумею того святого пастыря, не солгавшего апостолу. Ибо там он покончил живот свой, честно свершив служение свое. Был и некий покровитель нечестия, который с непокрытой головой, как говорится, без всякой краски стыда, вступил в борьбу за нее. И каковы были ухищрения его и коварства; он возжигает бешенство стяжания в неких, склонных помогать ему, выставляя на вид простоту этого народа и трудность времен и то, что аланское племя легко может быть совращено.

15. Был у них знатный муж, близкий родственник того пастыря¹. Он принял совет, достойный своей головы и вовсе бессмысленный. Взявши с собою, как тот торжествующий демон в Евангелиях, семь других демонов, волков кругом пастыря, и, странное дело, недостойных беседы с ним, беглецов с разных концов, людей, не имевших ничего здорового, и кое-кого откуда-то из страны лазов, переодевшегося соответственным образом, и найдя (Аланскую церковь) пустою и лишенною всеисполняющего духа благого, вступает в нее свободной стопой, и последнее стало горше первого. Плохо же было уже и прежнее. Как мне рассказать про набег нечестивца? И как он утвердился и нашел немалую поддержку от людей достойных? Простите меня, слушатели, в моем смущении и немощи вести речь надлежащим образом! Я попал в затруднение от страдания и изменчивого течения дела. И я знаю, что ничего еще не сказал, и я вынужден покрыть тенью больше (чем скажу),

¹ Ἦν γὰρ αὐτοῖς οὐκ ἀφανὴς ὁ ἀνὴρ, ἐγγὺς τοῦ γένους ἔχων πρὸς τὸν ποιμένα ἐκείνου.

так что и нам и всем приходится быть в затруднении. — Между тем выступают те благородные мужи. И тот губитель-лаз нарицается епископом, а те открыто требуют подачек за то, что не оставили Аланию без пастыря, но со всяческим трудом и старанием даровали ей безмездно жениха.

16. Итак, на самом пороге поразила нас словно некая египетская язва с тем различием, что здесь была первою та, которая была там последняя и самая тяжкая. Ибо этот губитель обходил перворожденное и то, что обычно посвящается Господу. И не было мудрого Моисея, чтобы истолковать тайну помазавшего о крови агнца, и не было никакой защиты, и одолела гибель. Ибо приходит тать, чтобы похитить и заклать и погубить¹. Да погибнет нечестие, которое я видел внедрившимся вследствие небрежения правды. Если бы бдел владыка дома, не подкопал бы тать храмины. Хотите ли, чтобы я перечел вам дела его пастырства? Что тут завет Павла, чтобы не возлагать ни на кого руки поспешно². Он в малое число дней открыл нам целый муравейник иереев. Этих двадцать он, говорят, посвятил, проезжая верхом, прошептав сквозь зубы и невнятно несколько слов; слова не выходили у него из уст; других пятьдесят — насыщаясь за трапезой и с чашей (вина) в руках, еще других — ночью, (лежа) в постели. Под тяжелой клятвой свидетельствуют, что он даже не вставал (при этом) с ложа. — Но к чему мне больше рассказывать, о чем и излагать мне нелегко, и вам слушать невыносимо? — После такой деятельности он поспешно скрылся в Лазику и опять принялся

¹ Ев. от Иоанна, X, 10.

² Посл. к Тим. V, 23.

за свою кирку: человек он, быть может, известный купцам, посещающим те пределы.

17. Я знаю, что мой рассказ вызовет у вас, слушатели, много вопросов. Иные и не поверят (мне). Я уверен в этом, сравнивая свое и ваше положение. И я сам, узнав об этом, не тотчас поверил. Сначала я получил об этом сведения, не разведывая (сам); а потом все больше и больше узнал и расспросами. — Но ему так легко было осуществить свое желание обмануть, и овцы так последовали за волком, словно никогда и не видали пастыря, и гласа его не слышали. Что же? Разве не от вчера или третьего дня был тот прекрасный пастырь? Разве не знали они о нестроении им епископства? Большинству это было хорошо известно, но они должны были хранить тайну; если не все, то священники, получавшие от него рукоположение. Итак, одно из двух: или не знали, что невероятно, ибо как могли не знать, испытав сами это на себе? — или же знали, и (тогда) как могли они презреть великое дело помазания и как они поверили, что они соделались причастниками благодати, которая не имела никакого значения? В особенности (принимая в соображение), что между ними есть люди, пережившие смену трех епископов и теперь видят меня четвертого. Я же представил им и отличия великого священства, как вообще в одежде, так и на кафедре; и так как их легко было знать, а потому и нельзя было не знать епископа. Я перечислял им и ступени, по которым приходит достигающий священства. И это и большее сего побуждало меня думать, что до меня дошли неточные и ненадежные слухи. Я обличал невежество рассказчиков и относился к ним с негодованием. Но услышав рассказы, я знаю теперь, что не понапрасну я поверил.

18. Не покажется ли, что я претендую на общение с вами, лишая свое слово точности?¹ Но не таков закон, положенный держащим речь. Я бы предпочел, чтобы вы от другого, а не от меня, услышали это, и чтобы мне сохранить свое слово в тайне. Я бы не осмелился оповестить об этом в письменах. Сам я не научился быть обвинителем. Руководствуясь словом евангельским², я бы не хотел судить. Где слово крылатое, там и осуждение окрыляется. Но это случилось, и этим благосклонно встретила нас паства. Страшный тот меч изощренный грозил извне осиротить нас. Ибо завидовал (*кто*?) нам в аланской родине; и словно из сокровищницы восставал другой страх. По истине, страх мне такой, что я не умел и сообразить, как мне взяться за дело.

19. К тому же, что, думаете вы, претерпел я, скромный иерей, неопытный в пастырском деле? Оный Даниил, судья старейшин, восседает и осуждает насильников, а претерпевшая насилие освобождается. И где дух Даниила? А наше положение было труднее. Наша Сусанна оскорблена была в своем целомудрии, как за отсутствием, так и за неведением могущего защитить. О я, несчастный человек и тотчас почувствовавший ярмо! Но иго благо и бремя легко; я же дерзновенно подставил выю, а потому и не испытал легкости. Ибо не подымавший прежде на рамена креста и возвращавшийся в мирской суетности, каким образом, склоняя выю, предаст дух Отцу? Так как и при добром основании конечной целью является чаша и крещение. Коварный враг и древний супротивник, который пре-

¹ Τὸν λόγον ἀκριβείας — Г. Пападимитриу предлагает читать ἀκριβείας, чему мы и следуем.

² Ев. от Матфея, VII, 1.

следует праведного! ¹ Но не возмог он его искусить. Но человека слабого он ищет поглотить. Если так (бывает) в отношении нас, слабых и готовых пасть в малых борениях, то каким он выступает на великих борцов и настоящих ристателей о духе!

20. Что же до меня, то меня он тотчас вверг в затруднение. Я не мог обратиться к другому, бывшему в таком же положении. Не было близко ни отца какого-либо, ни брата старшего, испытанного опытом и разумом, чтобы дать мне совет. Дело было выше моего разума, нуждавшееся, по истине, в вашем, отче и братия, духовном рассуждении. Я сам вполне сознавал это, хотя я и не знал, что он предпримет подобное дело. Я положил выждать, пока общее соглашение предстоящих в слове даст решение. Но варварский набег, и безумное насилие, и необходимость действовать, и горестная моя разлука с вами, словно с лонем Авраама, отягчали бедствие. Я могу вам назвать, если вы хотите слушать, и причины. Если тщетно то мнимое наложение рук, сказал я, то ты рукополагай по каноническим правилам. Если же ты не делаешь этого (т. е. не производишь рукоположения), то оставь священствовать тех, кто мнят, что они как бы то ни было получили священство. Но тот, говорил я, не потерпел бы никогда предоставить им священствовать, кто тяготится тем, что случилось. Но как же не затрудниться не рукополагать (вновь) и не побояться вызвать представление о вторичном рукоположении, что воспрещает святой закон? Ибо то, что говорит закон, он говорит подзаконным². Вторичное рукоположение имеется в том случае, если кто рукоположен канонически в первый раз, а этого в данном случае нет. Ибо кто бы считал рукопо-

¹ Ев. от Луки, XXII, 31.

² Посл. к римл. III, 19.

ложением сан, полученный от неприявшего благодати, чтобы давать ее (другим)?

21. Но это мимоходом, как уже сказано выше. Бессмысленное было то, что им показалось достаточным (принятое ими рукоположение), кто бы и как бы ни обманул их в последствии. Итак, не это, а то, что они владали в нарушение закона вследствие того, что они были посвящены незаконным образом. Они вещали глухим и плотским дела Духа. Ибо жатвы много, а делателей мало¹, какова бы ни была жатва, и каковы бы ни были делатели. Я слышу, что и оные патриархи некогда странствовали, имея хлебы для себя и корм для ослов. Но добрый земледелец не прогнал и нас, более отдавшихся плоти и земле. Пастырей, говорю я, и паствы он поставил одних в соответствии с другими: какова жатва, таковы и делатели. Сам же я утвердился на том решении, чтобы ничего не делать без вашего совета.

22. Когда же не было никакого посредника пути и дело требовало решения — так как опасность грозила всей Церкви, и все были так ничтожны и никого не было пригодного для священства, то я — (скажу, и вы мне простите) — не без разбора и не поспешно — возложил на них руки, внушив им сначала, да отвергнутся своих мыслей и умилоостивят Господа милостыней каждый по силе своей. Я рукоположил не всех, но тех, чья жизнь не слишком противна была сану, и снисходя к их неведению, простил и более важное и совершенное. Если это сделано недостойно, то простите и исправьте, ибо я исповедал себя в числе ваших учеников. Если же я спрашиваю вас поздно и по совершении дела, то как мне было поступить? Меня теснили и отдаленность, и необходи-

¹ Ев. от Матфея, IX, 37.

мость, и безвыходность положения. Ясно, что если я и теперь спрашиваю, то ничего бы не сделал раньше, чем спросить, если бы это можно было устроить. Что же я спрашиваю теперь, сделав дело? Не совсем ли оно идет вразрез с вашими целями и вашим духом? Тут уж вы сами решайте. — Но об этом довольно.

23. Кто я, чтобы мне быть вынужденным врачевать проповедью бедствия, одолевшие аланский народ? Если я назначен представить Господу избранный народ, то почему я собираю смоквы с волчцев и виноград с терновника, как говорит Писание¹? Теперь я понял евангельскую притчу, когда семя доброе и колос подымется не свободный от плевел; но там после посева приходит уныние; а у нас хуже, так как это случается вместе с посевом. К нам подходит и остальная часть другой притчи. Посев сделан по волчцам, которые были искоренены, а слово веры кое-где вконец заглушено, кое-где прорастает вместе с волчцами, и само оно стало от обстановки акантовым. Было бы лучше, если бы воспламененные Тем, Кто пришел бросить огонь на землю, мы тотчас сожгли бы волчцы; если бы с помощью Того, Кто пришел бросить меч, мы бы до конца истребили их. И чистая земля, чистое семя, и стражи бодрствующие, и золотой посев, и косец отменный. А как теперь обстоит дело, я не могу стремиться достигнуть силою добродетели до сам-сотого плода, ни до сам-шестидесятого, но и был бы доволен, — насколько допускает сила физических законов, — сам-тридцатым. Боюсь же я и горсти не наполнить за жатвой, ни пазухи одним захватом. Позади других я, хотя и не совсем безнадежный, несчастный пастырь и неблагополучный земледелец. Но, собирая малый плод с посева на

¹ Ев. от Луки, VI, 44.

крышах, избежав, однако, ереси, матери всякого зла, и пожиная слово, поскольку то достижимо и поскольку не истребили его птицы воздушные. Увы мне, волчцы и терновник приносит мне мое земледелие, осуждение за отступничество от Бога, когда заблудшее стадо идет во след злему заблуждению. Но мы не только блуждаем в лесу, как гласит Писание¹, но и по всем камням и водам; и кланяются они не изваяниям, но неким демонам на высоких местах.

24. Аланы христиане только по имени. Если же где и есть часть Иакова, то враг и там посеял плевели. Сарра, хотя и в старости, родила однако, но Израил преследует Иакова. И кто Авраам, чтобы прогнать из дому рабыню Агарь и отстранить от сожигания тьму рабства ереси? И у меня есть малое некое воинство, которое Господь извел от умственного Фараона, и я его вывожу, хотя и не как Моисей. Но преследуют египетские воеводы, гневный дух, грозящий убийством и страсть к земному, которая побуждает оскверняться с иноплеменниками, и склонность ума к неким ложным мнениям, без противодействия по большей части. И где столп облачный, который научил расступиться? И каким образом могло бы расступиться море язык? Увы мне, которому вручено пасти стада, выходящие из купели крещения! Пасет же их скорее смерть безверия. Устами они исповедуют, едва смею сказать, во спасение, ибо не веруют сначала сердцем в правду. Подобно, что исчез праведник с моей земли и нет мне здесь места упокоения.

25. Разве мне, восстав, уйти? Опасаюсь оказаться причастником зла. Разве я Авдий? Служа Ахаву, он не склонил колен перед Ваалом². Опасаюсь я за ма-

¹ Иеремия, III, 9.

² Книга Царств, III, 18, 3.

лый удел праведных. Жезл грешников потрясается. Что мне делать? Где плоть Иисуса, чтобы очистить дом Отца? Возненавидел я совет нечестивых. Но смело дерзнув на принятие сава, ввергнут я в него. Разве я, Господи, не ненавидел ненавидящих Тя и не исталял на врагов Твоих? Зачем я дерзнул подпасть этой клятве? Небеса медные и земля железная, не засеян и не вспахан мой удел. Какой Павел вторично родит их, донде же изобразихся в них Христос? Незаконные они дети доселе, а не сыны, потому что сатана соблазнил их, чтобы не веровали истине и чтобы пребыли чадами неверия. Боюсь я гнева, ибо, по истине, они суть сосуды гнева, созданные на погибель. Увы мне, вижу зубы диких зверей, яростно опустошающих землю. Отличия моих (пасомых) — убийства прежде всего и прочие виды смертей. Увы, Дафан и Аарон зияют на мя, и где Аарон, дабы Господь чудотворил? Напрасно священство, и где Самуил, дабы Господь отмстил обиду свою? Призывали они Господа, и Он услышал их. В столпе облачном глагодал им. Я положил с тщанием хранение свидетельств. Быть может, кто-нибудь издевается над лысиной, если снимается головной покров, чтобы совершить священное служение с непокрытой верой. И где Елисей, чтобы тотчас последовала вера? Я дерзну назвать себя учеником Илии, но отсюда я не буду Елисеем. Я принял благодать, но не стал от этого вне потока мирских дел и не вступил в бесстрастие мира. И что удивительного, если и опять Моисей водительствоует и члены странствующих падают в пустыне? Ибо из (числа) званых мало избранных.

26. Но до каких пор распространять мне речь (мою) и не лучше ли высказать мою цель? Я буду умолять моего пастыря и с просьбой обращусь к братьям. Из чрева адова услышат они воззвание мое. Возведи

ко Господи очи твои, отче мой, воздень святые руки к Тому, от Кого ты просил для меня благодати. Моли, да свершу течение (свое), да соблюду веру, да научу беззаконных путям Господним, да обращу нечестивых. Да подаст нам Господь сил. Помогите отцу и вы, братья мои возлюбленные, предстательствуйте пред общим и первым пастырем за меня, который сам, скорее, нуждается в руководстве, чем может упасти других. Быть может, вспомнит о чудесах Своих Тот, Кто хранит младенцев. Быть может, вспомнит о деяниях Своих Тот, Кто превратил безводную землю в исходяще вод. Ибо если Он иссушает реки Ифама и землю плодоносящую обращает в сланец, и скалу заставляет течь медом, и твердый камень источать елей; то кто знает, не возрастет ли мирт и кипарис вместо зелья и сорной травы? Тот, Кто заставляет вновь совокупляться сухие кости и вдыхает в них жизнь, да прославится в нас. Вот моя просьба, об этом не перестану молить вас со слезами. Дайте мне эту любовь, внемлите этой моей мольбе! О, сосуд избрания, о, уста Божьи, о, первенствующий над всеми после Первого, о, вы, дарующие слово жизни светочам мира!

КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ ПО ПТОЛЕМЕЮ

(ПРИВЕТСТВИЕ XI АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ)

Предисловие

Интересные и важные данные для древних судеб территории европейской России, заключенные в карте Птолемея, не пользуются у нас всеобщей известностью и не привлекают того внимания, какого они заслуживают. Желая сделать их доступными для широкого круга людей, причастных разработке русских древностей, я приурочил свое издание к XI Археологическому Киевскому Съезду, которому и посвящаю свой труд в виде приветствия. Университет св. Владимира, с его обычным вниманием к трудам своих сочленов, предоставил средства на это издание.

В первой главе моего текста читатель найдет обзор общих сведений о географии Птолемея и выяснение основных принципов его карты земли; во второй — посильный комментарий к одной из десяти таблиц Европы Птолемея: «Европейская Сарматия». Градусная сетка карты вычерчена по первому из двух предложенных у Птолемея способов проекции сферы на плоскости. За разъяснения и помощь в этом деле приношу сердечную признательность моему уважаемому коллеге, профессору астрономии М. О. Хандрикову.

Что до текста Птолемея, то для трех первых книг я мог пользоваться новейшим изданием Карла Мюллера (Parisii. Didot. 1883), для остальных — Вильберга (Essendiae. 1838–1845), которое осталось также неоконченным и доведено до шестой книги, и полным изданием — Ноббе (Lipsiae. 1843). По математической географии древних я имел под руками следующие издания: *Gosselin. Géographie des Grecs analysée.* Paris, 1790; *Ukert. Geographie der Griechen und Römer.* I. Weimer, 1816; *Forbiger. Geographie der Griechen und Römer.* I. Leipzig, 1844; *Schäfer. Astronomische Geographie der Griechen, bis auf Eratosthenes.* Flensburg, 1873; *Berger. Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen.* I–IV. Leipzig, 1887–1893, и специальная монография того же автора, помещенная в издании: *Berichte und Verhandlungen der königlichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Leipzig. Philologisch-historische Classe:* XLVI. 1894, XLVII. 1895. II, XLIX. 1897. II, L. 1898. II; *Nordenskiöld. Facsimile Atlas to the early history of Cartography.* Stockholm, 1889 (P. 1–34); *Thomas Glazebrook Rylands. The Geographie of Ptolemy elucidated.* Dublin, 1893. В частности по географии Скифии назову: *Mannert. Geographie der Griechen und Römer.* IV Theil, 2-te Aufl. Leipzig, 1820; *Ukert. Geographie der Griechen und Römer.* III-er Theil, II-te Abth. Weimar, 1846; *Forbiger. Handbuch der alten Geographie von Europa.* 2-te Aufl. Hamburg, 1877; указания на специальные работы и исследования приведены в примечаниях к отдельным местам текста.

В своем комментарии к карте я был далек от мысли исчерпать те археологические вопросы, которые она может вызвать, и желал бы надеяться, что лица,

лучше, чем я, знакомые с археологическими находками бассейна Днепра и Днестра, во многом пополнят сопоставленные мною сведения и факты.

Ю. К.
12 апреля 1899.
Киев

Глава I География Птолемея

§ 1

Клавдий Птолемей принадлежит по времени своей ученой деятельности эпохе Антонинов, т. е. половине II века по Р. Х. Египетский грек по происхождению, он провел свою ученую жизнь в Александрии¹. Математик и астроном по своей специальности, Птолемей занялся географией лишь как прикладной наукой к астрономии. В своем капитальном труде по астрономии, *Μαθηματικὴ Σύνταξις* [Математическое построение]², Птолемей имел случай касаться важ-

¹ Сопоставление весьма скудных и кое в чем спорных биографических данных о Птолемею см. в исследовании *Boll'я*: *Studien über Claudius Ptolemaeus. Jahrbücher für class. Philologie. XXI Supplementband* (1894). S. 53–66.

² Астрономический трактат Птолемея принято называть арабским именем *Альмагест* (*Tabir al Magesthi*). Греки называли его труд *Μεγάλη σύνταξις τῆς ἀστρονομίας* [Большое построение по астрономии], арабы применили к нему эпитет в превосходной степени, *μεγίστη* [величайшее], откуда возникло обычное и доныне название. Первое издание его на греческом языке вышло в Базеле в 1538 году; следующее затем в Париже в 1813–1816 году с французским переводом под заглавием: *Composition mathématique de Claude Ptolémée, traduite pour la première fois en français*

нейших фактов математической географии. Позднее, по окончании этого труда, он вознамерился представить цельный трактат по географии и назвал его — Γεωγραφικὴ Ὑφήγησις, т. е. «Изложение географии». Это сочинение Птолемея дошло до нас целиком с приложением карт, которые, однако, не принадлежат самому Птолемею и в рукописях, сохранивших нам текст Птолемеевой Географии, восходят к оригиналам V века.

В области математической географии Птолемей был завершителем того развития этой науки, которое представлено именами: Дикеарх, Эратосфен, Гиппарх, Посидоний, Марин Тирский. Труды этих ученых до нас не дошли или же уцелели в скудных фрагментах. Начавшееся уже во II веке нашей эры оскудение духа научного исследования имело своим последствием то, что Птолемей явился завершителем этой науки на долгий ряд последующих веков, и труд его имеет для нас значение последнего слова античной науки в области географии. Принципы математического знания, которые Птолемей полагал в самую основу географии, вышли из научного обихода последующих поколений и если сохранялись в тесном кружке ученых математиков, то во всяком случае не имели уже никакого влияния на географическую литературу последующих времен. По-прежнему составлялись географические трактаты, появлялись описания побережья морей, так называемые «периплы»,

par N. B. Halma, suivie de notes de M. Delombre. Это издание составляет библиографическую редкость. В истекшем году вышел I том нового издания, на основании критической проверки целого ряда рукописей: *Claudii Ptolemaei opera quae exstant omnia. Syntaxis mathematica*. Ed. *Helberg*. Lipsiae, 1898 (Bibl. Teubn.).

были в обращении географические карты обитаемого мира. Но эти трактаты состояли преимущественно в перечислении географических имен, причем наряду с немногими новыми, какие вносила современность, преобладали старые, обращавшиеся в научном обиходе по традиции с самых давних времен, начиная с Гомера и Геродота. «Периплы» давали лишь описания берегов с указанием расстояний между отдельными портами в числе стадий и хорографические сведения. Что же до географических карт обитаемого мира, то они в изобилии и разнообразии находились в обращении в позднейшие века римской империи. Но эти карты были чужды всяких принципов математической проекции и вырождались в грубую и совершенно произвольную схематизацию очертаний земли¹. Они имели вид или круга (*orbis terrarum*), или вытянутой полосы дорожника (*itinerarium*) с указанием отдельных станций римских имперских дорог. Образец последнего рода сохранился для нас в виде знаменитой и много раз издававшейся так называемой *Tabula Peutingeriana* [Певтингеровой таблицы]²; что же до первого, — то древнейшим из сохранившихся образцов является в настоящее время карта, носящая имя испанского монаха VIII века

¹ Из одного замечания Птолема, *Geograph. VIII, 1, 2*, можно заключить, что в его время были в ходу схематические карты, на которых относительная величина отдельных стран оказывалась в зависимости от количества данных, подлежащих записи, причем Европа разрасталась на счет пропорционально сокращавшихся территорий Азии и Африки.

² Новейшее и наиболее доступное издание этой карты принадлежит *K. Miller'y*: *Weltkarte des Castorius, genannt Die Peutingerische Tafel. Ravensburg, 1888.*

Беата. Она исполнена по старым образцам в 776 году¹. Этот тип карт продолжал жить за все средние века. Наиболее знаменитые и наилучшие его образцы — карта, составленная Ричардом Гольдингамским в 1276–83 году, так называемая Герефордская, по имени кафедрального собора, в котором она хранится², и другая с точной датой 1284 года, так называемая Эрбсторфская, по имени монастыря, в котором она сохранялась³. Но карты этого типа не годились для практического употребления: потребности жизни вызвали еще в первой половине XIII в. карты нового типа, так называемые «портуланы»; они возникли для надобностей мореходов из наблюдения расстояний и направлений морских путей и маршрутов⁴. Сочетание новых принципов со старыми дано наглядным образом в Каталанской карте 1375 года⁵.

Хотя Птолемей с его важными научными принципами проекции карты был забыт и не оказывал никакого влияния на людей тех веков, но он продолжал, однако, жить в рукописном предании и сохранился целиком до лучших времен. На заре европейской науки, в эпоху Возрождения, Птолемей был вновь открыт и явился великим и авторитетным источником знания о мире для людей нового века. Пер-

¹ Die ältesten Weltkarten, herausgegeben und erläutert von Konrad Miller. 1 Heft. Stuttgart, 1895. Die Weltkarte des Beatus.

² Ibid. IV Heft. 1896. Die Herefordkarte.

³ Ibid. V Heft. 1896. Die Erbstorfkarte.

⁴ Fischer Theobald. Sammlung mittelalterischen Welt — und Seekarten it alienischen Ursprungs. Venedig, 1886. S. 64.

⁵ Notices et Extraits des Manuscrits de la Bibliothèque du Roi, т. XIV (1841), ч. 2; Buchon et Tastu. Notice d'un Atlas en langue catalane.

вое его печатное издание появилось в латинском переводе в 1472 году в Болонье; из ближайших к нему последующих наибольшую важность имели два: вышедшее в Риме в 1478 году с картами, гравированными Арнольдом Букинггом, и другое — в 1482 году, напечатанное в Ульме; карты к нему были вычерчены бенедиктинским монахом Дони. В целом ряде последующих латинских изданий Птолемеевой географии были воспроизводимы карты того или другого из этих двух изданий. С начала XVI века вошло в обычай присоединять к тексту Птолемея в виде дополнения краткие сведения о новых государствах на территории Европы и о вновь открытых странах, чтобы таким образом удерживать авторитетное творение древнего географа на современном уровне знаний. Таковы трактаты: *De tribus orbis partibus ac variis naturis hominum* [О трех частях света и различных породах людей] и *Orbis nova descriptio* [Новое описание мира] в издании Птолемея, вышедшем в Риме в 1508 году. Новое и самостоятельное воспроизведение карт к тексту Птолемея с присоединением 26 новых карт (*Novae tabulae*), на которых нанесены были современные сведения, принадлежит знаменитому географу Себастиану Мюнстеру. Карты эти приложены к латинскому изданию Птолемея, вышедшему в свет в Базеле в 1552 году *in fol.* Исторические пояснения к «новым картам» даны на каждой из них, а кроме того тот же Мюнстер составил обширное приложение: *Appendix geographica, in qua tres orbis partes sigillatim describuntur, iuxta modernum rerum statum, explicantur antiquae regionum et populorum successiones et genealogiae, agitur de habitatoribus, moribus, ritibus, fertilitatibus, mutationibus, expugnationibus terrarum atque aliis id genus proprietatibus, quae pecu-*

lialiter in hac vel illa inveniuntur esse aut contigisse terra [Географическое приложение, в котором описываются три части света, каждая в отдельности, наряду с современным состоянием дел, объясняются преемственность и генеалогия древних областей и народов, говорится об обитателях, нравах, обычаях, плодородии, изменениях, завоеваниях земель и прочих такого же рода особенностях, которые особо встречаются в той или иной земле или имеют к ней касательство]¹. Первое издание Птолемея в греческом подлиннике принадлежит Эразму Роттердамскому и вышло в свет в Базеле в 1523 году. Оно было уже началом чисто ученого интереса к этому автору.

Эпоха великих открытий, начавшаяся с Колумба, по необходимости заставила устареть Птолемея; но общие принципы математической проекции карты заключали в себе великую истину, которую восприняла от него европейская наука. На них воспитался Меркатор, который в 1576 году публиковал карты, озаглавленные так: *Tabulae ad mentem Ptolemaei restitutae* [Таблицы (карты), восстановленные по замыслу Птолемея], а в 1594 году он издал уже самостоятельно исполненный, по новым улучшенным методам, атлас под заглавием: *Atlas sive Cosmographicae meditationes de fabricati figura* [Атлас или географические разработки касательно изготовленных чертежей].

¹ «Московия» кратко описана на с. 171, а вслед за ней «*Russia sive Ruthenia, quae et Podolia, olim vero Roxolana* [Руссия или Рутения, она же и Подолия, некогда в прошлом — Роксолана]»; пределы этой последней страны Мюнстер доводит на восток до города Таны, т. е. устья реки Дона.

§ 2

Приступая к «Изложению географии», Птолемей дает такое определение этой науки: «География есть линейное изображение всей известной части земли со всем тем, что к ней (т. е. этой части) вообще относится»¹. Под этим последним понятием он разумеет — «заливы, большие города, народы, более значительные реки и остальное в каждом роде более достопримечательное». От географии Птолемей отличает «хорографию». Тогда как вторая имеет своей задачей подробное и притом качественное описание данной страны со всеми ее достопримечательностями, первая вращается в количественных отношениях². Хорография не имеет надобности в математике, которая совершенно необходима для географии и составляет самое ее основание. Для занятий хорографией необходимо искусство рисования, тогда как географ вполне может обойтись линиями и условными знаками. География, — так заканчивает Птолемей свое разъяснение целей и задач этой науки, — дает нам возможность обозреть всю землю в одной картине, подобно тому, как мы можем непосредственно обозреть все

¹ Ἡ γεωγραφία μίμησις ἐστὶ διὰ γραφῆς τοῦ κατειλημμένου τῆς γῆς μέρους ὄλου μετὰ τῶν ὡς ἐπίπαν αὐτῷ συνημμένων — I, 1, 4.

² Καταγίνεται δ' ἐπὶ πλεῖστον ἢ μὲν χωρογραφία περὶ τὸ ποῖον μᾶλλον ἢ τὸ ποσὸν τῶν κατατασσομένων [Хорография занимается по преимуществу качеством, а не количеством], — ἢ δὲ γεωγραφία περὶ τὸ ποσὸν μᾶλλον ἢ τὸ ποῖον, ἐπειδὴ περ τῆς μὲν ἀναλογίας τῶν διαστάσεων ἐν πᾶσι ποιεῖται πρόνοια [география же занята скорее количеством, чем качеством, так как она проявляет вящую заботу о соответствии расстояний]. — I, 1, 4.

небо с его созвездиями в его вращении над нашей головой.

Творение Птолемея разделяется на восемь книг. Первая содержит общее теоретическое введение. Начав с определения географии, которое приведено выше, Птолемей разъясняет вопросы о материале и методах этой науки, а затем, подвергнув общему обсуждению труд своего ближайшего предшественника Марина Тирского, предлагает крупные поправки в его представлениях о пространстве и виде Земли и в заключение дает два способа проекции географической карты. Следующие шесть книг заключают в себе описание Земли в пределах, в каких она тогда была известна, в таком порядке частей света: Европа — II и III книги, Африка — IV книга, Азия — V, VI и VII книги. Описание идет по областям каждой части света. В пределах римской империи Птолемей соединяет в одну область несколько провинций, а за ее пределами ведет описание по царствам или народам. Для каждой такой единицы Птолемей дает отдельную таблицу, *πίναξ*: для Европы — десять, для Африки — четыре, для Азии — двенадцать. Так как задачу географии Птолемей сводит к точному обозначению положения каждой местности на земном шаре, то его изложение включает в себе сухое перечисление всех известных пунктов данной территории с указанием цифр долготы и широты; кроме городов он называет реки и горные хребты, а также перечисляет в последовательном порядке с севера на юг племена и народы, заселяющие данную территорию. Седьмая книга заканчивается общим обзором Земли с повторением главных данных о положении отдельных областей и частей света, а также теоретическим

разъяснением проекции карты на глобусе. — В заключительной VIII книге автор дает рекапитуляцию своего материала и, следуя порядку своих таблиц, перечисляет те пункты в пределах отдельных областей, для которых он имел в своем распоряжении астрономические данные. Эти последние даны здесь уже не в виде цифр широты и долготы данного места, а в цифрах иного рода, а именно: разность времен, считааемых в один и тот же момент в данном пункте и городе Александрии, и наибольшая продолжительность дня. Таким образом, здесь сопоставлен материал для проверки данных, которые сообщены в предшествующих книгах, так как цифры широт и долгот вычислялись на основании этого рода сведений.

Общее число географических имен, приведенных у Птолемея, доходит до 8000, число же местностей, для которых имелись в то время астрономические наблюдения, было около 400.

Все изложение Птолемея предполагает наличие географической карты; по-видимому, труд Мартина Тирского и представлял прежде всего карту Земли в пределах, в каких она считалась тогда известной. Птолемей, как уже упомянуто выше, дает две системы проекции карты земной сферы на плоскости, но сам он карты не вычерчивал, предоставляя в своем изложении материал для этой технической работы специальным чертежникам¹. Но в некоторых

¹ Ср.: *Berger. Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. IV Abth., Leipzig. 1893. S. 149.* Иначе смотрит на вопрос *Vivien de Saint-Martin. Histoire de la Géographie. Paris, 1873. P. 209* (он утверждает наличие карт в труде Птолемея, которые были почему-то заменены позднее другими); равно и *Норденшильд. Op. cit. P. 8.*

рукописях его географии приложены карты по отдельным «таблицам», в которых он ведет свое обозрение Земли. Для некоторых деталей в этих картах нет оправдания в тексте Птолемея; отсюда естественно предположить, что они были исполнены позднее, с целью пополнить текст Птолемея и сделать его более доступным для пользования. Имя автора этих карт сохранено в записи на одной рукописи Венской королевской библиотеки: он назван — Ἀγαθὸς δαίμων, Ἀλεξανδρεὺς μηχανικὸς, т. е. Агатодэмон, александрийский механик¹. В письмах Исидора Пелусиоты (V века) в числе корреспондентов есть некто «грамматик» Агатодэмон. Его-то считают автором дошедших до нас карт, приложенных к тексту Птолемея². Карты эти остаются доселе неизданными, кроме одного кодекса Ватопедского монастыря. Этот последний воспроизведен фотолитографическим способом в 1867 году в Париже на средства нашего соотечественника Петра Севастьянова³.

¹ Благодаря любезности г. библиотекаря Венской библиотеки, d-г Gödlin von Tiefenau, я могу привести текст записи в подлиннике: Ἐκ τῶν Κλαυδίου Πτολεμαίου γεωγραφικῶν βιβλίων ὅκτῳ τὴν οἰκουμένην ἀγαθὸς δαίμων, ἀλεξανδρεὺς μηχανικὸς ὑπετίπρωσε [Из восьми книг географии Клавдия Птолемея ойкумену (обитаемую землю) начертил Агатодэмон, александрийский механик].

² *Forbiger*. Handbuch der alten Geographie. I. S. 410, прим. 36.

³ *Géographie de Ptolémée, reproduction photolithographique du manuscrit grec du Monastère de Vatopédi au Mont Athos, exécutée d'après les clichés obtenus sous la direction de M. Pierre Sévastianoff et précédée d'une historique sur le mont Athos par Victor Langlois*. Paris, 1867.

§ 3

В своем «Изложении географии» Птолемей ставил целью представить переработку труда своего ближайшего предшественника, Марина Тирского. В пору Птолемея то был самый новый и самый обстоятельный трактат в области этой науки. Птолемей признает Марина весьма серьезным и знающим специалистом. По его словам, Марин воспользовался всеми данными, какие только введены были в научный оборот раньше, проверил их и исправил немало положений, которые заключали в себе погрешности или были приняты без надлежащей проверки; он прибавил также обильный материал из новых источников, т. е. главным образом описаний путешествий на дальний восток. Доведя до конца свой труд, Марин подвергал его неоднократно переработке и выпустил несколько изданий. «Если бы, — замечает Птолемей — мы могли признать безукоризненной его последнюю обработку, то для нас было бы достаточно представить картину Земли по его мемуарам (*ὑπομνήματα*), не затрачивая излишнего труда. Но так как оказывается, что иное он утверждал без достаточного разумения, а кроме того в своем методе составления карты весьма часто недостаточно заботился об удобстве и симметрии, то мы были вынуждены, насколько то считаем нужным, улучшить его труд в отношении метода и удобства для пользования» (I, 6, 2). Предложив затем подробное разъяснение погрешностей общего характера, какие допустил Марин, и указав на необходимость внесения некоторых поправок, благодаря новым сведениям о дальних странах (I, 17), Птолемей резюмирует свое отношение к предшественнику в таких словах. — «Итак,

мой труд преследует двоякую цель: во-первых, переработать весь материал автора, исправив попавшие в него погрешности; во-вторых, приложить заботу о том, чтобы то, что у Марина не совсем ясно, приготовить к занесению на карту по сообщениям побывавших в тех странах путешественников и при том на более точно выработанной таблице»¹. Таким образом, труд Птолемея не был творением оригинальным, что, впрочем, нисколько не умаляет для нас его значения, так как его предшественники до нас не дошли. Наиболее важные и существенные поправки общего характера, какие внес Птолемей в научную географию своего времени, относятся к величине Земли, поскольку она тогда была известна, или, говоря точнее — считалась таковою. Для ясности нашего изложения позволим себе вкратце указать на главные моменты в истории решения проблемы о величине Земли в предшествующий период греческой науки.

§ 4

Постановка проблемы измерить величину Земли была необходимым логическим последствием положения о шарообразности ее вида. Когда греческая философская мысль в школе пифагорейцев установила это положение, тогда начались попытки определить величину земного шара. В комедии Аристо-

¹ "Οθεν ἡμεῖς διπλοῦν ἀναδεξάμενοι πόνον, τὸν μὲν ἵνα τὴν γνώμην τοῦ ἀνδρὸς τὴν δι' ὅλης τῆς συντάξεως τηρήσωμεν χωρὶς τῶν τυχόντων τινὸς διορθώσεως, τὸν δ' ἵνα τὰ μὴ παρ' αὐτοῦ δῆλα γενόμενα διὰ τῆς ὑπὸ τῶν ἐντυγχανόντων ἱστορίας ἢ τῆς ἐν τοῖς ἀκριβεστέροις πίναξι τάξεως ἐφ' ὅσον εὐπόρου ἦν δεόντως ἐγγραφῆ. — I, 19.

фана «Облака», написанной в 423 году до Р. Х., есть одно место, в котором гениальный автор позволяет себе издевательство над этой великой попыткой человеческого ума и тем дает нам свидетельство о ее существовании¹. Если философ Платон говорил лишь в общих выражениях о весьма значительной величине Земли², то его ученик и преемник в развитии философской мысли, Аристотель, подробно развивал учение о шарообразности Земли и для величины меридиана давал точную цифру, а именно: 400000 стадий³. Эта цифра была, по его словам, общепринятой

¹ *Aristoph. Nubes*, 201 и след. Στρεψ. Πρὸς τῶν θεῶν, τί γάρ τὰδ' ἐστίν; εἰπέ μοι. — Μαθ. Ἀστρονομία μὲν αὐτῆι. — Στρεψ. τοῦτ' ἐστὶ τί; — Μαθ. Γεωμετρία. — Στρεψ. τοῦτ' οὖν τί ἐστὶ χρήσιμον; — Μαθ. Γῆν ἀναμετρεῖσθαι. — Στρεψ. πότερα τῆν κληρουχικῆν; — Μαθ. Οὐκ, ἀλλὰ τὴν σύμπασαν. [Стрепс(иад): Ради богов, что же это, скажи мне? — Уч(еник): Это астрономия. — Стрепс.: А это? — Уч.: Геометрия. — Стрепс.: Для чего она? — Уч.: Мерить Землю. — Стрепс.: Ты, что дается в надел? — Уч.: Нет, всю целиком.] — Ср.: *Berger. Op. cit. I. S. 139.*

² В диалоге «Федон» (109 А) Платон влагает в уста Сократа сравнение людей, населяющих страны вокруг моря от Геркулесовых столбов и до Фазиса (т. е. Средиземного моря с включением Черного), с муравьями или лягушками, которые гнездятся около маленького болота, не ведая о множестве других таких же центров жизни себе подобных существ.

³ *Aristot. De caelo*, II, 14, 16. Καὶ τῶν μαθηματικῶν ὅσοι τὸ μέγεθος ἀναλογίζεσθαι πειρῶνται τῆς περιφερείας εἰς τετταράκοιτα λέγουσιν εἶναι μυριάδας σταδίων [И те математики, которые берутся вычислять величину (земной) окружности, говорят, что она составляет около четырехсот тысяч стадиев].

в его время и являлась результатом многих попыток математиков измерить Землю. Такого рода попытки продолжались позднее и получили своего рода завершение в том измерении меридиана, которое сделал александрийский астроном Эратосфен (ок. 270 г. до Р. Х.). Исходным пунктом его измерения было наблюдение, что солнце в летнем солнцестоянии освещало в городе Сиене, Σήνη (ныне Ассуан) дно глубокого колодца. Так как по тогдашним измерениям город Александрия считался стоящим под одним меридианом с Сиеной, то, измерив полуденную тень в Александрии в день солнцестояния и определив расстояние между обоими пунктами, Эратосфен получил данные, которые позволили ему определить дугу небесного меридиана между этими пунктами. По его вычислению, она оказалась равной одной пятидесятой части круга, а так как расстояние между Александрией и Сиеной было равно 5000 стадий, то длина земного меридиана определилась как 250000 стадий¹. В то время у математиков было принято делить круг на 60 частей. Вероятно под влиянием чисто практических соображений удобства и в сознании приближенности цифр, какие давало вычисление, Эратосфен прибавил к первоначально им вычисленной длине меридиана еще 2000 стадий и определил ее, таким образом, в 252000, число, кратное к 60.

Деление круга на 360 градусов введено было в ученый оборот математиков знаменитым ученым Гиппархом (ок. 150 г. до Р. Х.). Принимая вычисленную Эратосфеном длину меридиана и применяя к этой цифре деление окружности на 360 частей, Гиппарх

¹ Forbiger. Op. cit. I. S. 178 и сл.; Berger. Op. cit. III. S. 79 и сл.

получил как меру 1° — 700 стадий¹. Эратосфен считал на египетский стадий, который измерялся в 300 локтей. На современную европейскую меру 1 локоть исчисляется между 0,527 и 0,525 м; таким образом, 1 стадий = 158 метрам и $1^\circ = 110$ километрам.

Весьма существенную поправку в определении величины меридиана сделал знаменитый стоик Посидоний († 49 г. до Р. Х.). Применяя метод Эратосфена, он вычислял дугу небесного меридиана между Александрией и Родосом (где протекла часть его ученой жизни) и определил ее как $7^\circ 30'$, т. е. $1/48$ часть круга. Расстояние между этими пунктами по морю принималось обыкновенно за 5000 стадий по прямой линии; таким образом, получилась цифра, близкая к Эратосфеновой, а именно: 240000 стадий, как длина земного меридиана. Но так как уже Эратосфен вычислил, что Александрия и Родос отстоят по прямой линии не на 5000 стадий, а только на 3750, то, вводя эту поправку, Посидоний получил только 180000 стадий, как длину меридиана, а тем самым длина 1° определялась в 500 стадий, а не в 700, как принимал Гиппарх, следуя Эратосфену². Авторитет Посидония

¹ *Strabo*. II, 5, 34. P. 109 (Mül). εἶναι τὸ μέγεθος τῆς γῆς σταδίων εἴκοσι πέντε μυριάδων καὶ δισχιλίων, ὡς καὶ Ἐρατοσθένους ἀποδίδωσιν [величина Земли составляет 252000 стадиев, как утверждает и Эратосфен].

² *Strabo*. II, 2, 2. P. 78. κὰν τῶν νεωτέρων δὲ ἀναμετρήσων εἰσάγηται ἡ ἐλαχίστην ποιοῦσα τὴν γῆν, οἶαν ὁ Ποσειδώνιος ἐγκρίνει περὶ ὀκτωκαίδεκα μυριάδας οὔσαν [И если из новых измерений Земли принять то, которое приписывают окрестности Земли самые малые размеры — измерение Посидония, считающего окружность Земли около 180000 стадий]. — *Berger* в статье: Die Stellung des Posidonius zur Erdmessungsfrage (Berichte der K. Sächs. Gesellschaft der

имел своим последствием то, что принятые им цифры возобладали в последующее время. Их полагал в основу своих счислений Марин Тирский, а за ним и Птолемей. Этот последний несколько раз поминает в своем изложении, будто длина градуса в 500 стадий была доказана неоднократно измерениями, которые приводили к тем же самым результатам¹. Но так как эта цифра далека от истины, то остается сомнительным, были ли действительно попытки утвердить ее точными астрономическими вычислениями или же ее общепринятость для времени Птолемея была результатом авторитета, какой возымел Посидоний.

Деление Земли на пояса существовало уже раньше Эратосфена. Оно было разработано еще математиком Евдоксом (ок. 380 года до Р. Х.). Земля представлялась островом, расположенным в северной половине полусферы. Эратосфен приравнивал ее общий вид македонской хламиде, т. е. представлял в форме трапеции. Ее протяжение по широте он исчислял

Wiss. phil. hist. Cl. 1899. I, 53–77) доказывает, что Посидоний давал обе цифры длины меридиана лишь в виде примера большего и меньшего результата вычислений, и предполагает, что Посидоний вовсе не настаивал на точности меньшей цифры, которой однако суждено было сыграть такую видную роль впоследствии.

¹ *Ptol. Geogr. I, 11, 2: ὁ τι ταῖς ὁμολογουμέναις ἀναμετρήσεσι συμφωνόν ἐστι* [(цифра), соответствующая результатам других измерений]; VII, 5, 12: ὡς τῆς μὲν μιᾶς μοίρας πεντακοσίου περιεχοῦσης σταδίου, ὅπερ ἐκ τῶν ἀκριβεστέρων ἀναμετρήσεων κατελήφθη, τῆς δὲ ὅλης γῆς περίμετρον μυριάδων ἢ [в одной части окружности 500 стадий, что явствует из точнейших измерений, а периметр всей Земли — 180000].

в 34600 стадий, т. е. около 50° ¹. Эта цифра получалась путем сложения расстояний по установленным еще до Эратосфена параллелям, проведенным через местности, для которых имелись астрономические определения. Самая южная параллель проходила через город Мерию, а самая северная через остров Тулу, Θούλη. Достижение этого северного предела было ученой заслугой путешественника Пифеаса (Πύθεας). Протяжение Земли от крайних пределов Испании до крайних тогда известных пределов Индии Эратосфен исчислял в 78000 стадий². Эта цифра была получена также путем сложения расстояний между отдельными пунктами, причем она вычислялась по параллели Родоса, т. е. 36° с. ш. Эта параллель еще со времени Дикеарха (ок. 310 г. до Р. Х.) называлась «диафрагмой» Земли и, как думал Дикеарх, делила ее поверхность на две существенно различные по своей природе части: северную — гористую и южную — низменную. Протяжение Земли в южном направлении было увеличено на 3400 стадий до параллели, проведенной через «страну киннама» (южнее Египта) и остров Тапробану (Цейлон). Таким образом, была получена цифра 38000 стадий, как протяжение Земли по широте. С этой поправкой цифры Эратосфена приняты были Гиппархом³. Страбон (ок. времени Р. Х.) принимал в общем данные Гиппарха, но протяжение обитаемой земли он несколько уменьшал в обоих направлениях, а именно:

¹ *Strabo*. I, 4, 2. P. 52.

² *Ibid.* I, 4. P. 53. ἀπὸ τῶν ἀκρῶν τῆς Ἰνδικῆς ἐπὶ τὰ ἀκρὰ τῆς Ἰβηρίας... ὑπερβαίνει δὴ τῶν ἐπὶ τὰ μὲν ἰσθμῶν ὀκτακοσίους [расстояние от оконечности Индики до оконечности Иберии... превышает 70000 стадий на 800].

³ *Idem.* II, 5, 9. P. 95; I, 4, 2. P. 52.

по широте он насчитывал только 29300 стадий или в круглой цифре 30000¹, а по долготе — 69500, или в круглой цифре 70000².

Столетие, протекшее от времен Страбона и до Марина, принесло с собою значительное расширение сведений о дальних землях на юге и крайнем востоке, и Марин пополнил данными из путешествий карту Земли. Он принимал протяжение Земли по широте — 87°, а именно: самым северным пунктом оставался для него по-прежнему остров Тула, *Θούλη*, под 63° с. ш., а самым южным — стали город Агисимба, *Ἀγισιμβα*, и мыс Прасон, *τὸ Πράσον ἀκρωτήριον*, в стране эфиопов, оба пункта он помещал под южным тропиком, т. е. 24° ю. ш. (I, 7, 1–2); по долготе — 225°, а именно: от «островов Блаженных», *Μακάρων νῆσοι*, где он проводил первый меридиан, и до «пределов Серы, Синов и города Каттигары», *τὰ μέρη Σήρας τε καὶ Σινῶν καὶ Καττιγάρων*, находившихся, по его исчислению, в расстоянии 15 часов от первого меридиана (I, 11, 1). Длину 1° Марин считал в 500 стадий; таким образом, протяжение Земли по широте выразилось у него цифрой 43500 стадий, а по долготе — 90000. По традиции от предшественников, протяжение Земли по долготе вычислялось по параллели Родоса, т. е. 36° с. ш.

Поправки Птолемея состояли в следующем. Вычислив точнее астрономическое положение Агисимбы и Прасона, он поместил эти пункты на 16° 25′ ю. ш. Остров Тулу он оставлял на 63° с. ш. Таким образом, протяжение Земли по широте определялось у него в круглой цифре 80° (I, 10, 1). Крайним восточным

¹ *Strabo*. II, 1, 13. P. 60.

² *Ibid*. II, 5, 9. P. 95.

пунктом Земли он вместе с Марином считал город Тины, $\Theta\iota\nu\alpha\iota$, столицу народа синов¹, и вычислял для этого места расстояние от первого меридиана, который он проводил через острова Блаженных, Μακάρων νῆσοι (т. е. Азорские или Канарские) — по параллели Родоса — в 72000 стадий. Так как Птолемей считал доказанным, что 1° равен 500 стадий, то на параллели Родоса приблизительная величина расстояния между меридианами была для него 400 стадий; таким образом, протяжение Земли по долготе оказывается равным 180° или полусфере (I, 12, 10; 14, 8). Итак, Птолемей значительно сократил карту Земли в обоих направлениях против того вида, какой ей давал Марин Тирский.

§ 5

Приступая к выполнению грандиозной задачи дать точное положение на карте земной поверхности всех известных в ту пору географических имен, Птолемей должен был сознавать сам, что его карта могла иметь лишь значение приблизительной картины обитаемой земли. Насколько он мирился со степенью приближения, видно хотя бы из того, что расстояние между меридианами по параллели Родоса он принимал за 400 стадий (I, 20, 5). Более точное отношение между этим расстоянием на экваторе и на параллели Родоса он дает в виде отношения 115 : 63 (I, 20, 8),

¹ Народ «сины» — несомненно китайцы; но город Тины Марин и Птолемей помещали на юг от нынешнего Индокитайского полуострова, в пределах материка, который, по их мнению, имел юго-западное направление и должен был где-то соединяться с южной Африкой. Индийский океан представляли они закрытым морем.

т. е. 5 : 4,043478 или 500 : 404,3478. Но во всех своих общих исчислениях он удерживает цифру 400 и, таким образом, сознательно вводит неточность в 4 с лишним стадия. Далее, Птолемей счел нужным остановиться на выяснении неправильности изображения Земли на карте, в которой параллели и меридианы изображаются в виде прямых линий, взаимно пересекающихся под прямым углом, как поступали его предшественники и в том числе Марин Тирский¹. Он предлагает два способа проекции карты. В первом из них параллели изображаются в виде кривых линий, а меридианы — прямых, расходящихся из одного центра (I, 24, 1–8), во втором — не только параллели, но и меридианы, кроме одного среднего, соответствующего 90° полусферы, изображаются в виде кривых линий (I, 24, 9–20). Но, отказавшись сам от попытки дать изображение Земли в одной цельной карте и разделив ее на целый ряд отдельных таблиц, πίνακες, Птолемей тем не менее и сам допускает применение в пределах отдельных таблиц градусной сетки из прямых линий, пересекающихся под прямым углом².

¹ *Ptol. Geogr.* I, 20, 4. Τὰς μὲν γὰρ ἀντὶ τῶν κύκλων γραμμὰς τῶν τε παραλλήλων καὶ τῶν μεσημβρινῶν εὐθείας ὑπεστήσατο πάσας καὶ ἔτι καὶ τὰς τῶν μεσημβρινῶν παραλλήλους ἀλλήλαις παραπλησίως τοῖς πολλοῖς [Все окружности — и параллелей и меридианов — он заменил прямыми линиями и вдобавок, как это обычно делают, провел меридианы параллельно друг другу].

² *Ibid.* VIII, 1, 6. Οὐ παρὰ πολὺ δὲ ἔσται τῆς ἀληθείας, καθάπερ ἐν ἀρχῇ τῆς συντάξεως εἶπομεν, κὰν εὐθείας γραμμὰς ἀντὶ τῶν κύκλων, ἐπι γοῦν τῶν κατὰ μέρος πινάκων παραγράφωμεν καὶ προσέτι τὰς μεσημβρινὰς μὴ συννευούσας, ἀλλὰ καὶ αὐτὰς παραλλήλους ἀλλήλαις. Ἐπὶ μὲν γὰρ τῆς ὅλης

Для общей оценки карты Птолемея следует прежде всего принять в соображение, что астрономические определения, которыми он располагал для отдельных мест, все вообще не вполне точны. Инструменты, которыми пользовались тогдашние астрономы, а равно и самые их приемы, были настолько несовершенны, что получаемые помощью их определения могли быть только приблизительными. Даже для Александрии Птолемей дает не вполне точное определение широты. Он помещает ее под 31° с. ш. (IV, 5, 9). Предшественники Птолемея давали $31^\circ 12'$, что ближе к истине, так как широта Александрии (маяк) по современным вычислениям выражается цифрой $31^\circ 11' 43''$. Поправка Птолемея основана на следующих соображениях: город Сиена, лежащий под тропиком, отстоит от Александрии на $7^\circ 10'$, а так как наклонение эклиптики к экватору он принимал $23^\circ 50'$, то и вывел для широты Александрии 31° ¹.

οἰκουμένης οἱ τοῦ πλάτους καὶ τοῦ μήκους ὅροι, κατὰ μεγάλας λαμβανόμενοι διαστάσεις, ἀξιολόγους ποιοῦσι τὰς τῶν ἄκρων κύκλων παραλλαγῆς, ἐπὶ δὲ ἐκάστου τῶν πινάκων οὐκ ἔτι [В гораздо большей степени будет отклонением от истины, как уже было сказано в начале построения, если мы вычертим прямые линии вместо окружностей к каждой таблице отдельно и вдобавок сделаем меридианы не наклонными к центру, а параллельными друг другу. Но если в отношении всей Вселенной, границы ширины и длины, взятые по максимуму, дают значительную разницу между концами окружностей, то в отношении каждой из таблиц — не слишком значительную].

¹ Эратосфен вычислял наклонение эклиптики к экватору, как «половина $11/83$ наибольшего круга», что составит в переводе на наш способ счисления: $23^\circ 50' 20''$, тогда как современная наука исчисляет его для 250 г. до Р. Х. в

Правильное исчисление долгот и широт было чрезвычайно затруднено для древних отсутствием у них точного инструмента для измерения времени. Употреблявшиеся у них часы были крайне несовершенны и деление часа на части имело вид грубого приближения¹. Отсюда возможны были странные погрешности против истины в правильных по существу вычислениях. Так, например, расстояние между Арбелой и Карфагеном было вычислено в $45^{\circ} 10'$ на том основании, что лунное затмение, которое видели македоняне в день битвы при Арбеле во 2-м часу, было видимо в Карфагене в 5-м². На самом же деле эти города отстояли на $33^{\circ} 45'$, т. е. была допущена ошибка более чем на 11° .

Неправильное исчисление градуса в 500 стадий, которое Птолемей принимал за твердо установленный научный факт, было причиной многих весьма грубых ошибок на его карте. Так, протяжение Средиземного моря от Геркулесовых столбов (нынешний Гибралтар) до крайнего восточного пункта, г. Исс (нынешняя Александретта), было исчислено по параллели Родоса в 25400 стадий. При величине градуса, какую принимали Эратосфен и Гиппарх, т. е. 700 стадий, протяжение моря равно $45^{\circ} 20''$. Эта цифра близка к истине, так как, по современным измерениям,

$23^{\circ} 44'$. Птолемей — *Syntax. Mathem. II* (p. 107 Heiberg) дает цифру $23^{\circ} 51'$, тогда как в действительности в 150 г. по Р. Х. оно было $23^{\circ} 40' 48''$. В «Географии» Птолемей знает только круглые цифры и дает $23^{\circ} 50'$. В наше время наклонение эклиптики — $23^{\circ} 27'$.

¹ Ср.: *Gustav Biflinger. Die antiken Stundenangaben. Stuttgart, 1888.*

² *Ptol. Geogr. I, 4.*

названные крайние пункты отстоят на $42^{\circ} 32' 37''$. Но так как Птолемей принимает для протяжения моря ту же самую цифру, а 1° равен у него 500 стадий, то расстояние от Геркулесовых столбов до крайнего восточного пункта исчислено в 62° , т. е. допущена погрешность на $19^{\circ} 27' 23''^1$.

Располагая астрономическими данными для сравнительно небольшого числа пунктов и притом почти всегда неточными, Птолемей разместил на своих таблицах, πίνακες, 8000 географических имен с указанием широт и долгот в точных цифрах, причем наименьшей величиной у него является $5'$. Принятие за наименьшую величину такой крупной единицы, является наглядным свидетельством о том, как далек был Птолемей от стремления к абсолютной точности².

¹ Ptol. Geogr. V, 8, 4. Ἰσσός [Исс] — $69^{\circ} 20'$; II, 4, 7. Κάληη ὄρος καὶ στήλη τῆς ἐντὸς θαλάσσης [Гора Кальпа и столбы внешнего моря] — $7^{\circ} 30'$. Ср.: Vivien de Saint-Martin. Histoire de la Géographie. P. 203.

² Астрономические определения местностей Птолемей дает в цифрах градусов и минут; градус делится на 60 минут, но минуты выражены не в виде целых чисел, а дробей. Обычный у греческих математиков способ для написания дробей — обозначение знаменателя цифрой, причем числитель мыслится как единица. Таким образом: $1/3$, т. е. $15'$, есть γ' , $1/4$, т. е. $20'$, — δ' , $1/12$, т. е. $5'$, — $\iota\beta'$. Для обозначения $1/2$ Птолемей употребляет не β' , а условный знак приблизительно такого вида: L' . Дробь с числителем, большим одной единицы, разлагается на составные части: так — $25' = 5/12 = 1/3 + 1/12 = \gamma'\iota\beta'$; $35' = 7/12 = 1/2 + 1/12 = L'\iota\beta'$; $45' = 3/4 = 1/2 + 1/4 = L'\delta'$; $50' = 5/6 = 1/2 + 1/3 = L'\gamma'$; $55' = 11/12 = 1/2 + 1/3 + 1/12 = L'\gamma'\iota\beta'$. Для обозначения $40'$, т. е. $2/3$, Птолемей употребляет обозначение $\gamma\theta$. Ср.: Claudii Ptolemaei Geographiae libri octo. Ed. Wilberg. P. 32 sqq. (примечание к 10 гл. I кн.).

Помимо малочисленности астрономических наблюдений и их неточности Птолемей был обречен на приблизительность самым характером того материала, из которого он должен был заимствовать наибольшее число своих данных, а именно: маршруты путешественников и итинерарии римских дорог. Редуцируя указанные у путешественников расстояния между отдельными пунктами на свой градус в 500 стадий, он принимал в соображение отклонения от прямого направления в плавании по морю, заходы в гавани, остановки и т. д. При отсутствии у древних надежного измерителя времени и том условии, что современный компас у них заменяло наблюдение звездного неба, показания путешественников о направлении пути могли иметь весьма относительное значение, а поэтому и самый материал, какой они представляли, был до крайности ненадежен. Птолемей относился к данным этого рода с гораздо большей осторожностью, чем его предшественник, Марин Тирский. В результате его проверки явилось сокращение протяжения Земли по долготе на 45° , т. е. на $1/5$ часть. Но и эта редукция привела его к выводам, весьма далеким от истины. Если вычертить карту Птолемея целиком в пределах известного тогда материка, то окажется, что полусфера Птолемея соответствует на нашей современной градусной сетке протяжению в 126° , т. е. выясняется ошибка более чем на $1/3$ часть. Из этой трети одна половина приходится на неправильное исчисление величины градуса, другая — на неправильность редукции данных, какими располагал Птолемей.

Таковы общие недостатки труда Птолемея. Но при всем том его «География» остается великим памятником ума и знания древнего человечества. Условия

тогдашней современности не были достаточно благоприятны, для того чтобы подвиг, на который отважился Птолемей, вошел в ученый оборот и побудил пытливые умы потомков усовершенствовать достигнутые в его труде результаты. Более чем тысячелетие труд его оставался мертвым капиталом; но он не погиб, и на заре лучшего времени породил из себя нашу современную европейскую науку.

Глава II

Карта Европейской Сарматии

§ 1

Обращаемся к карте Птолемея в пределах вычерченного нами ее отрезка. Она исполнена по первому из двух указанных у Птолемея способов проекции сферы на плоскости, т. е. параллели являются в виде кривых линий, а меридианы — прямых, исходящих из одного центра. В пределах от 63° по 43° по широте и от 42° по 73° по долготе наша карта охватывает целиком восьмую таблицу Европы, т. е. Европейскую Сарматию, и пограничные с этой территорией части нескольких других таблиц Европы и Азии. Достаточно одного общего взгляда, чтобы заметить различие в изображении областей, входящих в пределы римской империи, и стран, лежавших вне ее границ: сходство очертаний с действительным видом этих земель на современной карте убывает по мере отдаления от границ империи. Но и в пределах империи карта имеет лишь приблизительный вид, и в ней допущено немало погрешностей. Укажем на следующее. — Нижнее течение Дуная от устья р. Алунты (Ольты) до г. Аксиополя (Черновода) приподнято к северу на

1° 50', тогда как в действительности это повышение не больше 25'. Сообразно этому горный хребет Гэм (Балканские горы) получил несоответствующее истине направление: тогда как в действительности он имеет прямое направление с запада на восток, на карте Птолемея он протянут с юго-запада на северо-восток. Течение Дуная между Аксиополем и Диногетией (местность впадения Серета в Дунай) отклоняется у Птолемея на 1° 10' к западу, тогда как в действительности Дунай течет в этих пределах прямо на север. Вследствие этой неправильности территория нынешней Добруджи получила искаженный вид. В пределах Верхней Мэзии г. Сингидон (Белград) отстоит на 30' к западу от г. Тавруна, расположенного на левом берегу Савы. Но Таврун находился на месте нынешнего Землина, который лежит почти на одном меридиане с Белградом, т. е. Сингидоном, на левом берегу Савы близ ее устья, которое у Птолемея отодвинуто от Сингидона. Далее, западную границу провинции Дакии составляет река Тибиск, которой он дает почти прямое течение с севера на юг и показывает ее впадение в Дунай близ г. Трикорния, расположенного на правом берегу Дуная близ впадения р. Марга, т. е. нынешней Моравы.

Здесь у Птолемея допущено несколько ошибок, которые имеют причиной смешение двух рек: Тибиск, т. е. нынешний Темеш, и Тизия, ныне Тисса¹. Западной границей римской Дакии считалось течение этой последней реки, как то нам хорошо известно из других источников. Так представлял себе дело и Птолемей, почему и дал своему Тибиску почти пря-

¹ Ср. *Hunfalvy*. *Ethnographie von Ungarn* (übertragen von Schwicker). Budapest, 1877. S. 54 и след.

мое течение с севера на юг, что соответствует действительному течению Тиссы. Что касается до Тибиска (Темеша), то он течет с востока широкой излучиной и впадает в Дунай на пространстве между Сингидоном и впадением Марга, т. е. Моравы. Тисса впадает в Дунай почти на меридиане Сингидона, но значительно севернее, против города Акуминка.

Точно так же и на восточной границе Дакии неясность представлений Птолемея сказалась в том, что он нанес на карту только один приток Дуная, текущий с севера, Гиераз. Это имя носил у древних нынешний Серет. Города, указанные им по Гиеразу, заставляют дать этой реке течение в виде ломаной линии, что противоречит действительности. Сблизив течение Гиераза с Тирасом, т. е. Днестром, Птолемей не дал на своей карте места для другого северного притока Дуная, нынешнего Прута, носившего у древних имя Пирет, Πυρετός. По всему вероятно, в своем Гиеразе он соединил обе реки, подобно тому, как на западе Дакии слил в одно Тибиск и Тизию.

Если возможны были такие погрешности в карте римских провинций, то само собой разумеется, что далекие от империи страны, заселенные дикими неизвестными Риму народами, должны были явиться со множеством искажений.

Границы Европейской Сарматии Птолемей определяет так: с востока Боспор Киммерийский, Меотида, течение реки Танаида и Азиатская Сарматия до «земель неизвестных», которые начинались за 63° с. ш.; с юга — Евксинский Понт, римские провинции Нижняя Мезия и Дакия, земля языгов-переселенцев; с запада — Сарматские горы, Германия и течение реки Вислы; с севера — Венедский залив Сарматского океана до 63° с. ш. Южные приморские пределы этой

страны были известны грекам с давних пор: целый ряд греческих поселений раскинулся по побережью, и некоторые из них были цветущими центрами культуры, стояли в пору Птолемея в живых отношениях к политическому центру мира, Риму, и находились в зависимости от него. Из Пантикапеи (нынешняя Керчь) греческое влияние проникло на берега Меотиды, и на устьи Танаиса (Дон) процветал в ту пору значительный торговый город, одноименный реке, который входил в пределы Боспорского царства, имевшего своей столицей Пантикапею. Несоответствующие действительности очертания Меотиды и непомерное расширение этого моря на карте Птолемея объясняется, очевидно, неправильной редукцией данных берегового плаванья, которыми он располагал для нанесения на карту отдельных пунктов побережья.

§ 2

Внутри пределов Европейской Сарматии Птолемей наносит на карту много рек, несколько горных хребтов, несколько городов по течению рек, впадающих в Евксинский Понт, и множество имен народов, заселявших страну. Из пяти рек, впадающих в Венедский залив, только для одной, а именно *Вистулы* (Висла) показано два пункта: устье и истоки, для остальных указаны только пункты впадения в море. *Танаис* известен Птолемею на всем его течении: он дает пункт его истоков, указывает место, где он резко изменяет направление своего течения, знает разделение его на два протока в нижнем течении и точно отмечает оба устья реки. Пограничная река Сарматии на юго-западе, *Тирас* (Днестр), показана также в двух пунктах: истоки и устье, причем течение дано

ей в несоответствии с действительностью, с запада на восток с отклонением на протяжении всего течения только на 50' по широте.

На 20' севернее и на 40' восточнее устья р. Тираса Птолемей помещает устье р. *Аксиака*. Он не указывает истоков этой реки, но упоминает, что она вытекает из Карпатских гор, так же, как и Тирас (III, 5, 6). Очевидно, под устьем Аксиака следует разуметь Тилигульский лиман, ныне закрытый от моря песчаной косой; в него впадает несколько незначительных рек, из которых одна, одноименная с лиманом, действительно вытекает из восточных предгорий Карпатского хребта. Далее к востоку на одной широте, 48° 30', даны у Птолема устья трех рек: *Борисфена*, *Гипанида* и *Каркинита*. Расстояние между устьями двух первых — 30', а второй и третьей — 1° 40'. Тут пред нами грубое смешение и крупная погрешность. Вместо этих трех далеко отстоящих одно от другого устьев в действительности есть на этом протяжении берега только — один большой лиман, в который изливаются Буг и Днепр. Никакой третьей реки на этой территории нет и, конечно, не было и в пору Птолема. Имя Борисфена принадлежит, несомненно, Днепру; так разумел это и сам Птолемей, показавший его истоки на далеком севере и большой приток с западной стороны, вытекающий из озера Амадоки. Гипаниду соответствует наш Буг. Если у Птолема устье Гипанида показано на 30' восточнее устья Борисфена, тогда как в действительности существует обратное отношение, хотя и не в таком большом расстоянии, то причиной является смешение Гипанида с Борисфеном, которое было для Птолема давней литературной традицией. Реки эти смешивал уже Страбон (II, 4, 6), а за ним Плиний (IV, 62) и другие.

Вызвано же было это смешение и поддерживалось оно тем, что самый значительный и хорошо известный, близкий к морю город в той местности, Ольвия, носил наряду с этим именем и другое, Борисфен или Борисфенида, Βορυσθένης, Βορυσθείης. Оба эти имени дает этому городу и Птолемей (III, 5, 14). В настоящее время мы хорошо знаем, где лежала Ольвия: она находилась на правом берегу Буга в 35 верстах к югу от г. Николаева и 28 к северо-востоку от Очакова. Если Ольвия издавна получила у греков название, соименное самой большой реке той страны, впадающей в море через общий лиман с Бугом, на берегу которого лежала Ольвия, то факт этот можно объяснить тем, что торговое движение из Ольвии внутрь страны шло по главной и наибольшей реке ее, что а priori вполне вероятно. Но то обстоятельство, что Ольвию называли Борисфеном, вызвало у географов смешение Днепра и Буга и даже перестановку этих рек у Птолемея. Так как нижнее течение Борисфена Птолемей провел подле Ольвии и города, о которых он имел сведения, разместил на верхнем течении реки, то он должен был отодвинуть Гипанид далее к востоку.

Истоки Борисфена показаны у Птолемея под 52° с. ш. и 53° в. д. Течение реки имеет несколько излучин до соединения с «западным притоком», вытекающим из озера Амадоки. Нельзя не узнать в этом притоке нашу *Припять* и в Амадокийском озере — наше Пolesье, область Пинских болот. Уже Геродот имел сведения о существовании на северном пограничьи Скифии болотной местности, питающей большие реки. По его свидетельству, на пограничьи Скифии с областью невров лежит большое озеро, откуда истекает река Тирас (IV, 51). Из большого озера в северных

пределах Скифии ведет он также и реку Гипанид, причем сообщает, что на берегах этого озера водятся дикие белые лошади. В этих последних все исследователи вопросов о Скифии и комментаторы Геродота признали лося, который и поныне держится в Польше.

Что касается до городов, размещенных Птолемеем на Борисфене и его западном притоке, то, не касаясь пока вопроса об их локализации, мы должны признать в самом их существовании и знакомстве с ними греков тех времен непреложное свидетельство о культурном воздействии приморской области на население, занимавшее среднее течение Днепра и его притоков. Археологические находки на территории нашего Киева дают полное основание предполагать чрезвычайную древность заселения этого места, и карта, как ее представлял себе Птолемей, невольно заставляет подумать, что значащийся в ней город *Метрополь* есть наш Киев.

Что касается до реки Каркинита, впадающей в море на восток от Ахиллова Бега, т. е. Тендры, то такой реки не существует. Между тем Птолемей расположил в области верхнего течения Каркинита четыре города. Не будет ли правильно предположить, что эти города следует переместить на нижнее течение Днепра? Среднее течение Днепра отделено от нижнего порогами, которые тогда, как и теперь, являлись препятствием для непрерывного плавания по течению реки. К среднему течению реки могли существовать торговые пути из Ольвии по суше; в своем нижнем течении Днепр приближается к пределам территории Таврического полуострова, а потому весьма естественно предположить, что в этой местности существовал торговый путь из какого-нибудь портового

города Каркинитского залива. Так как вследствие смешения Борисфена с Гипанидом древние географы передвинули нижнее течение Днепра далеко на запад, то истинное его течение могло обратиться в какую-то особую реку, явившуюся на карте под именем Каркинита от имени города Каркины, служившего посредствующим пунктом между побережьем на восток от Теандры и течением Днепра.

В Меотиду впадают кроме Танаиса еще 12 рек: пять — с запада, т. е. протекают в пределах Европейской Сарматии, и семь — с востока. Из пяти западных две северные реки: *Лик* (т. е. Волчья) и *Порит* соответствуют, по всему вероятно, Кальмиусу и Миусу. Первая из них имела значение судоходного пути много столетий позднее¹; тем естественнее предположить, что во время Птолемея то была многоводная река, по которой культурное влияние проникло с берега внутрь страны.

В Венедский залив Сарматского океана впадают из пределов Европейской Сарматии четыре реки: *Хрон*, *Рудон*, *Турунт*, *Хесин*. Для всех четырех Птолемей дает только по одному пункту, а именно: места их впадения в море. Отсюда следует заключить, что эти реки были известны в ту пору только благодаря береговому плаванию. Современная карта заставляет нас признать в них: Прегель, Неман, Виндаву и Западную Двину². То обстоятельство, что Прегель у Птолемея находится в таком далеком расстоянии от Немана, вполне объясняется тем, что эти реки не

¹ *Брун*. Черноморье. I, VII. Следы древнего речного пути из Днепра в Азовское море (С. 98–133).

² *Müllenhoff*. Deutsche Altertumskunde, II (1887). S. 25 и сл.

имеют непосредственного выхода в море, а впадают в лиманы. Ввиду этого расстояние между ними в днях плавания естественно могло вызвать представление о длинной линии берега между устьями этих рек. Сведения об этом далеком берегу моря проникали к римлянам через германцев. Это последнее утверждение позволяет сделать самое имя, какое дает Птолемей нынешнему Балтийскому морю, т. е. *Венедский* залив, так как венедами называли славян германцы.

§ 3

Переходим к горным хребтам в пределах Европейской Сарматии. Птолемей называет две горные группы на границах этой страны и шесть — внутри ее. Для нанесения на карту Сарматского хребта Птолемей дает два пункта, которые заставляют дать ему направление с севера на юг с небольшим отклонением к западу¹. Для Карпатских гор указан только один пункт: $46^{\circ}-48^{\circ} 30'$; другой получается из указания места истоков р. Тираса: $49^{\circ} 30'-48^{\circ} 30'$, вытекающего, по замечанию Птолемея, из Карпатских гор. Таким образом, этому хребту дано прямое направление с запада на восток. Так как западная граница Сарматии идет по рекам Днестру и Висле, то, сравнивая карту Птолемея с современной, приходится соединить Сарматские и Карпатские горы в одну горную группу, т. е. признать у Птолемея раздвоение

¹ Этот хребет соответствует нынешним Малым Карпатам на пограничьи между Моравией и Венгрией. Туземцы называют эти горы Белявы. Ср. *Sadowsky*. Die Handelsstrassen der Griechen und Römer. Iena. 1877. S. 52.

Карпатского хребта. К той же горной системе необходимо также приурочить показанные отдельно стоящими на карте Птолемея *Венедские* горы на севере и *Певкинские* к юго-западу от них. Так как венеды явились у Птолемея на крайнем северо-западе Сарматии, то и Венедские горы помещены поблизости от них, к востоку от среднего течения Вислы. Но германцы соприкасались со славянами в области Карпат, а потому их сведения о Венедских горах могли относиться только к этой горной группе¹. Что касается до Певкинских гор, то это имя стоит в очевидной связи с народом певкины. Этот этнический термин был издавна в ученном обороте древних, и народ этого имени древние географы и историки помещали в области, прилегающие к нижнему течению Дуная. Птолемей на своей карте раздвоил певкинов: они занимают устье Дуная и являются затем глубоко внутри Сарматии, выше верхнего течения Днестра. По народности певкины были частью большого племени бастарнов, которое у Птолемея, в согласии с показаниями предшественников, занимает восточный склон Карпатского хребта. Почему певкины раздвоились у Птолемея и часть их отодвинута далеко на север вместе с одноименными им горами, это остается, по необходимости, неясным; но принадлежность их к бастарнам и раздвоение их на северных и южных позволяет нам сблизить Певкинские горы с Карпатским хребтом и, таким образом, как бы сжать карту Птолемея Сарматии в ее юго-западном конце.

¹ *Forbiger*. Handbuch der alten Geographie von Europa. 2-te Aufl. S. 763, прим. 27 — приурочивает Венедские горы Птолемея к холмистой местности на пограничьи между Польшей и Восточной Пруссией.

На пространстве между левым берегом Днепра и Азовским морем Птолемей помещает две горные группы: *Амадокийские* и *Аланские* горы. Первые из них не соответствуют, по-видимому, никакой реальности¹, подозрительным делает их самая тождественность их имени с озером, из которого вытекает приток Борисфена (Припять). Что же до Аланских гор, то, быть может, правильно будет признать в них возвышенную местность, пересекаемую течением реки Донца, Донецкий кряж.

Таким же мнимым географическим фактом, как Амадокийские горы, приходится признать и *Рипейский* хребет, τὰ Ῥιπαία ὄρη. Птолемей поместил их под 57° 30' с. ш. и 63° в. д., поблизости от истоков р. Танаиса, при чем, однако, у него нет указания на то, что Танаис течет с гор, как то было естественно в виду их близости к его истокам и как то делали другие древние географы. Весьма вероятно, что Рипейские горы на карте Птолемея являются учено-литературной традицией давнего происхождения. Уже в VII в. до Р. Х. есть это имя для обозначения неведомых гор в дальних северных пределах. Позднее это имя было перенесено на Альпы. С распространением географических сведений горы этого имени перемещались все далее на север в страны, остававшиеся неведомыми, и приведены были в связь с р. Танаисом, как далекой границей между Европой и Азией².

¹ *Forbiger*. Op. cit. прим. 23 — высказывает догадку, что под Амадокийскими горами следует разуметь холмистые местности Киевской и Харьковской губерний, забывая, по-видимому, что эти губернии не смежные, в разделены равниной Полтавской губернии.

² Ср.: *Ukert*. Geographie der Griechen und Römer. III, 2-te Abth. Weimar, 1846. S. 98–102, где сопоставлены свидетель-

Такое положение дал им и Птолемей, показав их в одном лишь пункте и притом в пределах Европейской Сарматии. Так как он знал Волгу, под именем Ра, и Каму, как северное течение этой реки, а также и излучину в ее нижнем течении, где она сближается с течением Дона¹, то ему могло быть известно о степном характере местности между Доном и Волгой и об отсутствии здесь горного хребта. Но литературная традиция была слишком прочно установлена, и Птолемей не устранил с своей карты этих мнимых гор.

Остается еще один хребет — *Бодинские горы*, которые показаны у Птолемея на одной широте с Аланскими, к западу от них на 5', т. е. на долготе устья Днепра и Тендры. При скудости сведений о внутренних пределах Сарматии, какими располагал Птолемей, трудно даже представить себе, каким образом могло у него оказаться свидетельство о каких-то горах, лежащих вне области рек, ему известных, и вдали от городов, размещенных им внутри Сарматии. Быть может, эти горы явились результатом теоретического представления о водоразделах между бассейнами этих рек, текущих в противоположные моря, южное и северное. Если эта догадка справедлива, то в Бодинских горах пришлось бы видеть Валдайскую возвышенность.

§ 4

Пределы Европейской Сарматии Птолемей заполнил множеством этнических имен. В своем перечис-

ства о Рипейских горах, начиная с поэта Алкмана. У Мелы — I, 19 и Плиния — IV, 24 — Танаис вытекает из Рипейских гор, и хребет простирается из Европы в Азию.

¹ Ptol. V, 8, 12–13.

лении населения страны он выделяет сначала несколько больших народностей (ἔθνη μέγιστα), а именно: *венеды* — по всему Венедскому заливу Сарматского океана, *певкины* и *бастарны* — к северу от римской провинции Дакии, *языги* и *роксоланы* — по побережью Меотиды и наконец — внутрь страны от этих двух народов — *гамаксобии* и *аланы-скифы*. Вслед затем Птолемей перечисляет меньшие народности (ἐλάττωα ἔθνη) сначала по течению реки Вистулы до южной границы страны. Тут названы гитоны, финны и целый ряд других имен, которые представляют немало затруднений в смысле определения их национальности. Далее названы племена, занимающие территорию к юго-востоку от венедов: галинды, судины и ставаны, которые составляют, по-видимому, одну группу, и «ниже их» игиллионы, кистобоки и трансмонтаны «до Певкинских гор». Обращаясь опять на север, Птолемей заполняет этническими именами северо-восточную часть страны между берегом моря, границей Азиатской Сарматии и до пределов алан на юге. Тут наряду с новыми именами, каковы: осии, карбоны, боруски, являются известные уже Геродоту гелоны, меланхлены, агафирсы. В заключение обзора дано несколько имен народов, обитавших к юго-западу от алан и роксолан, названы племена, занимавшие земли на левом берегу р. Танаиса близ его излучины: офлоны, танаиты, осилы, а также перечислены некоторые народы, обитавшие в разных частях страны между двумя другими из названных прежде. Так, между певкинами и бастарнами Птолемей помещает карпианов, между бастарнами и роксоланами — хуннов. Не забыты при этом известные из Геродота будины или бодины, которых Птолемей помещает где-то к северу от карпианов,

а также и Страбоновы тирегеты, обитавшие поблизости от Дакии.

Мы далеки от мысли входить здесь в подробный разбор этнической карты Птолемея. Почти все из упомянутых у него имен имеют свою историю в литературном предании древних, а вопрос об определении их национальности — обширную литературу в современной науке. Но мы позволим себе сделать несколько замечаний в видах упрощения пестроты имен на карте Птолемея. — Среди названных у Птолемея имен есть несколько таких, которые, очевидно, не соответствуют никакой народности. Таковы прежде всего: амадоки, навары и тореккады. В этих именах лишь повторены имена городов: Амадока, Навар и Торокка. Такими же мнимыми народностями являются, далее, трансмонтаны, помещенные у Птолемея на север от Певкинских гор и гамаксобии, по соседству с аланами. Латинское значение первого слова — «загорцы» — само в себе обличает свое происхождение, и в смысле этнического имени оно есть лишь недоразумение¹; точно так же второе имя — «обитатели телег» (кибиток) — есть лишь общее обозначение кочевников, передвигавшихся в степях со своими кибитками и табунами². В таком быту находились как во время Птолемея, так и два века позднее, аланы. Между тем Птолемей помещает гамаксобиев, как особый народ, в соседство с аланами. Отметим,

¹ Хотя, впрочем, у Аммиана Марцеллина. 17, 12, 12 — помянут народ *Transiugitani* [трансюгитаны] в соседстве с квадами.

² Так смотрит на этот термин Страбон, который употребляет выражение Ἀράξοικοι [гамаксойки] — II, 1, 26; VII, 3, 7; XI, 2, 2.

наконец, имя ревканалы, которое, по всему вероятию, есть лишь повторение имени роксолан¹.

Нельзя оставить без внимания одного обстоятельства, которого мы касались выше в другой связи. Некоторые народы названы у Птолея по два раза и раздвинуты на широкое пространство. Таковы прежде всего певкины. По свидетельству Страбона, так называлась часть племени бастарнов, которая проникла в устье Дуная и получила это имя от названия местности: Певка. Птолемей знает певкинов в долине Дуная, но он же называет их, как самостоятельный народ, на далеком севере. Очевидно, мы вправе сблизить северных и южных певкинов и тем самым изменить общий вид его карты тех мест. В таком же положении оказываются еще кистобоки и анартофракты. Птолемей размещает эти народы в пределах к северу от Дакии. Но на пространстве Дакии он знает имена кистобоков и анартов, в качестве туземцев, занимающих северные пределы страны. Отсюда естественно заключить, что кистобоки и анартофракты в пределах Европейской Сарматии занимали местности не на далеком пространстве от границ Дакии, а в ближайшем с ней соседстве, соприкасаясь с теми своими соплеменниками, которые оказались в зависимости от Рима.

Славяне под именем *венедов* помещены у Птолея по морскому побережью на восток от нижней Вислы, южнее их размещены гитоны, финны и группа народов: галинды, судины и ставаны. В такой локализации кроется, несомненно, крупная погрешность.

¹ В тексте известного декрета херсонесцев в честь Диофанта — *Latyschev. Inscript. Ponti Eux. I, № 185* — имя роксолан дано в форме *Ῥευξιναλοί* (строка 23); Ср. *Strabo. VII, 3, 17.*

Туземцами побережья были литовцы, а далее к востоку от них финны. Эти последние являются у Птолемея под своим именем; что же до литовцев, то их нетрудно узнать в галиндах и судинах. Галинды — голядь нашей летописи; судины, много веков спустя, дали имя области *Sudavia* [Судавия] в восточной Пруссии (территория между Мемелем, Наревом и Лыком)¹.

Венедов Птолемей считал одной из самых крупных народностей в пределах Европейской Сарматии и отвел им первое место в перечислении народов, занимающих эту страну; но в размещении на карте он слишком приблизил их к морю и тем самым отвел им мало места. Если в устах германцев море могло получить имя Венедского, то, очевидно, потому, что славяне являлись преобладающим народом в соседней с ними стране. На этнической карте Птолемея они потеряли это значение, и последующая история дает нам полное основание видеть в такой локализации славян на карте Птолемея недостаточность сведений о тех далеких странах. Не на свое место попали также и финны: их исконная область лежит гораздо далее на северо-восток, чем как это представлял себе Птолемей.

Южнее венедов на правом берегу Вислы Птолемей помещает *гитонов*, *Γύτονας*. Под этим именем скрывается народ, властно выступивший на арену истории в половине III века нашей эры и сыгравший первенствующую роль в эпоху переселения народов, — готы. Древнейшее свидетельство об этом народе в

¹ *Матвей Стрыйковский*. *Sarmatia Europea*, в перечислении дукатов, на которые делилась Пруссия: *Sudavia ducatus I* (*Mizlerus de Kolof. Hist. Pol. Scr. Col. magna. I. Varsoviae, 1761. P. 89*). Ср. *Müllenhoff. Op. cit. II. S. 22* и сл.

области нижней Вислы принадлежит еще IV веку до Р. Х. Оно дано было знаменитым путешественником из Массилии, Пифеасом, и сохранено для нас Плинием¹. Тацит знал имя этого народа в форме *Gutones* [гутоны] и помещал его в соседстве с лугиями, т. е. отводил ему оба берега Вислы². Птолемею несколько суживает область готов, но во всяком случае место, которое он им отводит на своей карте, более или менее соответствует действительности того времени. — Иначе обстоит дело с *языгами*. Этому народу, вместе с родственным ему племенем *роксолан*, Птолемею отводит западное побережье Меотиды. Между тем оба эти народа в пору, к которому относится составление его карты, передвинулись уже далеко к западу. Еще в начале I века нашей эры языги, пройдя через территорию даков, остававшихся тогда свободным народом, заняли равнины между средним течением Дуная и рекой Тиссой и стали соседями провинции Паннонии. Птолемею имел сведения

¹ *Plin. Hist. Natur.* 37, 35 (в изложении об янтаре): Pytheas Gutonibus Germaniae gente adcoli aestuarium Metonomon nomine ab oceano spatio stadiorum sex milium, ab hoc diei navigatione abesse insulam Abalum, illo per ver fluctibus advehi et esse concreti maris purgamentum, incolas pro ligno ad ignem uti eo proximisque Teutonis vendere [Пифей (сообщает), что германское племя гутонов обитает в бухте океана, называемой Метомоном, протяженностью шесть тысяч стадий, от которой на день плавания отстоит остров Абалус. На этот остров весной выбрасывается волнами янтарь, являющийся продуктом сгустившегося моря. Местные жители используют его как топливо вместо дров и продают своим соседям тевтонам].

² *Tacit. Germ. Cap.* 44: Trans Lugios Gutones regnantur [За лугиями (живут) — управляемые царями гутоны].

об этой области и помянул ее как особую страну, назвав ее землей языгов-переселенцев, Ἰάζυγες Μεταβάστα. Этим эпитетом он отличил их от соименного народа на берегах Меотиды. Но свидетельства исторических писателей позволяют нам с уверенностью утверждать, что никаких языгов не осталось в Сарматии; к восточным границам даков и к области нижнего Дуная тогда же подвинулись родственные языгам роксоланы. При имп. Нероне правитель Нижней Мезии отражал напор роксолан на римские границы¹; позднее с ними имел дело на нижнем Дунае имп. Адриан, а при Марке Аврелии роксоланы сносились с соплеменными им языгами-переселенцами через провинцию Дакию по римским дорогам². Между тем Птолемей помещает роксолан далеко на восток от пределов империи, а в соседстве с Мезией и Дакией знает только бастарнов, тирагетов, тагров. — Таким образом, в отношении языгов и роксолан карта Птолемея заключала в себе весьма существенный анахронизм.

В заключение мы должны остановиться еще на одном имени народа, которое названо у Птолемея в степных местностях левого берега Днепра. Это — *хунны*, Χουνοί. Появление их на карте Птолемея есть первое свидетельство о тюрках на территории Европы. Видеть в хуннах тюрков, т. е. Niung-nu [Хун-ну], как называли в те времена китайцы кочевые орды тюркской расы, позволяет нам то обстоятельство, что

¹ Свидетельство об этих событиях сохранено в знаменитой надписи *Плавция Сильвана*. Corp. Inscr. Lat. XIV, 3008.

² Свидетельства сопоставлены нами в другом месте: См.: «Аланы по сведениям классических и византийских писателей». Чтения Ист. Общ. Нест. летописца, кн. XIII.

река Урал носит у Птолемея уже свое тюркское имя — Δάιξ (VI, 14, 20), т. е. *jajyk*¹, как зовется он и поныне у местного населения — Яик. В конце первого века по Р. Х. распалась держава северных гуннов и затем последовали внутренние волнения и раздоры, которые отбросили отдельные колена тюрков на далекий запад до пределов Европы. История этого передвижения закрыта от нас, а конечный его результат дан в тюркском имени реки Урала и появлении народа хуннов в приднепровских степях.

¹ Ср.: *Tomaschek. Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden. II. S. 39.*

У географа более поздней даты, Маркиана Гераклейского (ок. 400 г. нашей эры), который в общем придерживался данных Птолемея, аланам отведены широкие пространства в Европейской Сарматии до истоков Борисфена; земли же по Борисфену «за аланами», μετὰ τοὺς Ἀλανοὺς, заняты «европейскими хунами», οἱ καλοῦμενοι Χουνοὶ οἱ ἐν τῇ Εὐρώπῃ. — *Müller. Geographi graeci minores, I. P. 556.* Очевидно, Маркиану были уже известны и азиатские гунны, проникшие в пережитое им время далеко на запад Европы, о чем, впрочем, он не имел случая упомянуть. — *Mannert. Geographie der Griechen und Römer, IV. Theil (2 изд. Leipzig.) 1820. P. 273,* указал на одно место Аммиана Марцеллина, 31, 3, 3, которое можно истолковать в смысле свидетельства о существовании туземных гуннов в Приднепровье в пору вторжения гуннов в последней четверти IV века. По сообщению Аммиана, преемник Эрманриха, царя остготов, Витимер, оказывал некоторое время сопротивление гуннам — *Halanis, Hunis aliis fretus [(сопротивлялся) аланам, опираясь на других гуннов]. «Другие гунны»,* помогавшие готам в борьбе с гуннами, не могли, конечно, принадлежать к той массе кочевников, которые в эту пору вторглись из-за Дона в страну, занятую готами.

§ 5

Нам остается сделать несколько замечаний о городах, нанесенных Птоломеем на карту Европейской Сарматии. — Мы не будем останавливаться на побережье, так как в этом отношении данные Птолемея далеко не столь надежны и точны, как дошедшие до нас в других источниках, и прежде всего в «Объезде Евксинского Понта», принадлежащему младшему его современнику, Арриану. Интересны и важны свидетельства Птолемея о внутренних областях страны, так как здесь он является для нас единственным источником.

На левой стороне нашей карты, за границей Сарматии, в пределах Германии, нанесен ряд городов от Дуная и до морского побережья на севере. То был старинный торговый путь, по которому римляне получали янтарь. Один из городов этого пути и доселе хранит свое старое имя: *Калисия*, — Калиш¹. В пределах Сарматии нет такой непрерывной цепи, и линии городов обрываются внутри страны. Начальным пунктом одного направления является город *Тира* на устьи соименной реки, нынешнего Днестра, а другого *Ольвия*, на нижнем течении Борисфена по Птоломее, а в действительности — Гипанида-Буга. Относительно локализации города Тире не может быть

¹ Прямое свидетельство о том, что янтарь доходил к римлянам через Паннонию, сохранил *Плиний*. Hist. Nat. XXXVII, 45. В его время был в живых римский всадник, совершивший, по приказанию имп. Нерона, путешествие в страну местонахождения янтаря. Ср. *Solin. Collectanea*. P. 110 Momms. — Локализацию городов этого торгового пути см. Sadowski. Die Handelsstrassen der Griechen und Römer, übers. v. Kohn. Jena. 1877. S. 56 и сл.

в настоящее время никакого разногласия: территорию Тиры закрывает в настоящее время город Аккерман, Белгород русских и молдавских документов XVI века, *Ἀστρον κάστρον* византийцев¹. По Днестру города даны в такой последовательности: *Эракт*, *Вивантаварий*, *Клепидава*, *Метоний*, *Карродун*. Два из них заключают в своем имени некоторое этническое указание: *Клепидава* указывает на гетов или даков, *Карродун* — на кельтов. Так как эта последняя народность давно уже исчезла на этой территории, то отсюда можно сделать заключение о глубокой давности возникновения этого города. Что касается до локализации этих пяти городов, то само собой разумеется, что только археологические находки могут вывести вопрос из сферы предположений и гаданий на почву фактической достоверности. Не располагая никакими данными для этой территории, мы ограничимся лишь указанием на попытки локализовать эти города, которые были сделаны графом Потоцким и польским ученым Садовским. Первый в своем исследовании: *Histoire ancienne du gouvernement de Podolie*. S.-Pétersburg, 1805. С. 8–10 — помещал Эракт на месте Рапкова, Вивантаварий — Сорок, Клепидаву — Могилева-Подольского, Метоний — Китай-города и Карродун — молдавского селения Корнувка. Садовский в своей попытке локализации этих городов основывается на теоретических соображениях относительно редукции Птолемеевых градусов долготы. Так как 180° Птолемея соответствуют 126° нашей сетки, то долготу Птолемея можно редуцировать в отношении 180:126. На основании своего вычисле-

¹ Ср.: *Юргевич*. Замечания о некоторых местностях Новороссийского края/ Труды VI Археол. съезда. II. С. 29–32.

ния Садовский¹ получил для крайнего западного города из пяти приднестровских, Карродуна, приблизительно местность впадения реки Збруча в Днестр, т. е. нынешнюю русскую границу с Австрией. Для остальных городов он предлагает такую локализацию: Эракт — Тирасполь, Вивантаварий — Бендеры, Клепидава — Ямполь, Метоний — Могилев-Подольский².

¹ *Sadowski*. Op. cit. P. 68–69.

² Со свидетельством Птолемея о шести городах по течению Днестра естественно сопоставить показание *Константина Порфирородного*. De admin. imp. Cap. 37. P. 164 В. — о существовании в его время, т. е. в X веке, запустевших городов в земле печенегов. Царственный автор называет также шесть городов, начиная, по-видимому, с самого южного: Ἀσπρον κάστρον [крепость Аспрон], т. е. Белгород, Аккерман. Общую локализацию Константин дает в таких выражениях: «за рекой Днепром, в сторону Болгарии, на переправах через эту реку». Но так как Ἀσπρον κάστρον, Аккерман, лежит на правой стороне днестровского лимана, то весьма вероятно, что имя Δάναπρις ποταμός [река Днепр] попало в текст Константина по ошибке вместо Δάναστρις [Днестр] (который помянут у Константина вместе с Днепром: Cap. 8, p. 73; Cap. 42, p. 179). Остальные пять имен Константин передает так: Τουγγάται — Тунгаты, Κρακνακάται — Кракнакаты, Σαλμακάται — Сальмакаты, Σακακάται — Сакакаты и Γαιουκάται — Извкаты. Все эти города Константин называет «запустевшими», ἐρημικάστρα, прибавляет замечание, что в развалинах построек в этих городах находятся следы церквей и «кресты, высеченные на известковых скалах», откуда-де и пошло предание, что «некогда обитали там ромеи». — *Lelievre*, разбирая свидетельства Эдризиды, — *Géographie du moyen âge*, tomes III et IV (Bruxelles, 1852. P. 172) — коснулся вопроса об этих городах. Указав на то, что окончание *katai* во всех этих именах есть, по-видимому, термин печенежского языка, он принимает их в такой форме:

Торговый путь по Днепру приведен у Птолемея в непосредственную связь с Ольвией и вследствие того, что Ольвия называлась Борисфеном, искажено на его

Toug, Krakna, Salma, Saka, Chiaïou — и полагает, что перечисление сделано вне отношения к территориальной последовательности. Эдризид знает город *Карта* на пространстве между устьем Днепра и Днестра в 50 милях к западу от города *Мольсы* (Molsa), расположенного насупротив Олешья (Alaska); есть у него также город Зака (Zaka) на устье Днестра, конечный пункт торгового пути по левому берегу Днестра из Галицкой Руси. Г. Ласкин, недавно выпустивший в свет свой перевод Константина: De thematibus [О фемах] и De administrando imperio (Чтения Имп. Общ. Ист. и Древ. Росс., 1899 г., кн. 1) полагает, что свидетельство о городах в земле печенегов относится исключительно к течению Днестра и вносит в свой перевод соответственную правку текста: Δανάστρεως вм. Δανάπρεως (но притом совершенно напрасно переводит слово περάματα — «берега», а не «переправы»). В специальном экскурсе к этому месту текста Константина (с. 219 и сл.) г. Ласкин признает в г. Тунгатах — Тагин, нынешние Бендеры, в Кракнакатах — вместе с Бруном узнает Сороки; Салмакаты ищет «где-нибудь около деревни Непоротово, против Могилева», Сакакаты — в местности Хотина и последний город, который он транскрибирует Гиеукаты — «близ нынешнего Рухотина (30 верст выше Хотина по Днестру)». В такой локализации г. Ласкин основывается на впечатлениях совершенного им объезда тех мест, а также на некоторых сообщениях «Поездки по южной России» Афанасьева-Чужбинского. Этот последний автор свидетельствует о существовании пещер в скалах близ села Непоротова с крестами, высеченными в нишах.

Не будучи непосредственно знаком с побережьями Днестра, я не могу в данном случае дать своего суждения относительно предложенной г. Ласкиным локализации; но позволю себе заметить, что одинаковое число городов на

карте нижнее течение Днепра. Так как в левом притоке Борисфена, вытекающем из озера Амадоки, естественно признать Припять, то три города, расположенные на этом притоке: *Ниосс*, *Сабрак* и *Леин*, следует искать на Припяти. Садовский, исходя из теоретических соображений, предлагает такую локализацию: Ниосс — Чернобыль, Сабрак — Мозырь, Леин — местность впадения Ясельды, к западу от Пинска. Некоторую вероятность этим предположениям могли бы дать находки римских монет. Из трех названных пунктов есть этого рода данные только относительно Чернобыля, где в 1879 году был найден клад римских монет времени Антонинов¹.

Косвенное подтверждение того, что торговый оборот того времени захватывал бассейн Припяти, можно видеть в монетных находках, сделанных на территории Волыни. Собранные проф. Антоновичем данные

Днестре у Птолемея и Константина делает вероятным предположение их тождества. Раз возникшие культурные центры торгового обмена естественно сохраняют свое существование даже во время великих катастроф и переворотов. Такова была судьба городов северной Италии, а равно и подунайских. — Позволю себе заметить г. Ласкину, что он напрасно сослался на свидетельство *Прокопия*. *Bel. got.* III, 15 о городе *Τούρρις* [Туррис], который предоставил имп. Юстиниан антам. Этот *Τούρρις* не есть никоим образом *Τύρας* [Тирас], а нынешний — Турн-Северин, далеко отстоящий от Днестра. Не могу я разделить предположения г. Ласкина, будто из этих городов шло на Русь христианство, а не из Херсона-Корсуня; равно также и другого: будто Кирилл и Мефодий по Днестру держали свой путь в Моравию.

¹ *Антонович*. Археологическая карта Киевской губернии. Москва, 1895. С. 5.

намечают направление кладов римских монет через Волынь от верховьев Буга к Горыни и затем по течению этой реки. С любезного разрешения проф. Антоновича мы можем представить следующий список мест, где были найдены римские монеты.

Заславский уезд: *Белгородка* — клад, заключающий 52 римских денария от Гальбы до Коммода; *Брыкуля* — два римских денария: республиканского времени, фамилия Марция, и имп. Геты.

Острожский уезд: *Юфковцы* — несколько римских монет.

Кременецкий уезд: *Антоновцы* — в 1860 г. найдено несколько римских монет.

Дубенский уезд: *Майдан* — денарий Веспасиана; *Листвин* — 3 денария Антонина Пия; *Красное* — римская монета времени республики с именем: Caius Norbanus; *Малая Мощаница* — денарий Адриана.

Ровенский уезд: *Аристов* — несколько монет Антонина Пия; *Александрия* (на Горыни, как и дальнейшие местности) — денарий Антонина Пия; *Бечень* — в 1890 г. найден большой клад римских монет от Адриана до Коммода; *Рубча* — 7 римских монет времени Антонинов; *Хотин* — несколько фунтов римских монет найдено в 1888 г., из них уцелело несколько экземпляров с именем Марка Аврелия; *Казимирка* (на р. Зульне, приток Горыни) в 1895 г. найдено 5 римских монет времени Антонинов; *Высоцк* — «часто находят римские монеты».

В верхнем течении р. Случа в Новградволыньском уезде имеются сведения о следующих находках: *Черница* — в 1880 г. клад, состоявший из 339 римских монет; *Александровка* — в 1890 г. 90 римских монет I—II в.; *Настасовка* — в обвале берега в 1873 г. найдено было 20 серебряных монет Траяна. На притоке Случа Церем — *Городище* — несколько сот римских монет.

Таков район монетных находок в Волынской губернии. Достаточно одного взгляда на карту, чтобы признать здесь следы торговых путей, соединявших бассейн Днестра с течением Припяти.

Истоки Борисфена Птолемей помещает в северо-западном направлении, т. е. по-видимому в сторону Березины, и на верхнем его течении не знает никаких городов. Что до среднего течения реки, то, по его не вполне отчетливым указаниям, оно имеет вид ломаной линии. Это обстоятельство невольно вызывает представление, что здесь было какое-то раздвоение торгового пути, т. е. что он захватывал бассейн какого-нибудь левого притока Днепра. Естественнее всего, как кажется, думать о Десне. Если это соображение справедливо, то город *Серим* можно бы отодвинуть в сторону Чернигова, а в *Метрополе* признать Киев. Археологические находки последних лет засвидетельствовали заселенность территории Киева с доисторических времен. От первых же веков нашей эры имеются следующие монетные находки: в 1846 году на Печерске близ жандармских казарм найдено было 82 римские монеты времени от Августа до Геты¹; в 1841 г. на Александровской улице — две монеты Фаустины и Коммода²; в 1876 г. на Оболони в усадьбе Мигурина — клад из 200 бронзовых римских и колониальных монет III–IV веков³.

Если правильно наше соображение, что город *Серим* можно отодвинуть в сторону Чернигова на Дес-

¹ Антонович. Указ. соч. С. 40.

² Ibid. С. 41.

³ Ibid. С. 31. — Находки куфических монет в 1706 г. при Мазепе (ibid. С. 40) и абассидских (ib.) в 1851 — свидетельствуют, что Киев был непрерывно обитаем вплоть до начала своей уже русской истории.

ну, то на течение Днепра выше Киева приходится три города: *Сар*, *Амадока* и *Азагарий*. Коснувшийся вопроса об их локализации Садовский допустил ошибку в цифре широты первого из них и, вместо того чтобы видеть в нем самый южный город, отнес его далеко на север и поместил на месте Орши. Тот же исследователь признал в Амадоке — Лоев, а в Азагарии — Гомель¹. Издатель Птолемаея Карл Мюллер высказался в своих примечаниях за такую локализацию, сопровождая ее, впрочем, большими оговорками: *Сар* — слияние Сожа с Днепром, т. е. Лоев, *Амадока* — Холмеч, *Азагарий* — Речица².

Города среднего течения Днепра на карте Птолемаея находятся в непосредственном сообщении с Ольвией прямым водным путем. Такое представление явилось результатом смешения Буга с Днепром, на что было уже указано выше. Но так как главным материалом для Птолемаея были маршруты путешественников, то сближение на его карте Ольвии с Метрополем и выше его расположенными городами в бассейне Днепра можно принять за указание на то, что торговый путь между старым греческим культурным центром на устьи Буга и городами внутри страны шел в прямом направлении на север от Ольвии. Гидрографическая карта нашего степного юга в тех местах может дать намек на вероятное направление этого пути. В Бугский лиман течет прямо с севера река Ингуль, которая в своих верховьях сближается с верхним течением правого притока Днепра, Тясмина. Днепровские пороги являлись и тогда, как и теперь, труднопреодолимым препятствием для судо-

¹ *Sadowski*. Op. cit. P. 65.

² *Müller* K. *Claudii Ptolemaei Geographia*. I. S. 443, прим. 3.

ходства. Если Ольвия имела торговые сношения с областью среднего Днепра, что делают вероятным находки римских имперских монет, то путь по Ингулу являлся естественным обходом затруднений, какие представляли Днепровские пороги. К сожалению, нам пока ничего не известно о монетных находках по течению Ингула; что же до Тясмина, то, по замечанию Садовского, еще в XVI веке нередко были находки греческих монет в бассейне этой реки, и свидетельство об этом сохранил Матвей из Мехова. Тот же Садовский сообщает, что в коллекции графа Чацкого было много ольвийских монет, найденных в бассейне Тясмина¹. По сведениям, собранным проф. Антоновичем в его «Археологической карте Киевской губернии», в бассейне Тясмина известны следующие находки римских монет: *Крымки* — монеты Фаустины Младшей; *Большие Бирки* — римские императорские монеты²; *Косары* — римские монеты Адриана и Фаустины³; *Головковка* — в 1871 г. монеты Траяна, Марка Аврелия, Л. Вера и Коммода⁴; *Крылов*, близ впадения Тясмина в Днепр, — в 1889 году найден большой клад римских серебряных денариев II века⁵. К северу от течения Тясмина в направле-

¹ *Sadowski*. Op. cit. P. 193.

² *Ibid.* P. 116.

³ *Ibid.* P. 115.

⁴ *Ibid.* P. 113.

⁵ *Ibid.* P. 115. По-видимому о том же кладе сообщает г. *Ястребов* в своем труде «Опыт топографического обозрения древностей Херсонской губернии» // Зап. Имп. Арх. Общ. Ист. и Древ. Т. XVII (1894). С. 75. Семь монет из этого клада — Нервы, Траяна, Адриана, Антонина Пия, Марка Аврелия, Луциллы — находятся в коллекции Елисаветградского реального училища.

нии к Киеву римские монеты находимы были в Корсуни, Каневе, Томиловке (близ Белой Церкви) и Василькове.

Остается еще указать на группу городов, которые Птолемей помещает в области реки Каркинита. Современная гидрографическая карта тех мест не дает нам реки, которая бы впадала в Черное море к западу от Тендры поблизости от Перекопского перешейка. Такой реки, очевидно, не было и в древности; право на такое утверждение дает нам прежде всего то обстоятельство, что соименный реке Каркиниту город Каркину Птолемей по ошибке перенес на материк с Таврического полуострова. Более надежный и верный источник для морского побережья, каким является Арриан в своем «Перипле», помещает приморский город Каркинитиду в 600 стадиях к северу от Херсонеса. Ученые, занимавшиеся топографией Крыма, согласны в настоящее время в том, что город этот лежал на берегах нынешнего Дунгуславского озера¹ — лиман, имевший в древности сообщение с морем, как и Тилигульский, который ныне также закрыт. С перенесением Птолемеевой Каркины на территорию Крыма исчезает и река Каркинит. Но что касается до городов, размещенных Птолемеем вне ее бассейна: *Торокка*, *Эркаб*, *Тракана* и *Навар*, то они, по всему вероятно, относятся к левому берегу нижнего течения Днепра, которое имеет направление с северо-востока на юго-запад и недалеко отстоит от крымской территории. Карл Мюллер в своем коммен-

¹ Мнения ученых о положении Каркинитиды сопоставлены акад. Латышевым в комментарии к знаменитой херсонесской присяге. См.: Древности Южной России// Материалы по археологии России. Изд. Импер. Археол. Ком. Вып. 9 (1892). С. 8–10.

тарии к тексту Птолемея предлагает искать Навар в направлении нынешней Лепетихи¹.

* * *

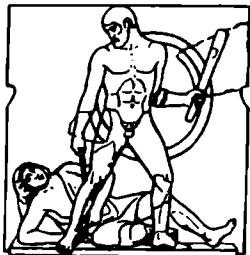
Около того времени, когда Птолемей в Александрии сопоставлял собранные им из разных источников сведения о дальних пределах Европейской Сарматии, тщательно размещая на карте имена племен и народов, населявших эту страну, на севере ее зачинались события, которые коренным образом изменили этнические условия и оказали впоследствии глубокое влияние на жизнь культурных стран юга. Готы, которым Птолемей отвел лишь малое место в соседстве венедов, тронулись на юг к морю и пределам римской империи; в половине следующего века они оказались уже господствующей народностью в припонтийских степях. Под их напором исчезли с лица земли старые культурные центры: Тира, Ольвия, Танаид, прекратились старые торговые сношения между поморьем и издавна зародившимися торговыми центрами внутри Сарматии. Указание в этом последнем смысле дает то обстоятельство, что римские монеты, находимые на территории нынешних Волынской, Киевской и Полтавской губерний, как то давно замечено нумизматами, относятся преимущественно ко временам Антонинов и не идут дальше Септимия Севера. Среди этого переворота уцелел, по видимому, и даже, быть может, был призван к новой жизни Метрополь-Киев. На его территории найдена была монета Констанция II: факт скудный по количеству, но важный по значению. Младшим современником этого императора был великий остготский воитель, царь Эрманрих, широко раздвинувший пре-

¹ *Ptol. Geogr.* P. 432. P. 11.

дела своего владычества на север и восток от среднего течения Днепра. В исландских сагах сохранились отголоски воспоминаний об этом властителе и его столице — *Danpar-stadir, Danparstead*, т. е. город на Днестре —

*Тот знаменитый лес,
который зовется Темной дубравой,
Та священная могила,
что стоит на земле готов,
Та знаменитая скала, что высится
на Днепровских местах...*

Заслуженный исследователь древнесеверной поэзии, недавно умерший исландец Викфуссон, считал вполне вероятным признать наш Киев столицей Эрманриха и к этому именно городу приурочить упоминания о «Днепровском городе» в разных исландских сагах¹. Находки куфических монет на территории Киева и появление его на заре нашей родной истории, как значительного и важного центра политической жизни, делают вероятным непрерывное существование его от давних времен Птолема.

¹ Проф. Дашкевич. Приднепровье и Киев по некоторым памятникам древнесеверной литературы. Киев. Унив. изв., 1886. Ноябрь.

Птолемей

Современные данные

Берег Вenedского залива

Устье реки Хесина	59° 30'	Динаминде (башня крепости)	57° 2' 42,6''
Устье реки Турунта	8° 30'	Виндава (башня крепости)	7° 23' 49,5''
Устье реки Рудона	57°	*Мемель (башня кирхи)	5° 50' 8,6''
Устье реки Хрона	56°	*Кенигсберг (обсерватория)	4° 42' 50,4''

Течение реки Дуная

Приста	45° 10'	Руцук (минарет)	43° 50' 37''
Доростол	45° 30'	Силистрия (мечеть)	4° 7' 11''
Аксиополь	45° 45'	Черноводы (мечеть)	4° 20' 23''
Томы	45° 50'	Кюстендже (мечеть)	4° 10' 21''

Берега Черного моря

Византий	43° 5'	Константинополь (купол Софии)	41° 0' 28,3''
Анхнал	44° 30'	Ахиало (церковь Преображения)	2° 33' 25''
Месембрия	44° 40'	Месембрия (церковь митрополии)	2° 39' 45''
Одесс	45°	Варна (мечеть Хасан Байрагар)	43° 12' 3''
Тира	47° 40'	Аккерман (минарет)	6° 12' 2,5''
Ольвия	49°	*Очаков (телеграф)	6° 36' 50,8''
Ахиллов Бег	47° 30'	{ Кинбурн (креп. коменд. флаг)	6° 33' 18,6''
		{ Тендра (маяк)	46° 19' 21,5''
Херсонес	47°	Севастополь (собор св. Николая)	44° 36' 52,3''
Феодосия	47° 20'	Феодосия (башня)	45° 1' 45,7''
Пантикапей	47° 55'	Керчь (церковь Иоанна Предтечи)	45° 21' 7,4''
Мирмекий	48° 30'	Еникале (купол маяка)	45° 23' 9,9''
Диоскуриада	46° 45'	Сухум-кале (середина)	42° 59' 18''
Устье реки Фазиса	45°	Поти (остров, пирам.)	42° 8' 30,5''

Азовское море

Устье реки Танаиса	{ 54° 20'	*Таганрог (собор)	47° 12' 26,9''
	{ 54° 30'		

ПРИЛОЖЕНИЕ

Карта Европейской Сарматии по Птолемею (Ответ акад. В. В. Латышеву)

В дополнение к изложенному считаем не лишним сопоставить широты некоторых пунктов карты Птолемея с данными, полученными путем точных астрономических вычислений нового времени. Заимствуем эти последние из «Сборника тригонометрических и астрономических пунктов России», изданного Генеральным Штабом.

Для большей наглядности располагаем эти пункты по группам. Приблизительно взятые пункты отмечены звездочкой.

* * *

К Археологическому съезду, собравшемуся в Киеве в августе 1899 года, было мною выпущено в свет, в виде приветствия, издание: «Карта Европейской Сарматии по Птолемею». К карте, вычерченной по второму из двух указанных у Птолемея способов проекции сферы на плоскости, в пределах 43° – 62° сев. шир. и 42° – 73° вост. долг., приложен был мною текст, разделенный по содержанию на две главы: «География Птолемея» и «Карта Европейской Сарматии». В первой дана общая характеристика труда Птолемея в связи с историей математической географии у греков

и указано значение Птолемея для новоевропейской науки; во второй — предложен общий обзор данных Птолемея, относящихся к Европейской Сарматии, по группам: реки, горы, народы, города. Авторитетный знаток древних судеб нашего юга, акад. В. В. Латышев удостоил мое издание подробного отзыва на страницах «Филологического Обозрения» (т. XVI, 2, 89 и след.) и любезно препроводил его мне в корректурных листах, чтобы дать мне возможность в скорейшем времени представить мои объяснения по существу предъявленных им к моей работе desiderata [пожеланий]. Так как редакция журнала с своей стороны не имеет никаких к тому препятствий, то я, ознакомившись с суждениями и замечаниями моего уважаемого рецензента, считаю не только не лишним воспользоваться предоставленным мне правом, но даже до известной степени своим долгом.

В. В. Латышев, издавший в I выпуске своих *Scythica et Caucasica* отрывки из текста Птолемея, относящиеся к территории России, нередко входивший, по поводу издаваемых им эпиграфических памятников, в изыскания по вопросам древней топографии отдельных местностей нашего юга, а также останавливавшийся в специальных этюдах на детальном анализе тех или иных свидетельств древних географов и историков по топографическим вопросам, имел большую, чем кто-либо другой, возможность войти во все подробности вопросов, какие вызывает или может вызвать карта Птолемея. Дав себе труд самым тщательным образом проверить вычерченную мною по данным Птолемея карту Европейской Сарматии, он нашел в ней несколько ошибок и пропусков, а также высказал несколько общих критических суждений и замечаний по поводу моей работы. Если бы я

мог во всем с ним согласиться, то, конечно, не считал бы себя вправе затруднять «Филологическое Обозрение» помещением своего ответа. Но дело стоит не совсем так, и я имею кое-что сказать как по поводу отмеченных моим уважаемым рецензентом недочетов, так и его суждений общего характера. Но прежде чем давать ответ, я должен выразить мою искреннюю признательность В. В. Латышеву за тот большой труд, который он положил на свою рецензию. Я знаю по опыту, как много времени требует детальная проверка подобного издания материалом, который представляет текст Птолемея, в разных притом изданиях. Если в результате его проверки оказались допущенные мною и ускользнувшие от моего взора погрешности моей карты, то за указание их я могу быть только благодарен. Я не стану, конечно, оправдываться тем, что погрешности в такого рода изданиях неизбежны; я их, конечно, не желал бы видеть в своей работе, которая к тому же стоила мне гораздо больше труда и времени, чем как то я представлял себе, принимаясь за Птолемея; но я могу, и даже считаю нужным, сказать кое-что в их объяснение и этим как бы прибавить, хотя бы задним числом, второе и нелишнее, как теперь вижу, предисловие к моему изданию.

Из числа погрешностей, которые нашел на моей карте мой уважаемый рецензент, я могу признать никак не все, а лишь следующие. Во-первых, ошибки в долготе трех пунктов, одного в пределах Сарматии: поворот к югу течения реки Тиры (Днестра) показан у меня на $54^{\circ} 30'$ вост. долг., тогда как в тексте Птолемея дано 53° , т. е. полтора градуса западнее; два другие пункта лежат вне пределов Сарматии: город Тиас (в пределах Дакии) значится у меня на 51° вост. долг.,

а должен стоять на 52° , и устье реки Апсорра (в Каппадокии) стоит у меня $71^\circ 20'$ вместо $72^\circ 20'$. Во-вторых, неверно показано положение города Харака на территории Таврического полуострова: город этот значится у Птолемея на одном меридиане с мысом Бараний Лоб, на береговой линии к востоку от него, а на моей карте он помещен на западе. В-третьих, имя народа *стагны* (на 54° сев. шир., южнее алан) есть искажение, попавшее, к сожалению, на мою карту вместо *саргати*. Кроме того, есть несколько буквенных ошибок: Сарн вместо Сорн, Тримманий вместо Триманий, Торекады вместо Тореккады, Гигрен вместо Гигреи, Азар вместо Азара, Карсоты вместо Кареоты¹.

Перечисленные погрешности есть на моей карте, и мне остается только пожалеть о том, что они там оказались. Могу прибавить, что ошибки в написаниях имен: Торекады, Траманий (равно как еще одну: Кадан — город в земле языгов-переселенцев, — вместо Кандан) я сам видел при корректурах карты, но не устранил их по причинам чисто внешнего свойства, о чем изъясню в дальнейшем.

Я должен также признать вполне правильными замечания моего уважаемого рецензента о неполноте моей карты в пределах Таврического полуострова. Здесь опущено несколько имен городов и на восточной стороне не показан один залив (мнимый в действительности), место которого следует из помещения Птолемеем одного приморского пункта вглубь материка. Но эти пропуски сделаны мною намеренно и вызваны, с одной стороны, масштабом карты,

¹ Кроме этих буквенных ошибок, В. В. Латышев называет еще: Затридава вместо Заргидава. Но у меня стоит *z*, а не *m*. Ср.: написание буквы *z* в именах Гипанид, Диногетия.

в котором для Крыма оказалось слишком мало места, а с другой — тем, что я имел уже случай издать карту Крыма по Птолемею в статье: «Новые данные для истории Старого Крыма», помещенной в X томе Записок Петербургского Археологического Общества (1898 г.). Я должен был сослаться на эту свою работу, что я, однако, упустил сделать. В. В. Латышеву известна та моя статья, и упоминанием о ней он сам исправил мою оплошность. Так как я не имел в виду входить в моем тексте в рассмотрение вопросов о городах Крыма, как и всего побережья, то у меня не оказалось удобного места для подобного примечания. Могу прибавить, что я бы нашел для него место, если бы с самого начала имел в виду опустить некоторые города на территории Крыма. Но это опущение было сделано уже при корректурах карты, о чем должен буду сказать в другой связи.

Как не предполагал я опустить имена некоторых городов на территории Таврического полуострова, так не думал, что по чисто внешним причинам исчезнут с моей карты имена местностей, вычерченных на ней: «Священный мыс» (восточная оконечность полуострова «Ахиллов бег») и «роща Гекаты» (перешеек этого полуострова).

Из числа народов, размещенных, или, лучше сказать, перечисленных Птолемеем на территории Европейской Сарматии, опущены мною следующие пять: омброны, иппоподы, меланхлены, аорсы, пагириты. Два из них: иппоподы и меланхлены, равно как и нанесенное на мою карту имя: гелоны, имеются, как отмечает это и В. В. Латышев, только в трех рукописях Птолемея; но Мюллер ввел их в свой текст, вопреки Вильбергу, опустившему их вовсе. Эти пропуски мой уважаемый рецензент считает «ме-

нее извинительными», чем те, которые относятся к местностям, лежащим вне пределов Европейской Сарматии. Что касается до большей или меньшей извинительности, то предоставляю судить о том другим. Сам же с своей стороны могу сказать одно: мой общий взгляд на этническую карту Птолемея ясно и определенно выражен в § 4 второй главы моего текста. Многие из имен, помянутых у Птолемея, суть не более как литературная традиция из разных источников, или же вместо этнических имен являются у него иногда эпитеты (каковы, несомненно, и гамаксобии). Если же я, опустив гиппоподов и меланхленов, счел нужным назвать их соседей, гелонов, то это предпочтение имеет своей причиной то, что имя гелонов живет в историческом предании много веков спустя после Птолемея. У римских поэтов времени разложения империи гелоны поминаются нередко как одно из варварских племен, принимавших участие в грозных событиях того времени. Никто с уверенностью не может сказать, были ли гелоны, известные Авзонию, потомками гелонов Птолемея, или же это старое имя придано другой этнической особи, быть может, родичам наших предков славян; но во всяком случае имя гелонов живет как реальность, тогда как меланхлены, иппоподы и им подобные бесследно исчезли. Точно так же из соседней по тексту Птолемея группы: агафирсы, аорсы, пагириты я нанес одних агафирсов и сделал это потому, что под этим именем, по мнению многих исследователей судеб средневековой Европы, скрывается тот народ, который в пору Аттилы выходит на свет истории под именем акациров и продолжает свою историю под именем хазар, господствовавших на среднем Днепре в пору начала нашей отечественной истории.

Помимо перечисленных недочетов мой уважаемый рецензент ставит мне в упрек еще немало других ошибок и неточностей. Их я не могу принять на свой счет и в самом указании на них вижу отчасти недоразумение, отчасти разницу в воззрениях на задачу, как я ставил ее себе и как поставил бы ее мой рецензент, если бы он сам принялся за исполнение подобной работы.

В своем тексте (с. 4 в конце¹) я отметил, что Птолемей ведет перечисление долгот и пирот каждого пункта по отдельным странам, а не в пределах градусной сетки полусферы, в каковой он умещал известный в ту пору материк. Я считаю более чем вероятным, что Птолемей и не вычерчивал сам карты ни в цельном виде, ни в частях. Слово *πίναξ*, таблица, имеет в его труде лишь отвлеченное значение; сам он дает лишь материал для составления таковой. На древних картах, приложенных к некоторым рукописям, в которых дошел до нас Птолемей, а также и на тех, которые вычерчивались по его тексту в XV веке и позднее, выдерживается деление на таблицы. Хотя мое издание озаглавлено «Карта Европейской Сарматии по Птоlemeю», но я считал нужным отступить от традиции и предпочел вычертить не одну таблицу, а цельный отрезок полусферы в пределах 42°–73° вост. долг. и 43°–63° сев. шир. Поступил я так с той целью, чтобы нагляднее представить тождество общих принципов картографии Птолемея с теми, какие господствуют в настоящее время и заимствованы от того же Птолемея новой европейской наукой (на что указано в моем тексте). Вследствие этого на мою карту «Европейской Сарматии», как гласит надписание, попала Дакия, обе Мезии и Паннонии, часть Далматии, Германии, а на востоке часть

¹ С. 228 настоящего издания.

Азиатской Сарматии и отрезки Колхиды, Каппадокии; на юге я нанес несколько пунктов южного берега Черного моря. Если, таким образом, на моей карте оказалось кое-что выходящее за пределы Европейской Сарматии, то в отношении ко всем этим странам я считал себя совершенно свободным от обязательства нанести в пределах взятого мною отрезка все данные, какие есть у Птолемея в тех же пределах. В выборе же того, что нанесено, я руководствовался разными мотивами. Из соображений эстетических я избегал вида пустоты, а потому вычертил уголок Адриатического моря и показал несколько городов Далматии; но также избегал я пестроты, а потому не вычерчивал всех городов в провинциях Мезиях, Паннониях, не отмечал всех народов, которые называет там Птолемей, а из городов выбирал либо такие, которые обуславливают собою направление течения рек или морского берега, либо такие, о которых мне приходилось упомянуть в тексте.

Мой уважаемый рецензент ставит мне в упрек неполноту моей карты в том смысле, что на ней не нанесено все, что содержится у Птолемея в пределах тех же градусов долготы и широты. Этому упреку я признать не могу и полагаю, что я бы испортил свою карту, если бы задался целью достигнуть полноты за пределами Сарматии. Я указал в своем тексте, что Птолемей гораздо полнее в пределах империи, чем за ее границами. Но масштаб моей градусной сетки, взятой для Сарматии, таков, что чем меньше на ней места для отдельных провинций империи в юго-западном углу, тем теснее приходилось бы заполнять его именами. От этого карта моя потеряла бы свою ясность без всякой надобности для моей специальной цели и ко вреду для целостности впечатления. Раз это «карта Европейской Сарматии», а не Дакии,

Мезии, Германии и т. п., то я полагал, что всякий, кому она попадет в руки, так на нее и посмотрит, а для того чтобы знать, что Птоlemeю известно о Дакии, Мезии, Паннонии, обратится к его тексту, а не к моей карте, которая даст ему лишь общее впечатление. Мне казалось это настолько простым и ясным, что я не оговорил этого в предисловии; а теперь сожалею, что этого не сделал, так как эта оговорка избавила бы меня от незаслуженного мною упрека в неполноте. Что же касается до того, почему я в Дакии назвал только три северные народа из семи, упомянутых у Птоlemeя, — по поводу чего высказывает недоумение мой рецензент, — то причина у меня указана на стр. 23¹ (тождество двух из этих племен с племенами, отодвинутыми у Птоlemeя вглубь Сарматии); из германских племен названы только квады, так как они в пору Птоlemeя вышли уже на широкую арену исторических событий; а гуты в Скандии — по весьма вероятной и утвержденной в легенде связи с готами.

Перехожу ко второму недоразумению между мною и моим уважаемым рецензентом. В своем предисловии я назвал три издания географии Птоlemeя, которые были у меня под руками за время моей работы, а именно: Мюллера, Вильберга и Ноббе. Как известно, первое обнимает только 3 книги, второе — 6 и лишь в издании Ноббе имеется весь текст Птоlemeя. Проверив показания моей карты по изданию Мюллера и найдя кое в чем отступления в моей локализации от чтений, принятых в тексте Мюллером, В. В. Латышев обратился к Вильбергу, и так как в некоторых случаях моя локализация сошлась с чтениями этого последнего, то он пришел отсюда к мысли, что я допустил

¹ С. 259 настоящего издания.

произвольную контаминацию текстов двух издателей. Могу уверить моего уважаемого рецензента, что я не поправлял Мюллера Вильбергом и даже не мог этого сделать, так как издания Вильберга нет в нашей библиотеке и я получил его лишь на время из Петербургской Публичной библиотеки. Я интересовался этим изданием главным образом в виду примечаний к математической части труда Птолемея (как видно то отчасти из примечания на стр. 243 моего текста¹). При вычерчивании карты я имел постоянно под руками издание Ноббе, которое представляется наиболее удобным при такой работе, как потому, что оно полное и снабжено указателем, так и по своему малому формату. Данные, заимствованные из издания Ноббе, я проверял текстом Мюллера в тех пределах, в каких это возможно. Я не считал однако нужным внести в свою карту всякое исправление и изменение текста, допущенное Мюллером, и поступал так не по небрежности, а потому, что иному не придавал значения, а кое в чем имел свои основания не соглашаться с Мюллером. Обращался я за поучением в таких случаях и к *Tabula Peutingeriana* [Певтингеровой карте], и к книге *Neumann'a Hellenen im Skythenlande*, и к новой карте подунайских стран Киперта (*Formae orbis antiqui*. Berlin, 1894). Оговаривать эти случаи я не считал нужным и не имел даже к тому повода, так как местности, вызывавшие эти сомнения и поиски, лежат вне пределов Европейской Сарматии. Таким образом, я никак не заслужил упрека за то, что не следовал слепо Мюллеру, который сделан, однако, мне моим рецензентом. Полагаю, что если он сам примется за вычерчивание карты, то встретится с такими затруднениями, что будет вынужден поступать так же, как делал это я в моей работе.

¹ С. 243 (прим. 2) настоящего издания.

В. В. Латышев полагает, что я допустил ошибку, поместив город Зевгму (в Дакии) под $47^{\circ} 40'$ вост. долг., а не на один градус западнее, т. е. $46^{\circ} 40'$. Вероятно, мой уважаемый рецензент не обратил внимания на то, что Мюллер передвинул Зевгму на запад вопреки авторитету всех рукописей Птолемея. В своем примечании к этому месту Мюллер указывает мотивы своей конъектуры. Из других источников нам известно, что Зевгму следует искать насупротив города Ледераты, не известного Птолемею, поближе к Виминакию. Но Мюллеру следовало пойти дальше, раз он захотел поправлять Птолемея, а именно: понизить Зевгму по широте. Если этого не сделать, то придется дать Дунаю противоестественный зигзаг в этом месте. Я предпочел не поправлять Птолемея и остаться на долготе, какую дают рукописи. Что у Птолемея Зевгма помещена неверно, в этом не может быть сомнения; но что в данном случае нельзя произвольно поправлять Птолемея, это также верно. Сам Мюллер, допустивший относительно Зевгмы поправку долготы, но почему-то сохранивший широту, как она дана в рукописях, — не решается сделать это в других случаях. Так, в пределах той же Дакии есть один город, названный два раза под различными широтами, а именно: Тибиск. Сначала он назван под $48^{\circ} 30' - 45^{\circ} 15'$, а несколько ниже — $46^{\circ} 40' - 44^{\circ} 50'$. В рукописях в первом месте имя города написано *Тириск*, а во втором *Тибиск*; но Мюллер совершенно основательно доказал тождество обоих городов (с. 449, прим. 5) и отождествил его с нынешним Карансешом. На своей карте я намеренно поставил имя Тибиска в двух местах, давая тем немое указание на характер данных Птолемея. Очевидно, Птолемей

встретил один и тот же пункт на двух маршрутах, и приблизительность его метода вычисления имела последствием раздвоение города.

Столь же неоснователен упрек, будто я на территории все той же Дакии смешал города Сангидаву и Зиридаву и, вовсе опустив первый, поместил на его место второй. Зиридаву я поместил там, где она должна стоять по изданию Ноббе, а именно: 48° вост. долготы и $46^\circ 30'$ сев. шир. В издании Мюллера для этого города значится: $45^\circ 30' - 46^\circ 30'$. Первое дано у Мюллера в согласии с рукописями, а второе есть поправка вместо $49^\circ 30'$. Очевидно, поправка сделана потому, что оставить $49^\circ 30'$ значило бы вынести этот город на целый градус на север от Карпат, которые, по Птолемею, составляют северную границу Дакии. Я не знаю, какие были основания у Ноббе поставить для долготы Зиридавы 48° , что я воспроизвел (в издании Ноббе нет примечаний, как у Мюллера); но я не без оснований не последовал в данном случае Мюллеру. Дело в том, что Птолемей представляет реку Тибиск западной границей Дакии; город Зиридаву он помещает *внутри* Дакии, а если принять для долготы этого города $45^\circ 30'$, то придется вынести Зиридаву из пределов Дакии и поместить ее в земле, которая у Птолемея является областью языгов-переселенцев.

По Ноббе поставлен у меня и город Аргидава — $47^\circ 30'$ вост. долг. Мюллер принял конъектуру Вальберга и дал — $46^\circ 30'$, а в рукописях этот город стоит на $49^\circ 30'$. Из издания Ноббе осталось у меня имя города *Сандава*, вместо которого у Мюллера читается *Сангидава*. В своем примечании Мюллер поясняет, что чтение Сангидава дает только одна рукопись, в противоположность всем остальным, в которых

значится Σάνδαυα. Почему Мюллер оказал здесь предпочтение чтению одной рукописи, хотя ни то, ни другое имя города не засвидетельствовано нами в других наших источниках по топографии Дакии, этого он не говорит, а мне, конечно, не приходилось останавливаться на вопросе о том, какая форма имеет большую вероятность. Я сохранил написание *Сандава* и считал этот вопрос совершенно безразличным на карте Европейской Сарматии. Справкой на 186 стр. I тома издания Ноббе разъясняется и моя мнимая контаминация чтений Мюллера и Вильберга относительно городов по реке Гиеразу. Долготу Заргидавы и Пироборидавы Мюллер поправил, следуя свидетельству одной рукописи против всех остальных. В примечании о первом из этих двух городов он поясняет, что этот город на долготе $54^{\circ} 40'$ «ближе подойдет к реке Гиеразу» (с. 470, 4). Но так как тот же Мюллер справедливо полагает, что в самом имени Пироборидавы дано указание на то, что этот город лежит на р. Прут (*Πυρετός=Πόρτα*, Herod. 4, 48), а лежит он и у Мюллера западнее Заргидавы, то я не понимаю аргументации Мюллера, ибо и для него Гиераз есть Серет (стр. 443, 18). В своем замечании о Гиеразе я признал в нем смешение Прута и Серета, как на западной границе Дакии в Тибиске — смешение Тиссы и Темеша (стр. 16), а потому я со спокойной совестью не исправлял положения Заргидавы.

Чтобы покончить с вопросом о долготе отдельных пунктов, я должен не только отвести еще один упрек моего уважаемого рецензента, но и сделать поправку у него самого. Он утверждает, будто у меня город Авхида (в Азиатской Сарматии) передвинут на 1° далее к востоку против свидетельства Птолемея. Авхи-

да стоит у меня на карте под $72^{\circ} 40'$ вост. долг., т. е. именно так, как читается у Ноббе (V, 9, 27). Мюллера для 5-й книги Птолемея нет, а как читается у Вильберга, это я могу заимствовать из перепечатки в *Scythica et Caucasica* г. Латышева. В греческом тексте (вып. I, с. 240) у него читается та же самая цифра. Но в русском переводе допущена, очевидно, опечатка и значится $70^{\circ} 40'$. Эта опечатка давала бы право говорить, что я ошибся на 2° , а не на 1° ; но ведь это опечатка или недосмотр в его переводе, которую и надлежит ему самому у себя поправить. У меня же в данном случае все исправно и никакой ошибки нет.

Столь же напрасно мой уважаемый рецензент вменяет мне в вину то, что города Офиуса и Никоний поставлены на левом, а не на правом берегу реки Тиры (Днестра). И здесь он, очевидно, заглянул в свою перепечатку из Мюллера, а не в полный текст. Даты этих городов даны у Ноббе совершенно так, как и у Мюллера. Правда, в тексте Мюллера общее обозначение их положения вместе с третьим городом, Тирою, дано в таких словах: $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\grave{\eta}\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\sigma\omicron\upsilon\ \kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\ \rho\omicron\tau\alpha\omicron\upsilon$ [между Гиеразом и рекой Тира]. Но из примечаний Мюллера видно, что этот общий заголовок получился путем сведения в одно двух чтений: в одних рукописях читается: $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\grave{\eta}\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\omicron\upsilon\ \iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\sigma\omicron\upsilon\ \rho\omicron\tau\alpha\omicron\upsilon$ [между рекой Гиеразом], а в других: $\mu\epsilon\tau\alpha\zeta\grave{\eta}\ \delta\grave{\epsilon}\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\acute{\upsilon}\rho\alpha\ \rho\omicron\tau\alpha\omicron\upsilon$ [между рекой Тира]. «Hinc ego — продолжает Мюллер, — post v. $\tau\omicron\upsilon\ \iota\epsilon\rho\acute{\alpha}\sigma\omicron\upsilon$ inserui $\kappa\alpha\iota\ \tau\omicron\upsilon\ \tau\acute{\upsilon}\rho\alpha$, quamquam reapse oppida ipsi Tyrae fluvii lacui adposita erant [Поэтому я — продолжает Мюллер, — после с(лова) «Гиеразом» вставил «и Тира», хотя сами эти города были расположены у лимана реки Тиры]». Итак, Мюллер полагает,

что города эти лежали на берегу Днестровского лимана. Но на каком берегу? Относительно Тиры нет сомнения: этот город находился на месте нынешнего Аккермана, как показано и на моей карте, т. е., значит, на правом берегу. А что касается до Никония, то Мюллер, ссылаясь на Неймана (*Hellenen im Skythenlande*), помещает его поблизости от нынешнего Овидиополя, т. е. на *левом* берегу лимана. Вопрос о положении Офиусы он оставляет под сомнением, допуская возможность, что это имя есть лишь древнее наименование города Тиры, как то утверждает Плиний (Н. Н. 4, 82). К сожалению, я не имею под руками одной работы покойного Григоровича, который очень остроумно доказывал, что имя города Овидиополь, связанное с фантазиями насчет поэта Овидия, есть лишь традиция древнего имени Офиуса, которое турки перевели на свой язык (=змеиный город).

В объяснение того, почему я не считал ни нужным, ни возможным заставить реку Тирас обтекать вокруг Офиусы и Никония, я должен привести еще одно соображение. Птолемей дает на 53° вост. долг. поворот течения Днестра в южном направлении. Это направление и тем самым поворот к югу исчезнет, если пустить Днестр вокруг Офиусы и Никония и заставить его оттуда подойти к городу Тире, который несомненно лежал на одноименной ему реке. Если Птолемей действительно представлял себе оба эти города лежащими на правом берегу реки, то при вычислении их положения он сделал ошибку, поправить которую нам так же невозможно, как разделить его Тибиск на Тиссу и Темеш или Гиераз — на Серет и Прут.

От Днестра позволю себе перейти к Днепру. Мой уважаемый рецензент не одобряет меня за то, что верхнее течение этой реки прошло у меня между озером Амадокой с одной стороны и Амадокийскими горами с другой. Так как, по его справедливому замечанию, «речь идет только о таком размещении называемых александрийским географом местностей, которое бы по возможности точнее соответствовало его представлению», то он полагает, что соименные горы и озеро надлежало бы поставить на одном и том же берегу реки. Позволю себе заметить, что если Птолемей раздвинул озеро Амадоку и одноименные горы на полтора градуса по долготе, то они не станут ближе оттого, что их не разделит река. Так как Птолемей дает для горных хребтов только одну точку, то и самое нанесение их на карту в высшей степени условно; я предпочел вытягивать их в линию с запада на восток, следуя тому представлению, какое дано у Птолемея для Карпат, показанных им в двух пунктах. От последнего северного пункта на течении Днепра, который дан в городе Азагарии, я хотел протянуть по возможности прямую линию к показанному у Птолемея месту истоков реки на далеком севере; предпочел же протянуть на запад от гор в том соображении, чтобы не вызвать представления, будто сам Птолемей указал направление течения Днепра от Азагария на север, или же будто Днепр у Птолемея перерезывает горный хребет на дальнем севере. Предположение В. В. Латышева, будто я поступил так, следуя догадке Форбигера в объяснении Амадокийских гор, меня очень удивило. Правда, из моего примечания на с. 20¹ мой читатель мог

¹ С. 255 настоящего издания.

видеть, что мне известно соображение Форбигера; но из тона моего примечания видно также и мое отношение, вполне отрицательное, к ложному его толкованию, обусловленному неточными сведениями о географии России. А так как широта, в которой показаны Амадокийские горы, на полтора градуса севернее Метрополя, то у меня не могло быть и мысли о каком-либо сближении этих гор с территорией Киевской и Харьковской губерний, как то делает Форбигер. Амадокийским горам я не придаю никакой реальности, как согласен в том со мною мой уважаемый рецензент.

В общее объяснение как тех недочетов, которые нашел на моей карте мой рецензент, так и других более общего характера, считаю нелишним рассказать здесь историю самой работы, равно как и указать на те трудности технического характера, с которыми мне впервые пришлось ведаться на Птолемея. Полагаю, что это не окажется излишним, так как эти последние, вероятно, мало известны вообще и, как мне казалось при чтении рецензии В. В. Латышева, вовсе не приняты им в соображение, быть может, по той же общей причине. Если бы я сам ясно представлял себе все эти трудности, то у меня, быть может, не хватило бы решимости приняться за подобную работу. Я начал с того, что вычертил *все* пункты, указанные Птолемея в пределах Европейской Сарматии, по сетке большого масштаба, которую могла мне дать разграфленная на квадратики бумага. Предполагая взять цельный отрезок в пределах определенных градусов, я дополнил затем свой чертеж по сторонам Сарматии, на запад, юг и восток. Профессор астрономии в нашем университете, М. Ф. Хандриков, любезно обещавший оказать мне помощь в получении градусной сетки по

приему Птолемея, вычертил мне в большом масштабе градусную сетку полусферы, т. е. собственно меридианов через 5° , и параллель Родоса. Из этого чертежа пришлось затем взять отрезок в пределах нужных мне градусов и увеличить чертеж до размеров большого литографского камня, соответствующего обычному листу бумаги, употребляемой в литографиях. Эту работу мог сделать только умелый и опытный чертежник-специалист. Извлекая непосредственно из чертежа проф. Хандрикова отрезок, приходившийся сбоку, он дал ему направление по среднему меридиану Сарматии и увеличил его в пределах листа бумаги, вычертив к тем немногим меридианам, которые на нем были, все остальные и нанеся параллели в соответствии с вычерченной параллелью Родоса; кроме того, каждый градус был разделен на 6 частей в обоих направлениях пересекающимися линиями, так что получилась сетка четырехугольника в 10 минут в обоих направлениях. На эту сетку были перенесены, под моим наблюдением, все пункты, нанесенные мною на черновом экземпляре. При этом перечерчивании, в видах достижения большей ясности и большего однообразия карты, были оставлены без воспроизведения некоторые данные Птолемея вне пределов Европейской Сарматии, которые были нанесены мною на черновом экземпляре. С приготовленного таким образом оригинала сделано было несколько снимков граверами на литографической бумаге для перевода на камень по числу красок, примененных в дело на оригинале. При этом воспроизведении опущены были все внутренние деления в пределах каждого градуса и оставлены были только меридианы и параллели. Нерусский по происхождению,

и недостаточно, как оказалось, искусный в своем деле, гравер не всегда точно разбирал надписания и кружки, обозначавшие города. Вследствие этого на оттиске с камня с черной краской оказалось чрезвычайно много ошибок. Корректурa литографского издания гораздо сложнее, чем печатного. Чтобы исправить буквенную ошибку, приходится стирать с камня написанное. Но стирать камень можно только на толщину листа бумаги. Когда же приходится стирать два раза, то образуется такое понижение уровня, что на этом месте нельзя ничего более написать, так как все равно не получится на бумаге отпечатка. Если некоторые местности вне пределов Сарматии я опустил намеренно при изготовлении оригинала для литографии, то многое пришлось опустить при корректурах, вследствие повторительного неверного их написания. Так, например, исчез город Эск трибаллов на Дунае, который не мог не быть у меня в оригинале, так как его положение является причиной существования поворота в течении реки, который у меня обозначен. По этой же причине исчезли и некоторые из городов Крыма. Наряду с этим затруднением, вызванным недостатками литографического воспроизведения чертежа, явилось и другое, еще более для меня неожиданное и новое. Когда на оттиск с черной краской был наложен другой, с синей, то оказалось, что линии течения рек и берег моря во многих местах не сходятся с положением городов; кружки, их обозначающие, попадали не на тот берег реки, оказывались в море или далеко отступали от берега. Сложная процедура поправок с перетяжкой литографской бумаги по оригиналу, разрезом ее в разных местах и скреплением, что проделывал гравер на моих глазах,

заставляли меня скорбеть о возникавших при этом мелких, но подчас и довольно существенных, отступлениях от точности оригинала. Так, в местах разреза бумаги приходилось удлинять линию течения рек и морского берега, чтобы получить соответствие с черной частью карты. Особенно много возни было с Дунаем, который в различных корректурах различным образом отступал от городов, на нем расположенных. Достигнуть полного соответствия с оригиналом я не мог и поневоле примирился с тем, что Трикорий, Трамариска, Карс отступили от реки вправо, хотя их положение и дает нам линию течения Дуная. Во время этих манипуляций с перетяжкой бумаги пострадал и Днестр, «поворот» которого к югу переместился к востоку с надлежащего пункта. В этом можно убедиться, присмотревшись к месту истоков Гиераза. По Птолемею, место истоков этой последней реки подходит к «повороту» Тиры. Но для того чтобы города, расположенные на Гиеразе, попали на линию этой реки и Диногетия оказалась на месте впадения Гиераза в Дунай, пришлось подать вправо все течение Гиераза, и его истоки отступили от «поворота» Тиры, хотя вышли за 54° в. д. к западу. Если бы дело литографического воспроизведения в красках было мне раньше более знакомо, то я, вероятно, сумел бы лучше справиться с затруднениями, с которыми я встретился. Но это был мой первый опыт подобного издания. По прекрасному воспроизведению античного рисунка на заглавном листе моей книги «Смерть и бессмертие в представлениях древних греков», которое было исполнено в литографии Кульженка, я смело поручил той же фирме издание моей карты и тут только, при возне с коррек-

турами, увидел, что граверы у нее не столь сведущи в своем деле, как литограф. Перевести дело издания на другое заведение, о чем я думал, не мог я по разным причинам, а главным образом потому, что в таком случае я бы опоздал со своим изданием к сроку начала съезда. Так и пришлось мне помириться с некоторыми, не для всех заметными, отступлениями от точного воспроизведения изготовленного мною оригинала.

Моему уважаемому рецензенту, вероятно, не вполне известны все затруднения литографского воспроизведения чертежа в красках, а быть может он имел дело лишь с такими совершенными мастерскими, где эти затруднения устранены. Он поставил все открывшиеся его изоцтренному глазу неточности исключительно на мой счет, не помянув даже о том, что литография не то же самое, что фототипическое воспроизведение рисунка чисто механическим способом.

Хотя я и сам видел, пропустив последнюю корректуру карты, что в ней есть недочеты, возникшие не по моей вине и часто против моего старания исправить дело, но я не считал нужным предварять об этом моего читателя в предисловии как потому, что не хотел оправдываться и слагать с себя вину на внешние обстоятельства, так и потому, что допускал возможность, что есть недочеты, которых я сам не примечаю. Последнее и подтвердилось, так как В. В. Латышев нашел несколько таких погрешностей, которые ускользнули от моего внимания при корректурах.

Рассказав теперь историю моей работы, я, конечно, не снимаю тем с себя вины за те или другие недочеты моего издания. Но я позволю себе прибавить, что в такой карте, какова Птолемеева, т. е. прежде

всего *приблизительной* и притом в довольно грубой степени (достаточно напомнить о том, что наименьшая величина у Птолемея 5'), важно только *общее впечатление*. Источником для изучения Птолемея такая карта не является. Она есть только способ наглядного представления о том, что знал Птолемей и его современники о воспроизведенных в чертежах странах и местностях. Так как текст Птолемея есть прежде всего и главным образом перечисление долгот и широт отдельных мест, то он сам по себе не может дать нам никакого представления о том, каково было это знание и в какой степени оно соответствовало реальным условиям. Потрудившись над воспроизведением в чертеже небольшой части географии Птолемея, наиболее интересной для нас, русских, я смею думать, что сделал Птолемея доступным и понятным для всех. Если кто другой после меня издаст карту Птолемея исправнее и изящнее, то я первый буду этому радоваться, как проявление интереса к Птолемею, о возбуждении которого я, по мере сил и умения, постарался своим изданием.

От карты я должен обратиться теперь к моему тексту, который, как я позволяю себе думать, нашел не вполне справедливую оценку со стороны моего уважаемого рецензента.

Приложенный в объяснение моей карты текст разделен мною на две главы, а в пределах глав, для большей ясности и удобства читателя, на параграфы. Первой главе дан общий заголовок «География Птолемея», второй — «Карта Европейской Сарматии». Мой рецензент не входил в рассмотрение моей первой главы, ограничившись замечанием, что она содержит «сведения более или менее известные фило-

логам». Не могу не заметить, что я не разделяю оптимизма, который заключен в этом суждении. Птолемей, как и вся область древней географической литературы, не принадлежит к авторам, которые более или менее известны филологам вообще. Гораздо справедливее будет сказать, что он мало интересует филологов вообще. Мне самому пришлось, для того чтобы довести изложенные мною сведения о Птолемею в связи с историей математической географии у греков до той простоты, ясности и удобопонятности, в какой они, надеюсь, предстают в моем тексте, поработать гораздо больше и усиленнее, чем я предполагал, принимаясь за выполнение поставленной себе задачи. Если весь мой черновой труд исчез бесследно из моего текста и мало выглядывает из примечаний, то главной причиной того был мой давно поставленный себе девиз из Горация: *Quidquid praecipies, esto brevis* [Чему бы ты ни учил, пусть будет кратко]. Птолемей важен и дорог не для филологов, а для новой европейской науки, как представитель и завершитель тех принципов математической географии, которые постепенным творческим трудом созданы были греками и долго лежали втуне, как зарытый клад. В своем обзоре я выяснил в кратких и общих чертах связь Птолемея с предшествующим развитием научной мысли и воздействие его на новоевропейскую науку. Если все это действительно «более или менее известно филологам», то мое доступное и простое изложение не будет, полагаю, излишним для географов, так как мне приходилось замечать, что даже в трудах наших географов-специалистов древняя география и Птолемей, в частности, рисуются в крайне туманных и неопределенных

силуэтах. Посвящая свой труд съезду, я, конечно, обращался ко всем, и филологам, и людям, далеким от всякой филологии.

Что касается до моей второй главы, т. е. общего комментария к карте Европейской Сарматии, то она произвела на моего рецензента впечатление «некоторой незаконченности». Я бы ничего не мог сказать против этого суждения, так как и сам заявил в предисловии, на что обратил внимание и В. В. Латышев, — что я далек от мысли исчерпать вопросы, которые может вызвать карта Птолемея: но я в принципе расхожусь с тем, что он понимает под отмеченной у меня незаконченностью, как видно из следующего его суждения: «В тексте, приложенном к специальному изданию карты европейской Сарматии, вычерченной на основании свидетельств *одного* писателя, скорее всего следовало бы ожидать подробного и систематического рассмотрения *всех* данных, сообщаемых этим писателем». — Я вполне понимаю, что можно поставить себе целью подробно разобрать *все* данные, содержащиеся в тексте того или иного писателя; но я не только не задавался такой целью, но, признаюсь, считал бы такую работу в отношении Птолемея совершенно бесцельной. Подобную работу должен был бы предпринять разве только тот, кто бы принялся за новое критическое издание Птолемея по рукописям. Так поступил Мюллер, не успевший, к сожалению, довести до конца свое издание. Его примечания, помимо разночтений, содержат в себе самый обстоятельный свод сведений о каждом имени, как в географической литературе древних, так и в современных ученых исследованиях по географическим вопросам древности. Но я издавал не текст Пто-

лемя, который вправе требовать от своего издателя огромной филологической работы, причем разъяснение данного автора, как бы специально и сухо оно не было, к каким бы результатам оно не приводило, является само себе целью. Свою задачу я понимал совершенно иначе. Издавая данные Птолемея в удобобозреваемой форме карты, вычерченной по данному им рецепту проекции сферы на плоскости, я желал содействовать тому, чтобы данные Птолемея могли войти в наиболее широкий обиход людей, интересующихся судьбами нашей родины. Дал ли я что-либо полезное для специалистов как своей картой, так и своим комментарием, об этом не мне судить. Если в моем комментарии нет погрешностей и он стоит на современном уровне специальной ученой литературы, то с меня этого достаточно. Недочетов в этом отношении мне не указал мой уважаемый рецензент, а в вопросах этого рода он более, чем кто другой, компетентен. Но если он делает мне упрек в том, что я, например, не вхожу в пересмотр вопроса о Каркините, то я не могу считать его правым. Мой комментарий не мог и не должен был быть комплексом исследований об отдельных спорных вопросах древней географии территории нашего отечества. Он есть общий обзор того, что нам особенно ценно у Птолемея, как в смысле цельного знания того времени о нашей территории, так и тех данных, где Птолемей является для нас единственным источником знания. На этом основании я совершенно исключил из рассмотрения все те данные, где Птолемей стоит ниже знания своего времени и где мы имеем лучших, чем он, свидетелей. Таково все южное поморье Европейской Сарматии. В своем тексте я два раза назвал Арриана, как

свидетеля гораздо более авторитетного для выяснения того, что тогда было известно о поморьи и тем самым для постановки и решения топографических вопросов о древних поселениях на морском берегу. К поморью отнес я и весь Таврический полуостров, который в избранном мною, по необходимости, масштабе карты оказался к тому же слишком малым по размерам, чтобы можно было с удобством останавливаться, ссылаясь на карту, на относительном положении отдельных его местностей. Я предпочитал удержать внимание моего читателя в самых недрах «скифских пустынь», употребляя слово Аммиана Марцеллина, и, коснувшись готов, хуннов и Метрополя, направить его воображение в сторону тех событий, которые открыли эти пустыни для исторической и культурной жизни.

Сказанным я ограничусь в объяснении «незаконченности» моего комментария. По моей мысли он и не мог быть полнее; иначе он бы грозил обратиться в отпугивающую своей специальностью тяжелую работу филолога-издателя текста, и на него мог бы, пожалуй, распространить свое действие «закон» исторического труда, о котором говорит Ювенал:

...milesima pagina surgit

[тысячная страница вздымается].

В заключение мне остается выразить моему уважаемому рецензенту самую искреннюю признательность за то, что своей внимательной проверкой моей карты и указанием на все недочеты, которые он в ней нашел, он помог мне увидеть те погрешности, которых я сам не замечал на карте, слишком долго бывшей у меня пред глазами, как во время самой работы, так и при многочисленных и столь затруднитель-

ных корректурах; а во-вторых, — дал мне повод войти в разъяснение как внешних условий моего издания, так и цели, какую я себе ставил в своей работе. Если я и не могу вполне согласиться с ним относительно того, что я должен был сделать, то во всяком случае я признаю возможность иной постановки вопроса об объяснении и толковании Птолемея. Для себя я покончил вопрос; но это не значит, что он кончен, как нет ничего оконченного в науке.

Юлиан Кулаковский
Киев. 25 октября 1899 г.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Ю. А. КУЛАКОВСКИМ

В настоящем издании ссылки на источники даны в том виде, как они приводятся Кулаковским. Система его ссылок и сокращений не унифицирована и отличается от современной. В прилагаемом ниже списке раскрываются ссылки на используемые исторические источники (за исключением тех, которые понятны из текста) и даются краткие комментарии к древним и средневековым авторам и их произведениям. Характер ссылок Кулаковского не всегда дает возможность определить использованные издания и в таком случае они не указываются.

1. *Acta Sanctorum. Julii. VII. Vita S. Germani = Acta Sanctorum. Julii. Tomus VII. 1868. Констанций из Лиона. Житие св. Германа* в серии «Деяния святых».

2. *Amm(ianus) Marc(ellinus) = Аммиан Марцелин* (ок. 330–после 391 г.), римский историк, автор труда, называемого «Историей», в оригинале *Res Gestae* (Деяния).

3. *Anna Comn(nena) — Анна Комнина* (1083–1148 гг.), дочь византийского императора Алексея I, автор «Алексиады» (*Alexias*).

4. *Anon(ymi) Peripl(us). Geographi gr. min. Müller,*

I. = GGM. Vol. I. — «Перипл Анонима», греческий (византийский) перипл Понта Евксинского, иначе — «Перипл» Псевдо-Арриана, написанный, предположительно, в V в. н. э. в подражание «Периплу» Арриана.

5. *Apoll. Sid. Carm. Epist. Mon. hist. Germ., Auct. ant. VIII*, Lütjohann = *Apollinaris Sidonius. Carmina. Epistolae* / Ed. C. Lütjohann // MHG. Auctores Antiquissimi. 1887. Т. VIII. — *Аполлинарий Сидоний*. Стихотворения. Письма. Гай Соллий Аполлинарий Сидоний (430-е гг. — ок. 483 г.), галло-римский писатель и политический деятель.

6. *Appian(us). Mithrid(atica)* — *Аппиан*. Митридатовы войны. Аппиан (ок. 100 — ок. 170 гг.) — греческий историк из Александрии.

7. *Aristoph(anes). Nubes* — *Аристофан*. Облака. Аристофан (ок. 448 — после 386 г. до н. э.), великий афинский комедиограф.

8. *Aristot(eles). De caelo*. — *Аристотель*. О небе. Аристотель (384–322 гг. до н. э.), крупнейший греческий философ.

9. *Arriani Scripta minora*, ed. Herscher — Eberhard. 1885. = *Arriani Nicomediensis scripta minora iterum rec. K. Hercher, ed. A. Eberhard. Lipsiae, 1885*. Арриан (ок. 86–после 161 г. н. э.) — греческий историк, автор упоминаемых у Кулаковского «Перипла Понта Евксинского» и «Диспозиции против алан».

10. *Aurel. Vict. Caes.* — *S. Aurelius Victor. De caesaribus* (О цезарях). Секст Аврелий Виктор (IV в. н. э.).

11. *Baronii Annales Ecclesiastici*. — *Бароний*. Церковные анналы. Цезарь Бароний (1538–1607), кардинал, историк Церкви.

12. *Cantacuz(en)*. — Иоанн VI Кантакузин (ум.

1383), византийский император (1341–1354), автор византийской истории с 1320 по 1357 гг.

13. *Capitolin(inus)*. V(ita) Marci. (Жизнь (императора) Марка). Юлий Капитолин, один из шести авторов «писателей истории августов» (*scriptores historiae Augustae*) (по-видимому, IV в. н. э.).

14. *Cassiod(orus)*. Chron(ica). Momm. = *Cassiodorus*. *Chronica ad a. 519* / Ed. Th. Mommsen // MGH. *Auctores Antiquissimi*. T. XI. Vol. II. B., 1894; *Кассиодор*. Хроника. Флавий Магн Аврелий Кассиодор Сенатор (ок. 487–578) — итало-римлянин, секретарь и советник остготского короля Теодориха Великого, историк и писатель.

15. *Chiliades*. (*Kilessling*'a Lips., 1826). = *Historiarum Variarum Chiliades*/Ed. Th. Kiessling. Lipsiae, 1826. *Иоанн Цец*. Хиляды. Иоанн Цец (ок. 1110 — после 1180), византийский поэт, писатель, комментатор.

16. *Chron. Gall*. Momm. = *Chronica Gallica a. 452* / Ed. Th. Mommsen // MGH. *Auctores Antiquissimi*. T. IX. *Chronica minora*. Saec. IV–VII. 1892. Vol. I — Галльская хроника (V в.). Автор неизвестен.

17. *Claud(ianus)*. Carm(ina). — *Клавдиан*. Стихотворения. Клавдий Клавдиан (ок. 375–404), римский поэт греческого происхождения, панегирист Стилихона.

18. *Const(antine) Porph(yrogenitus)*. De adm(inist-rando) imp(erio). De caerim(oniis) aul(ae) Byz(antinae) = De ser. — *Константин Порфирородный*. Об управлении империей. О церемониях византийского двора. Константин Порфирородный, византийский император (908–959).

19. *Corp. Inscr. Lat.* = *Corpus Inscriptiones Latinarum*.

20. *Dexippi* (frg.) — Публий Герений Дексипп (III в. н. э.), афинский историк, автор «Скифских

войн» и «Хроники», дошедших до нас в выдержках византийских писателей.

21. *Dio Cassius* = Дион Кассий Коккеян (ок. 150–после 229), греческий историк, римский государственный деятель, автор «Римской истории» в 80 книгах.

22. *Domit(ianus)* = Домициан. — Биография императора Домициана из «Жизни 12 цезарей» известного писателя Гая Светония Транквилла (ок. 70 – ок. 140).

23. *Ducas* — Михаил Дука (ок. 1400–1470), византийский историк, представитель знатного рода, написал «Византийскую историю», охватывающую события 1341–1462 гг.

24. *Epist(olae) Nicol. Myst.* — Письма Николая Мистика (PG. Т. 111).

25. *Eustath(ius)* (Евстафий). *De capta Thessalonica*. Взятие Фессалоники. Евстафий Солунский (ок. 1115 – после 1195), византийский писатель, комментатор античных текстов.

26. *Geographi gr. min. Müller.* = *Geographi graeci minores* / Ed. K. Müller. Paris, 1855–1861. Vol. I–II.

27. *Greg. Turon. Hist. Franc. Mon. hist. Germ.* = *Gregorius Turonensis. Historia Francorum. Opera omnia* / Ed. W. Arndt, Br. Krusch // *Monumenta Germaniae historica. Scriptores rerum Merovingicarum. Hannoverae*, 1884–1885. Т. 1. — Григорий Турский. История франков. Григорий Турский (ок. 538 – ок. 594), епископ города Тура с 573 г., историк.

28. *Hydat. Cont. chr. Hier.* = *Hydatii Lemn. Cont. Chron. Hier. Momm. Hydatii Contin. Chron. Hieron. Mom.* = *Hydatius Lemicus. Continuatio chronicorum Hieronymianorum ad a. 468* / Ed. Th. Mommsen // *MGH. Auctores Antiquissimi. T. XI. Chronica minora. Saec. IV–VII. Vol. II. B.*, 1894. — Гидаций (Идаций). Продолжение хроники Иеронима. Гидаций (ок. 427–

510 или 470), епископ Галисии, с 445 г. епископ Астурики, автор «Хроники», охватывающей события 379–468 гг.

29. *Iohan(nes) Eriphan(iensis)*. — Иоанн Эпифанейский (VI в.), советник антиохийского патриарха Григория (570–593), автор истории войн Византии и Персии в 571/2–592/3 гг., от которой сохранились введение и начало первой книги.

30. *Iohan(nes) Lyd(us)*. *De mag(istratibus)*. — Иоанн Лидиец. О должностях. Иоанн Лидиец (VI в.), византийский писатель, служил в имперской канцелярии.

31. *Iohan(nes) Scyl(itza)*. *Migne (Patr. gr. t. 122)*. — Иоанн Скилица (после 1040 – нач. XII в.), византийский историк, автор большого хронографического сочинения «Обозрение историй», повествующего о событиях 811–1057 гг.

32. *Isidor(us)*. *Hist(oriae) de regno Goth(or)um Vand(alorum) Suev(or)um*. *Origines*. — Исидор. История королевства готов, вандалов и севов. Начала. Исидор Севильский (Гиспальский) (ок. 570–636), родом из Картажены (Испания), архиепископ Севильи (Гиспалиса) в 600–601 г., ученый и писатель.

33. *Jord(anes)* или *Iord(anes)*. *Rom(ana)*. *Get(ica)*. — Иордан. Римская история. Гетика. Иордан (ок. 485–551), историк, находился на византийской службе, в последние годы жизни жил в Равенне. Выходец из смешанной готто-аланской среды. По мнению Кулаковского — алан.

34. *Joseph(us)*. *Ant(iquitates) Jud(aicae)* (Niese). *Bell(um) Jud(aicum)*. = *Flavii Josephi opera edidit et apparatus critico instruxit Benedictus Niese*. 7 Bde. В., 1887–1895. — Иосиф Флавий. Иудейские древности. Иудейская война. Иосиф Флавий (37–ок. 95 гг.), иудейский историк и военачальник, участник Иудей-

ского восстания 66–70 гг.

35. *Laon(icus) Chalcocond(yles)*. = *Laonic. Chalcocond.* — Лаоник Халкокондил (ок. 1423 – ок. 1500), византийский историк и государственный деятель, родом из Афин, автор «Истории» в 10 книгах с 1298 по 1463 гг.

36. *Lucan(us)*. *Phars(alia)*. — *Лукан*. Фарсалия. Марк Анней Лукан (39–65 н. э.), римский поэт, участник заговора против Нерона, кончивший самоубийством.

37. *Marc. Com. Chr. Momm.* = *Marcellinus Comes. Chronicon* / Ed. Th. Mommsen // MGH. *Auctores Antiquissimi*. T. XI. *Chronica minora*. Sae. IV–VII. B., 1894. Vol. II. — Марцеллин Комит (V–VI вв.), до 527 г. секретарь императора Юстиниана (527–565), затем служил в Иллирике. Автор «Хроники» о событиях 379–534 гг.

38. *Menandri frg.* Dind. — Менандр Протектор (VI в.), византийский историк, родом из Константинополя, служил в императорской гвардии при императоре Маврикии (582–602). Автор исторического труда, дошедшего в фрагментах. Кулаковский пользовался изданием: *Historici Graeci minores* / Ed. L. Dindorf. Vol. 2. Lipsiae, 1871.

39. *Miklosich et Müller. Acta Patr. Const.*, I. = *Acta Patr. Constan.* Miklosich et Müller, I. = *Miklosich Fr., Müller J. Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana*. Windobonae, 1860. Bd. I.

40. *Migne. Patr. Gr.* = *Patr. Graeca. Migne.* = *Migne J. P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*.

41. *Mon(umentum) Anc(yranum)*. — Анкирский памятник (другое название — Деяния божественного Августа), найденный в 1555 г. в Анкире.

42. *Müller. Frg. hist. gr.* = *Fragmentae Historicorum graecorum* / Ed. K. Müller. Paris, 1849–1870. Vol. I–V.

43. *Niceph(orus) Bryen(nius)*. — Никифор Вриенний (ок. 1062 – ок. 1140), византийский историк, автор «Исторических записок», охватывающих события 976–1087 гг. Занимал высокие посты при дворе, муж Анны Комниной.

44. *Nic(ephorus) Greg(oras)*. — Никифор Григора (ок. 1290–ок. 1360), византийский ученый, историк, автор «Римской истории» о событиях 1204–1359 гг.

45. *Nic(etas) Chon(iates)*. — Никита Хониат (ок. 1150–1213), византийский писатель, автор «Истории ромеев» о событиях 1118–1206 гг.

46. *Notitia Dignitatum in part. Occid.* ed. Böcking = *Notitia dignitatum utriusque Imperii* / Ed. E. Böcking. Bonn, 1834. — Список почетных должностей (ок. 410 г. н. э.).

47. *Olympiodori excerpta, Dind.* = *Olympiodorus. Fragmenta* / Ed. L. Dindorf // HGM, 1870. Vol. I. — Олимпиодор, поэт и историк V в., автор «Истории» в 22 книгах о событиях с 407 по 425 гг., сохранившейся в отрывках.

48. *Orig(enes)*. — Ориген (ок. 185–253/254), родом из Александрии, христианский писатель, богослов, автор сочинения «Против Цельса» и ряда других. Осужден Церковью как еретик.

49. *Oros(ius)*. *Hist.* — Павел Орозий (ок. 380 – ок. 420), римский историк, ученик блаженного Августина, автор «Семи книг историй против язычников» (*Historiarum adversus paganos libri VII*).

50. *Pacati panegyricus*. *Baehrens* = *XII Panegirici Latini* / Rec. A. Baehrens. Lipsiae, 1874. — Панегирик Паката, 12-й панегирик антологии «латинских» (см.) или галльских панегириков, принадлежащий Латину Пакату Дрепанию.

51. *Panegyrici latini*. = Латинские панегирики, сборник панегириков, составленный в Галлии в конце III–IV вв., состоящий из 12 речей, принадлежащих разным авторам.

52. *Paulini Pellaei Eucharisticos* (Corp. Scr. Eccl. Latin. Windob. Vol. XVI) = *Paulinus Pellaeus. Eucharisticos deo sub ephemeridis meae textu* / Rec. G. Brandes // CSEL. Vindobonae, 1888. Vol. XVI. Pars. 1. — *Павлин Пеллейский*. Эвхаристик. Павлин Пеллейский (376–после 460), предположительно внук поэта Авсония, автор автобиографической поэмы в виде благодарственной молитвы.

53. *Paulus. Historia Romana*. = *Павел*. Римская история. Павел Диакон (ок. 720–800), лангобардский историк.

54. *Plinius. N. N.* = *Плиний*. *Hist(oria) Natur(alis)*. Естественная история. Гай Плиний Секунд Старший (23/24–79 н. э.), римский ученый и писатель.

55. *Plutarch(us). De fort(une) Roman(orum)*. = *Плутарх*. О счастье римлян. Плутарх (ок. 45 – после 120), из Херонеи, знаменитый греческий писатель.

56. *Polyb(ius). (Hulsch)*. = *Polybii Historiae* / Rec. Fr. Hultsch. Berolini, 1867–1872. T. I–IV. — Полибий (ок. 200 – ок. 120), из Мегалополя, греческий историк, автор «Всеобщей истории» в 40 книгах.

57. *Prisci frg. Dind.*, *Hist. gr. min. I*. — Приск Панийский (ок. 410 – ок. 475), византийский писатель, участник посольства к Атилe в 448 г. Сохранились фрагменты его исторического сочинения. Кулаковский пользовался изданием: *Historici Graeci minores* / Ed. L. Dindorf. Vol. 1. Lipsiae, 1871.

58. *Procop(ii) Bel. G. = b. g. = bel. got. = De bello Gothico*. — *Прокопий*. Война с готами. *Bel. Pers. = Bell. Pers. = De bello Persico*. — Война с персами. *Bel.*

Vand. = De bello Vandalico. — Война с вандалами. De aedif(iciis). — О постройках. Прокопий Кесарийский (490/507—после 565), византийский историк, секретарь полководца Велизария, участник войн с персами, вандалами, готами.

59. *Prosper. Tir.* Ep. Chron. Mom. = *Prosperi Tironis Epitoma Chronicon edita primum a. 433, continuata ad a. 455 / Ed. Th. Mommsen // MGH. Auctores Antiquissimi. T. IX. Chronica minora. Saec. IV–VII. 1892. Vol. I.* — Проспер Тирон (ок. 400–463), хронист, секретарь римского папы. Составил «Хронику» в продолжение «Хроники» Иеронима с 379 по 455 год.

60. *Rec(ueil) des Voyages.* — Начальные слова французского издания латинского текста путешественника XIII в. Гильома Рубрука: *Recueil des Voyages et de mémoires publié par la Société de Géographie. Vol. IV. P., 1839.* Русский перевод: Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М., 1957.

61. *Salvian(us).* De gubern(atione) Dei. — Сальвиан. О промысле Божьем. Сальвиан из Массилии (ок. 400–480), христианский священник и писатель.

62. *Scr(iptores) hist(oriae) Aug(ustae).* — Писатели истории августов. Сборник жизнеописаний римских императоров от Адриана до Нумериана (117–284 гг.), приписываемый шести авторам, согласно посвящениям в тексте, современникам Диоклетиана (284–305) и Константина (306–337): Элию Спартиану, Юлию Капитолину, Вулканцию Галликану, Элию Лампридию, Требеллию Поллиону, Флавию Вописку. Считается, что названные авторы вымышлены, а сам сборник — произведение одного неизвестного автора конца IV в. н. э. У Кулаковского упо-

минаются биографии: V(ita) Aurel(iani) — Жизнь Аврелиана. V(ita) Probi — Жизнь Проба. Gord(iani) tres. — Трое Гордианов.

63. *Solin. Collectanea*, Momms. = *Julius Solinus. Collectanea rerum memorabilium / Iterum rec. Th. Mommsen. B., 1895.* — *Солин. Сборник достопримечательностей.* Гай Юлий Солин, латинский автор III в.

64. *Sozom. Hist. Eccles.* = *Hist. eccl. (Migne, P. G. 67) = Sozomenus. Historia ecclesiastica // PG. 1864. T. 67.* — *Созомен. Церковная история.* Гермий Созомен (ум. после 446 г.), византийский писатель, автор «Церковной истории» в 9 книгах, сохранившейся в отрывках.

65. *Stephan(us) Byz(antius).* — Стефан Византийский (ок. VI в. н. э.), составитель словаря «Этника» с описанием народов.

66. *Strabo. Müll.* — Страбон (ок. 64/63 г. до н. э. — ок. 23/24 г. н. э.), древнегреческий писатель, автор «Географии» в 17 книгах. Кулаковский пользовался, вероятно, текстом в издании: *Strabonis Geographica. Graece cum versione reficta / Curantibus C. Müllero et F. Dübnero. Parisiis, 1853–1857. Vol. I–II.*

67. *Stritter. Memoriae populorum.* = *Stritter J. G. Memoriae populorum olim ad Danubium, Pontum Euxinum, paludem Maeotidem, Caucasum, mare Caspium et inde magis ad septemtriones incolentium ex scriptoribus historiae Byzantinae erutae et digestae. Petropoli, 1771–1779, I–IV.* Рус. издание: Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов; собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. Спб, 1771–1775. Ч. I–IV.

68. *Tacit(us). Ann(ales). Hist(oria). Germ(ania).* = *Тацит. Анналы. История. Германия.* Публий Кор-

нелий Тацит (57—после 117), известный римский историк.

69. *Theoph(anes). Chron(ographia)*. — *Феофан*. Хронография. Феофан Исповедник (ок. 760—818), византийский историк, продолжатель всемирной хроники Георгия Синкелла. «Хронография» охватывает события с 284 по 813 гг.

70. *Theoph. Byz. Dind.* = *Theophanis Byzantii Fragmenta* / Ed. L. Dindorf // HGM. Vol. I. — Феофан Византиец (конец VI в.), автор «Истории» в 10 книгах о событиях 566—581 гг., дошедшей в отрывках.

71. *Theoph. Sym. De Boor.* = *Theophylactus Simocatta. Historiae* / Ed. C. de Boor. Lipsiae, 1887. — Феофилакт Симокатта (VII в.), секретарь императора Ираклия (610—641), византийский историк, автор «Всемирной истории» в 8 книгах о событиях 583—603 гг.

72. *Thyest.* = *Фиест* — трагедия Луция Аннея Сенеки (4 г. до н. э. — 65 г. н. э.).

73. *Trist(ia)*. Печальные песни. Публия Овидия Назона (43 г. до н. э. — 17 г. н. э.).

74. *Val(erius) Flac(cus)*. *Argonautica*. = *Валерий Флакк*. Аргонавтика. Гай Валерий Флакк Бальб (ум. ок. 93/94 г. н. э.), римский эпический поэт, автор «Аргонавтики» в восьми книгах.

75. *Victor Vitensis. Hist. persec. Vandal.* = *Victor Vitensis Historia persecutionis Africanae provinciae Vandalicæ sub Gensericō et Hunericō*. — Виктор Витенский (V в. н. э.), епископ г. Виты в Африке, автор «Истории домогательств африканских провинций Гензерихом и Гунериком, владыками вандалскими».

76. *Zonaras*. — Иоанн Зонара (конец XI в. — после 1160), византийский историк, автор всемирной «Краткой истории» от сотворения мира до 1118 года.

77. *Zosim(us)*. — Зосим (V в.), византийский историк, представитель языческой оппозиции, автор «Новой истории» в 6 книгах от Августа до 410 г. н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- БСЭ — Большая Советская Энциклопедия
- ЖМНП — Журнал Министерства Народного Просвещения
- ПАВ — Петербургский Археологический Вестник
- РА — Российская Археология
- СИЭ — Советская историческая энциклопедия
- CSEL — Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum
- GGM — *Geographi graeci minores* / Ed. C. Müller. Paris, 1855–1861
- HGM — *Historici graeci minores* / Ed. L. Dindorf. Lipsiae
- MGH — *Monumenta Germaniae Historica*
- PG — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series graeca*
- PL — *Migne J.-P. Patrologiae cursus completus. Series latina*
- RE — *Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft*

СОДЕРЖАНИЕ

**С. М. Первалов. Ю. А. КУЛАКОВСКИЙ
И ЕГО ТРУДЫ ПО ИСТОРИИ АЛАНОВ 5**

**АЛАНЫ ПО СВЕДЕНИЯМ КЛАССИЧЕСКИХ
И ВИЗАНТИЙСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ 43**

Предисловие 43

- I. Савроматы у Геродота. Противоречия в его сведениях относительно их территории.
Сведения Страбона о населении южнорусских степей.
Судьба наименований «скифы»
и «сарматы» 46
- II. Первое упоминание имени алан. Свидетельство Иосифа Флавия о территории этого племени.
Ворота Каспийские и Кавказские.
Нашествие 135 года.
Аланы на карте Птолемея 58
- III. Аланы в столкновениях с империей в странах придунайских. Появление их на территории Крыма.
Карта припонтийских стран
у Аммиана Марцелина, его свидетельства
об аланах. Свидетельства древних
географических карт 68
- IV. Аланы в подчинении у гуннов.
Их участие в набегах на империю.
Аланы на римской службе у императора.
Грациана и в последующие времена 82
- V. Связь вандалов с аланами. Языги — сарматы.
Движение вандалов, свевов и алан
в 406 году на Рейн 91
- VI. Аланы в Галлии. Респендиал. Гоар.
Свидетельство Павлина из Пеллы о событиях 414 года.
Аланы в Галлии при Аэции.
Житие св. Германа. Беоргор. Аланы
с вандалами в Африке. Аланы в нижней
Мезии. Иордан и его предки 100

VII. Прикавказские аланы в VII веке. Отношения их к империи. Нашествие турок. Эпизод из жизни имп. Льва. Крещение алан. Свидетельства Константина Порфирородного. Семейные связи византийских императоров с аланскими царевнами в XI и XII вв.	122
VIII. Появление татар в южнорусских степях. Свидетельства об аланах на их родине: доминиканца Юлиана, епископа Феодора Аланского, Плано Карпини, Рубруквиса, Иосафата Барбаро и Лаоника Халкокондила	140
IX. Аланы в Крыму близ Херсона. Свидетельство Абульфеда. Эпизод 1300 года в сообщении Пахимера. Аланы в пределах империи. Следы алан в именах местностей. Упоминание имени алан у историка Дуки под 1462 годом. Аланы в Венгрии.	147
ХРИСТИАНСТВО У АЛАН	165
I	165
II	177
ЕПИСКОПА ФЕОДОРА «АЛАНСКОЕ ПОСЛАНИЕ»	193
КАРТА ЕВРОПЕЙСКОЙ САРМАТИИ ПО ПТОЛЕМЕЮ (ПРИВЕТСТВИЕ XI АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ СЪЕЗДУ)	219
Предисловие	219
Глава I. География Птолемея	221
Глава II. Карта Европейской Сарматии	245
ПРИЛОЖЕНИЕ. Карта Европейской Сарматии по Птолемею (Ответ акад. В. В. Латышеву)	277
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ, ИСПОЛЬЗОВАННЫХ Ю. А. КУЛАКОВСКИМ	304
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	316

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

Н. И. Пашковская

Корректоры:

Е. Г. Белоус,

А. О. Бреlian

Оригинал-макет:

Е. И. Шиленкова,

Р. И. Бабушкина

ИЛ № 064366 от 26. 12 1995 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

E-mail: aletheia@spb.cityline.ru

Сдано в набор 15.03.2000. Подписано в печать 22.08.2000.

Формат 70×100/32. Объем 10 п.л. Тираж 1300 экз. Заказ № 3482

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии

«Наука» РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia

